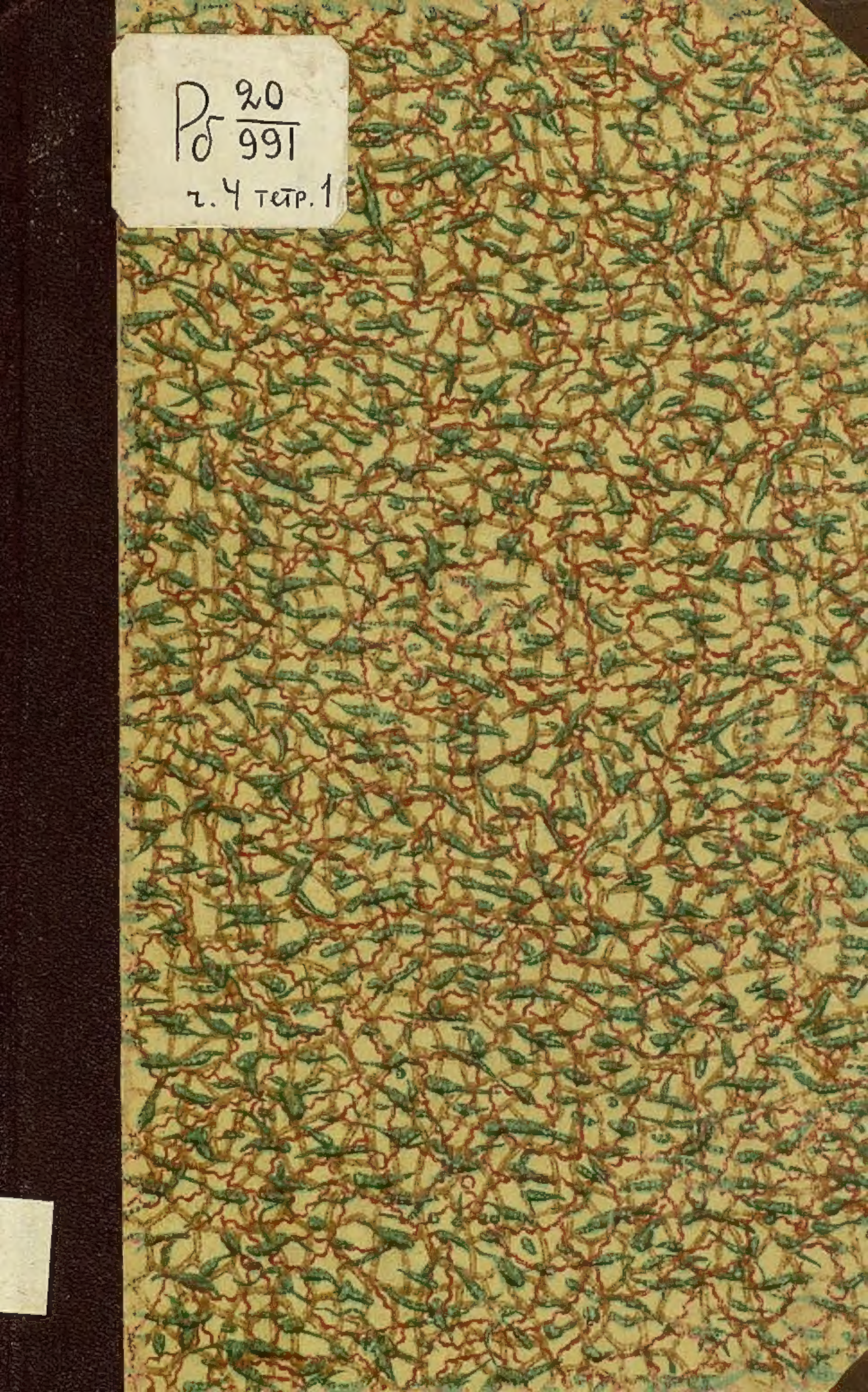
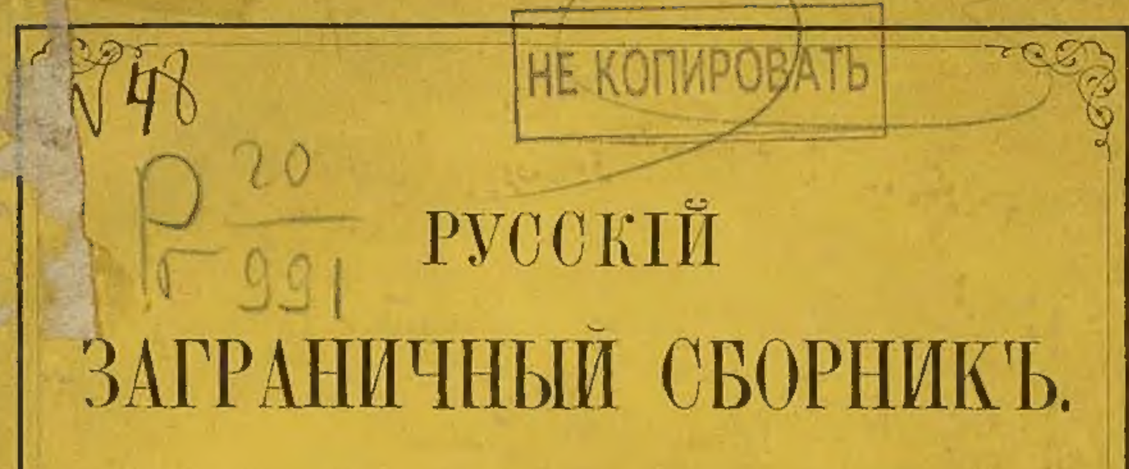

Рб 20/991
ч. 4 тетр. 1

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ
и
О СУДАХЪ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ВЪ РОССІИ.

(*Du jury et de la police en Russie.*)

Гласъ вопіющаго въ пустыни:
уготовайте путь Господень, правы сотворите стези Бога нашего.
Іс. XL. 3.

ЧАСТЬ IV. — ТЕТРАДЬ I.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1860.

Объявленіе
О РУССКИХЪ КНИГАХЪ,
А. ФРАНКА.

ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ УЛИЦѢ РИШЕЛЬЕ, 67.

(Livres russes publiés par A. Franck, à Paris, rue Richelieu, 67).

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ. (Documents russes tome I en 6 livrons). Томъ I. въ 6 тетрадяхъ. Содержаніе: 15. —

1. НѢМЦЫ И ДУНАЙ. — (Les Allemands et le Danube). 3. 50
2. ЖУРНАЛЪ СЕВАСТОПОЛЯ. — (Journal de Sébastopol). 2. 50
3. ПИСЬМО КЪ НАСТАВНИКУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА. — (Lettre au gouverneur de S. A. I. le Grand-Duc Héritier). 1. 25
4. ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА. — (Le clergé des campagnes). 7. 50
5. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА РОСТОПЧИНА. — (Extrait des mémoires du comte Rostoptschine). 1. 50
6. КАРАМЗИНЪ И СПЕРАНСКІЙ. — (Karamzine et Spéranski). 3. —

Томъ II.

Томъ II. въ 4 Тетрадяхъ. (Le tome II. en 4 livr.) 13. —

1. ПОРА! (Il est temps!) 3. —
2. О СИЛѢ И ДѢЙСТВІИ РЕСКРИПТА, 20 Ноября 1857 года. (Sur la portée et l'effet de la loi du 20 Novbr. 1857). 2. —
3. ЗАМѢЧАНІЯ НА РИМСКІЯ ПИСЬМА (Remarques sur les lettres de Rome de Murawieff). 6. —
4. ІЕЗУИТЫ КРАСНАГО ПѢТУХА НАМЪ ПУСТИЛИ, или РАЗВРАТИТСЯ-ЛИ РОССІЯ ВЪ ЛАТИНСКІЙ КАТОЛИЦИСМЪ? Петромъ Артамовымъ вяземскимъ мужичкомъ. (Artamoff, le coq rouge). 5. —

Томъ III.

Томъ III. въ 5 Тетрадяхъ. (Le tome III. en 5 livr.) 13. —

1. ВОПРОСЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ и ВОПРОСЪ УПРАВЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ. (La question d'affranchissement et la question d'administration des paysans). 6. —

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ

и

О СУДАХЪ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ ВЪ РОССІИ.

(*Du jury et de la police en Russie.*)

Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, правы сотворите стези Бога нашего.
Іс. XL. 3.

ЧАСТЬ IV. — ТЕТРАДЬ I.

PARIS,
BERLIN, A. ASHER & Co.
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.
LONDON, TRÜBNER & Co.
1860.

2007058104

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
КНИГА
ОРУДИЕ
ЗА
ИСТИНУ
И

Предисловіе.

Всѣ преобразованія, всѣ реформы вообще бываютъ двоякаго рода. Вліяніе однихъ ограничивается сферою матеріальною, вещественною; другія непосредственнымъ дѣйствіемъ своимъ проникаютъ въ высшія сферы нравственнаго быта людей. Конечно вліяніе первыхъ распространяется иногда далѣе той цѣли, для коей онѣ были въ самомъ началѣ предприняты, — такъ какъ польза даже просто матеріальная часто производитъ выгодное дѣйствіе въ нравственномъ отношеніи. Не менѣе того отличительный характеръ обоего рода преобразованій, ясно существуетъ и ясно отражается въ прямыхъ, непосредственныхъ послѣдствіяхъ ихъ. Такъ, напримѣръ, здравое преобразованіе тарифа, утверждающее свободу торговли и обмѣна товаровъ, есть, по самому существу своему, реформа матеріальная; между тѣмъ какъ здравое преобразованіе ученія народнаго, учебной части въ государствѣ, есть реформа нравственная, моральная. И то и другое полезно и благотворно; но каждое въ своемъ родѣ, въ своей сферѣ. Различіе состоитъ въ степени важности и превосходства двухъ родовъ, двухъ сферъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Россія сдѣлалась очевиднымъ для всѣхъ театромъ различныхъ реформъ и преобразованій, т. е. со временъ Петра Іго, мы находимъ, что сіи реформы были вообще реформы матеріальныя. Онѣ, безъ сомнѣнія, имѣли свою пользу; но нельзя не согласиться, что, принимая въ уваженіе всеобъемлемость, рѣзкость, крутость сихъ реформъ, вліяніе ихъ было весьма незначительно на нравственное развитіе русскаго народа.

Послѣ Петра до временъ Екатерины IIй какой-то дикій мракъ объялъ Россію, и за изключеніемъ нѣкоторыхъ военныхъ произшествій, ознаменовавшихъ царствованія Анны и Императрицы Елисаветы, грустная мысль останавливается только на одномъ отрадномъ событіи сего послѣдняго царствованія, на учрежденіи московскаго университета. Это учрежденіе въ полномъ смыслѣ можно назвать нравственною реформою. Сей же Императрицѣ Елизаветѣ подобала бы великая честь и слава въ исторіи за уничтоженіе смертной казни, еслибы благое и прямо религіозное намѣреніе ея оправдалось въ послѣдствіи на опытѣ. Къ несчастію, отъ кнута, отъ плетей, отъ произвольныхъ палокъ и розогъ, въ Россіи умираетъ гораздо болѣе людей, нежели гдѣ либо отъ законныхъ смертныхъ приговоровъ.

Самая значительная, самая важная реформа царствованія Екатерины II, „Учрежденіе губерній,“ будучи, въ слѣдствіе матеріальнаго установленія различныхъ присутственныхъ мѣстъ и вѣдомствъ, реформою матеріальною, имѣло вмѣстѣ съ симъ характеръ рѣшительно нравственный, моральный. Уже одно устроеніе собраній и совѣ-

щаній дворянскихъ должно было имѣть и дѣйствительно имѣло благодѣтельное нравственное дѣйствіе.

Учрежденіе губерній было заимствовано отъ Остъ-Зейскихъ губерній. Оно конечно могло бы быть болѣе усовершенствовано, болѣе приспособлено къ русскому быту и даже въ намѣреніяхъ и предначертаніяхъ самой Императрицы было много хорошаго, полезнаго, невошедшаго въ окончательное начертаніе сего важнаго узаконенія. Это мы знаемъ теперь изъ жизнеописанія единственнаго ея совѣтника въ семъ дѣлѣ, Графа Сиверса, одного изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи. Излишне было бы далѣе распространяться о дѣйствіи, которое имѣло въ Россіи учрежденіе губерній, о вліяніи сей реформы на гражданское развитіе если не всего русскаго народа, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ классовъ онаго. Всѣ мыслящіе въ Россіи вполнѣ это знаютъ и чувствуютъ. Впрочемъ еще до селѣ Россія живетъ этимъ узаконеніемъ Екатерины.

Царствованіе Императора Александра Iго, озаренное славою столь необычайною и вмѣстѣ столь же чистою, не представляетъ, къ глубокому сожалѣнію нашему, всѣхъ тѣхъ благотворныхъ преобразованій, коихъ всѣ любящіе Россію отъ него ожидали, и желаніемъ коихъ была наполнена собственная его великая и благая душа. Независимо отъ преобразованій и нововведеній матеріальнаго рода, кои конечно имѣли свою пользу и даже окончательно и посредственно свое вліяніе на нравственное развитіе народа, реформы прямо нравственнаго, моральнаго рода, ограничиваются весьма немногимъ и именно: прекраще-

ніемъ обычая дарить крестьянъ дворянамъ; — это самая лучшая и важная реформа; — и по томъ различными учрежденіями по учебной части, увеличеніемъ числа университетовъ и училищъ; и наконецъ освобожденіемъ, довольно впрочемъ плохимъ, крестьянъ Остъ-Зейскихъ губерній.

Одна изъ замѣчательныхъ реформъ сего царствованія — едва ли не самая замѣчательная — состояла въ учрежденіи министерствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ отношеніяхъ новый порядокъ упрочилъ болѣе правильности въ теченіи и производствѣ дѣлъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько пустыхъ формъ, сколько излишнихъ, ни къ чему неведущихъ переписокъ, записокъ, бумагъ всякаго рода появилось въ дѣлопроизводствѣ съ симъ учежденіемъ! Сколько скромныхъ и болѣе или менѣе соотвѣтствовавшихъ практическимъ потребностямъ, присутственныхъ мѣстъ обращено въ многосложные департаменты и даже въ министерства, и все сіе безъ нужды, безъ пользы, и слѣдовательно ко вреду по крайней мѣрѣ финансовъ. Гнъ Сперанскій, въ одной запискѣ, говоритъ, что еслибы 1812й годъ нашелъ Россію при старомъ устройствѣ государственнаго управленія, то государство не могло бы преодолѣть всѣхъ препятствій по управленію, и что если оно ихъ преодолѣло, то этимъ Россія обязана учрежденію министерствъ. Надобно имѣть необычайную вѣру въ силу и дѣйствіе реформъ на бумагѣ и реформъ въ самыхъ бумагахъ, чтобы дойти до такого заключенія. Мы этой вѣры не имѣемъ. И еслибы, посреди безчисленныхъ проэктовъ и предположеній Гна Спе-

ранскаго, ему удалось, напримѣръ, основать гласное и словесное судопроизводство или отстранить, или только умѣрить тѣлесныя наказанія, коими такъ богатъ, даже для женщинъ, сводъ законовъ; еслибы даже онъ подумалъ объ учрежденіи простыхъ полицейскихъ судовъ въ родѣ тѣхъ, какіе мы здѣсь предлагаемъ; то имя его вѣрнѣе перешло бы къ потомству; слава его была бы прочнѣе. Бумажные памятники не долговѣчны. Но нѣтъ! Всѣ реформы, возникшія въ головѣ его, — душа въ нихъ не участвовала, — были реформы матеріальнаго рода, всѣ безъ исключенія: отъ учрежденія министерствъ до его пышнаго проэкта общаго государственнаго уложенія, въ которомъ изъяснено въ подробности какъ бумаги восходятъ и нисходятъ отъ однѣхъ мѣстъ и лицъ къ другимъ, и гдѣ едва въ двухъ словахъ упоминается объ освобожденіи крестьянъ!

Матеріальныя реформы могутъ учредить только матеріальный порядокъ. Для жизни народа, для развитія его нравственнаго и гражданскаго, преобразованія должны быть согрѣты истинною христіанскою любовію къ людямъ, вѣрою въ высокое предназначеніе человѣка, глубокимъ уваженіемъ къ его личности, къ его душѣ безсмертной. И здѣсь, при мысли о такихъ преобразованіяхъ, кои изъ души преобразователя прямо переходятъ въ душу народа, мы невольно вспоминаемъ объ этой важнѣйшей изъ всѣхъ реформъ, объ освобожденіи крестьянъ, твердо предпринятомъ Александромъ II. Всѣ наши слова были бы безсильны для изъясненія того что̀ мы чувствуемъ при мысли объ этомъ великомъ и святомъ предпріятіи, и намъ

остается вспомнить Вильберфорса, который, доживъ до окончательнаго и полнаго освобожденія Негровъ, умирая, произнесъ молитву Сумеона: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по Глаголу Твоему, съ миромъ“....

Такой реформы, призывающей къ человѣческой жизни нѣсколько миліоновъ людей, обновляющей обширнѣйшее государство въ Европѣ, достаточно, чтобы прославить какое бы то ни было царствованіе и прославить самою чистою, неувядаемою, святою славою! Важность всѣхъ прочихъ реформъ, сколь бы онѣ ни были необходимы, блѣднѣетъ и ослабляется въ сравненіи съ сею коренною и всеобъемлещею, все проникающею реформою. Не менѣе того преобразователь главнѣйшаго, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ преобразованіямъ второстепеннымъ. И такъ мы видимъ появленіе проэктовъ по разнымъ частямъ государственнаго правленія. Печатая наши мысли о судебныхъ преобразованіяхъ, мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что намъ извѣстно о приготовляемыхъ реформахъ по сей части.

Общее мнѣніе во Россіи съ нетерпѣніемъ ожидаетъ перемѣнъ въ судопроизводствѣ. Мѣста и лица, занимающіяся въ Россіи составленіемъ и редакціею законовъ, рѣшились удовлетворить всеобщему желанію.

Дабы достойнымъ образомъ соотвѣтствовать сему всеобщему желанію, столь настойчиво изъявляемому всею Россіею, надлежало бы, кажется, подумать о преобразованіи и судебнаго порядка вообще и самыхъ мѣстъ судебныхъ; потому что все это гнило, безтолково и не отвѣчаетъ самымъ скромнымъ требованіямъ здраваго, порядочнаго

судопроизводства. Между тѣмъ мы видимъ, что сочинители или редакторы новаго проэкта преобразованія судебнаго, изъ тысячи золъ, избрали одно зло, конечно весьма великое и весьма пагубное, но при всемъ томъ только одно, оставляя неприкосновенными множество иныхъ золъ. Это избранное въ жертву зло можно означить общимъ названіемъ *судебной проволочки.*

Мы имѣемъ предъ глазами „Журналъ о главныхъ началахъ, принятыхъ соединенными департаментами гражданскимъ и законовъ, при разсмотрѣніи проэкта новаго устава гражданскаго судопроизводства." 36 засѣданій было посвящено для разсмотрѣнія сихъ началъ. И если бы можно было допустить, что русское гражданское судопроизводство не требуетъ никакихъ другихъ преобразованій какъ сокращенія времени въ ходѣ дѣлъ, отстраненія проволочки; то конечно „принятыя начала" можно было бы признать удовлетворительными, хотя и не вполнѣ. Но развѣ это судопроизводство терпитъ только отъ проволочки, отъ множества инстанцій, отъ неопредѣлительности въ различныхъ постановленіяхъ; отъ уродливаго формализма, отъ безконечной переписки? Нѣтъ! Оно все, съ начала до конца, никуда не годится. Зачѣмъ довольствоваться отстраненіемъ одного зла, зла, повторяю, весьма великаго, и не подумать о полномъ и стройномъ учрежденіи всего судебнаго порядка? Теперешній порядокъ въ Россіи, въ главныхъ и основныхъ частяхъ своихъ, существуетъ со временъ Екатерины, т. е. около ста лѣтъ. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ государствахъ европейскихъ послѣдовало множество преобразованій въ судахъ и въ судо-

производствѣ. Даже Англія, столь постоянно придерживающаяся всего стараго и не жертвующая опытъ безъ крайней, очевидной необходимости, рѣшилась сдѣлать въ семъ отношеніи важныя перемѣны. Неужели и для Россіи не настало наконецъ время приступить къ подобнымъ преобразованіямъ? Кто возметъ на себя утверждать, что потребность, необходимость преобразованій въ Россіи менѣе чувствительна, нежели сколько она была въ другихъ земляхъ?

Разсматривая къ какому роду можетъ быть отнесена сія реформа, къ роду реформъ матеріальныхъ или къ роду реформъ нравственныхъ, моральныхъ, мы не можемъ не признать, что все дѣйствіе и вліяніе ея ограничится сферою матеріальною. Вліянія нравственнаго мы никакого не предвидимъ. И подлинно! Вы сокращаете судебныя инстанціи отъ 8 или 10 и болѣе до двухъ; вы отстраняете множество пустыхъ, неудобныхъ формъ, затрудняющихъ до безконечности ходъ дѣлъ судебныхъ. Это, безъ сомнѣнія, весьма хорошо и весьма полезно. Но все, въ сей реформѣ, ограничится тѣмъ, что дѣла будутъ производиться *скорѣе*. Но будутъ ли онѣ производиться лучше, дастъ ли реформа какія либо гарантіи, что дѣла будутъ рѣшаемы съ бо̀льшею справедливостію, съ бо̀льшимъ безпристрастіемъ, съ лучшимъ пониманіемъ права и закона? Взятокъ конечно будетъ менѣе, но только потому что будетъ менѣе инстанцій и менѣе проволочки, а не потому что труднѣе будетъ ихъ брать.

И такъ сокращеніе времени въ ходѣ дѣлъ и уменшеніе издержекъ по судебнымъ искамъ — вотъ все

чего можно надѣяться отъ новаго преобразованія. Никакого нравственнаго вліянія тутъ быть не можетъ. Того ли Россія ожидаетъ отъ законодателя?

Между тѣмъ, и при сей ограниченной сферѣ дѣйствія, мы встрѣчаемъ въ „принятыхъ началахъ“ нѣкоторыя ереси, кои намъ кажутся непостижимыми.

Такъ, напримѣръ, мы читаемъ на страницѣ 4 журнала:

„Обращеніе отъ системы письменной къ словесной было бы не что иное, какъ стремленіе къ невозможному возстановленію первобытной простоты отношеній, которая можетъ существовать только при первоначальномъ образованіи государствъ.“

Что это? Для насъ слова сіи совершенно непонятны. Неужели всѣ европейскія государства, гдѣ принято вполнѣ словесное судопроизводство, обратились „къ первобытной простотѣ отношеній, къ первоначальному образованію государствъ?“ Конечно соединеннымъ департаментамъ не безъизвѣстно преобладаніе словеснаго судопроизводства надъ письменнымъ во всемъ образованномъ мірѣ.

Сіи самые департаменты смягчаются однакоже, въ послѣдствіи, въ своемъ безпощадномъ осужденіи словеснаго судопроизводства, замѣчая, что

„Полное господство одного письменнаго производства принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія къ самымъ очевиднымъ недостаткамъ настоящаго порядка и причинамъ медленности въ ходѣ дѣлъ и развитія формализма.“

И далѣе, что

„Словеснымъ порядкомъ могутъ быть обсуждаемы

такія только гражданскія дѣла, кои по простотѣ своей не требуютъ письменнаго изложенія; напротивъ дѣла, разрѣшеніе коихъ требуетъ или подробнаго обсужденія письменныхъ документовъ: крѣпостей, договоровъ и т. п. или же составленія и сличенія различныхъ счетовъ и разчетовъ, должны по необходимости подлежать порядку письменному. По мнѣнію соединенныхъ Департаментовъ введеніе въ гражданскія дѣла системы чисто словесной было бы не только неудобно, но и невозможно."

Но если словесное судопроизводство „невозможно," то какъ же дѣла производятся во всей Европѣ, гдѣ введено судопроизводство словесное?

Вотъ изъясненіе сей загадки.

„Извѣстно, говорятъ департаменты, что и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ словесная система получила болѣе развитія, судоговореніе не есть правило исключительное, и въ дѣлахъ многосложныхъ назначается письменное приготовленіе, или такъ называемая инструкція дѣла . . . ."

Такое изъясненіе невозможности словеснаго судопроизводства неудовлетворительно. Впрочемъ нельзя понять что̀ разумѣютъ департаменты говоря, что „въ дѣлахъ многосложныхъ *назначается* письменное приготовленіе, инструкція дѣла." Кто назначаетъ это приготовленіе? Кто его исполняетъ?

По всѣмъ симъ неяснымъ, невѣрнымъ, неловкимъ сужденіямъ департаментовъ о словесномъ судопроизводствѣ можно заключить, что они не дали сами себѣ точнаго отчета: въ чемъ именно состоитъ сущность такого производства.

Ни въ какомъ дѣлѣ безъ письма, безъ бумагъ обойтись нельзя. Никто въ этомъ не сомнѣвается. Всякаго рода дѣла, и многосложныя и малосложныя, когда онѣ поручаются истцемъ или отвѣтчикомъ адвокатамъ, необходимо разсматриваются сими послѣдними въ ихъ кабинетѣ по бумагамъ, по документамъ, кои они получаютъ. Во Франціи это разсмотрѣніе прежде всего поручается обыкновенно особеннымъ адвокатамъ называемымъ *avoués*, кои приготовляютъ дѣла, по обыкновенно не предстаютъ сами предъ судъ для судоговоренія (plaidoyer). Сія послѣдняя обязанность лежитъ исключительно на настоящихъ адвокатахъ (avocats), которые съ своей стороны разсматриваютъ уже приготовленное первыми дѣло и приступаютъ къ судоговоренію въ трибуналѣ. Во время судоговоренія адвокатъ также представляетъ, смотря по надобности, письменные документы, ссылается на оные, толкуетъ ихъ. Кромѣ сего тяжущіеся могутъ представлять судьямъ записки по своему дѣлу, консультаціи адвокатовъ и пр. и пр. Все это дѣлается просто, само собою, и никогда ни кто не *назначаетъ* никакого письменнаго приготовленія.

Когда адвокаты предстаютъ предъ судъ для судоговоренія, то они должны уже знать всѣ подробности дѣла, о коемъ они намѣреваются говорить. Какъ они узнаютъ, изучаютъ эти подробности, это зависитъ отъ принятыхъ въ различныхъ государствахъ обычаевъ и узаконеній. Во Франціи законъ учредилъ особаго рода правовѣдовъ, avoués, коихъ главное дѣло состоитъ въ приготовленіи дѣлъ къ судоговоренію. Иногда сіи avoués,

особливо въ провинціальныхъ городахъ, сами предстаютъ предъ судъ для судоговоренія. Въ Парижѣ они имѣютъ на то полное право, но никогда симъ не пользуются. Въ Англіи такихъ avoués не существуетъ; но есть другаго рода законники, кои употребляются на предварительное изслѣдованіе дѣлъ. Впрочемъ сами адвокаты необходимо должны ознакомиться съ дѣломъ, дабы быть въ состояніи говорить о немъ предъ судомъ. Что въ предварительномъ разсмотрѣніи можетъ иногда быть много письма, много бумагъ, записокъ, консультацій, это неоспоримо; но выгода словеснаго судопроизводства состоитъ въ томъ, что когда дѣло представлено предъ судей, тогда все совершается словесно. Изложеніе иска, представленіе отвѣта, аргументы въ пользу той и другой стороны, истолкованіе закона — все это дѣлается словесно. Судьи слушаютъ и рѣшаютъ по тому что̀ они слышали. Тутъ нѣтъ мѣста и повода къ проволочкѣ, къ подачѣ дополнительныхъ прошеній, и слѣдовательно къ потерѣ времени для отстраненія проволочки, для разсмотрѣнія сихъ прошеній и пр. и пр.

Одинъ русскій правовѣдъ, бывшій оберъ-секретаремъ въ сенатѣ, побывавъ впервые въ одномъ изъ гражданскихъ судовъ въ Парижѣ, не могъ надивиться простотѣ и успѣшности хода дѣлъ. „Нѣсколько дѣлъ, говорилъ онъ, было рѣшено въ одно засѣданіе. Нѣкоторыя дѣла оканчивались весьма скоро. Одинъ адвокатъ изъяснялъ дѣло. Другой, противной стороны, отвѣчалъ ему. Судъ немедленно постановлялъ и объявлялъ рѣшеніе. Сколько хлопотъ, сколько проволочки, встрѣчаютъ у насъ и такія

самыя простыя дѣла, продолжалъ бывшій оберъ-секретарь! Явились бы прошенія, записки по дѣлу, послѣдовало бы надлежащее разсмотрѣніе записокъ и дѣла судьями; по томъ постановленіе рѣшенія суда, и наконецъ исполненіе со всѣми безчисленными околичностями!“

Въ заключеніе замѣтимъ, что если бы соединенные департаменты взяли на себя трудъ узнать въ точности въ чемъ именно состоитъ метода словеснаго производства, какъ сіе послѣднее совершается на самомъ дѣлѣ тамъ, гдѣ оно существуетъ; то конечно они пришли бы совсѣмъ къ инымъ заключеніямъ и не удовольствовались бы, такъ сказать, мимоходнымъ замѣчаніемъ, что „словесная система *можетъ* имѣть *болѣе* примѣненія въ *сокращенномъ* порядкѣ судопроизводства.“

За 40 лѣтъ предъ симъ я слыхалъ въ государственномъ совѣтѣ отъ нѣкоторыхъ членовъ различныя ереси. Одинъ, впрочемъ весьма почтенный и опытный по своей части морякъ говорилъ, что адвокаты ни къ чему иному не служатъ какъ къ запутыванію дѣлъ, и что не только не надобно ихъ вводить тамъ гдѣ ихъ нѣтъ, но слѣдуетъ отмѣнить тамъ, гдѣ они существуютъ. Другой — этотъ былъ нѣкогда генералъ-прокуроромъ! — серіозно утверждалъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, что все то что̀ не позволено закономъ, должно быть почитаемо запрещеннымъ. И когда ему отвѣчали, что истина, всѣми принятая, состоитъ именно въ противномъ заключеніи, то отвѣтъ вызывалъ только съ его стороны улыбку сожалѣнія къ непониманію отвѣчающихъ. Не смотря на это, я думаю, что тогдашній государственный совѣтъ пришелъ

бы къ инымъ заключеніямъ на счетъ словеснаго судопроизводства, нежели заключенія соединенныхъ департаментовъ, въ ихъ журналѣ изложенныя. Мордвиновы, Потоцкіе, Солтыковы, Кочубеи не подписали бы такого журнала.

Между тѣмъ мы должны сказать, что въ разсматриваемомъ нами журналѣ есть истинно свѣтлая сторона, которою предлагаемая матеріальная реформа какъ будто касается до области реформъ моральныхъ. Но этотъ свѣтъ такъ блѣденъ, что мы не можемъ вполнѣ вѣрить безошибочности нашего взгляда. Тутъ дѣло идетъ объ уничтоженіи канцелярской тайны. Заключеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

„По сему соединенные департаменты признали необходимымъ, чтобы и при докладѣ дѣла и при всякомъ дѣйствіи суда, относящемся до повѣрки доказательствъ, имѣли право присутствовать не только тяжущіеся, но и другія постороннія лица."

Прежде всего замѣтимъ: что̀ должно понимать подъ „дѣйствіемъ относящимся до повѣрки доказательствъ?"

Сіи ли дѣйствія только должны совершаться въ присутствіи постороннихъ лицъ? и какія иныя дѣйствія суда не могутъ допускать сего присутствія?

Что̀ вообще значитъ это заключеніе? Можно ли по оному полагать, что судопроизводство будетъ гласное? Если такъ, то почему не сказать сего ясно, прямо, твердо, вмѣсто того, чтобы робко, какъ бы не хотя, поднять предъ публикою уголокъ завѣсы, скрывающей дѣйствія правосудія? „Нельзя, говоритъ пословица, имѣть дверь

затворенною и отворенною въ одно и тоже время.“ А здѣсь именно замѣтно что-то похожее на желаніе и отворить и вмѣстѣ затворить двери суда для публики.

Какъ бы то ни было, мы съ радостію принимаемъ это заключеніе соединенныхъ департаментовъ, покрайней мѣрѣ какъ первый шагъ ко введенію настоящей гласности судопроизводства въ Россіи.

Мы сказали выше, что нѣкоторыя матеріальныя реформы могутъ иногда окончательно, посредственно имѣть вліяніе нравственное до нѣкоторой степени. Такое, безъ сомнѣнія благодѣтельное, дѣйствіе мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣрахъ правительства, изъ коихъ мы укажемъ, напримѣръ, на уничтоженіе кантонистовъ. По первому взгляду эта мѣра покажется чисто матеріальною. Но подумайте о принципіи, изъ коего проистекла эта мѣра. Этотъ принципій признаетъ, что бѣдный сирота, никому не принадлежащій, долженъ покрайней мѣрѣ принадлежать самому себѣ и не долженъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ быть обрекаемъ почти на полувѣковую военную службу. Родственники и матери этихъ сиротъ, какъ и сами сироты, не восходя къ основному принципію, поймутъ всю справедливость такой реформы; оказанное имъ благодѣяніе согрѣетъ ихъ сердце, а все что̀ согрѣваетъ сердце, улучшаетъ его.

Дарованное право удѣльнымъ крестьянамъ переходить изъ своего состоянія въ другое по ихъ выбору, будучи тоже простою распорядительною мѣрою, реформою матеріальною, должно имѣть и нравственное вліяніе на сихъ крестьянъ, особливо если благое намѣреніе Императора не встрѣтитъ затрудненій въ исполненіи.

Существующія правила о рекрутской повинности въ государственныхъ имуществахъ должны также, кромѣ ихъ очевидной пользы, имѣть выгодное нравственное вліяніе на крестьянъ. Видя заботливость начальства объ облегченіи для нихъ самой тяжкой изъ всѣхъ повинностей, чувствуя сіе облегченіе, они поймутъ, что и о нихъ иногда заботятся и заботятся съ пользою. Такое пониманіе даетъ имъ болѣе надежды на дальнѣйшія улучшенія и болѣе твердости переносить что̀ есть труднаго въ ихъ теперешнемъ быту.

Упомянувъ здѣсь о реформѣ къ послѣднему царствованію относящейся, мы не можемъ умолчать объ одномъ достопамятномъ преобразованіи, совершившемся конечно внѣ Россіи, но властію и дѣйствіемъ русскаго правительства. Мы разумѣемъ здѣсь гражданское и политическое преобразованіе Валахіи и Молдавіи. Это преобразованіе, воззвавшее народъ къ новой жизни, было въ одно время и нравственною и матеріальною реформою, благотворныя послѣдствія которой показали что̀ твердая воля, соединенная съ просвѣщеннымъ умомъ и возвышенною душею, можетъ сдѣлать для блага людей и вмѣстѣ для чести и славы правительства.

Самая важная изъ всѣхъ сихъ уже совершившихся реформъ есть, неоспоримо, уничтоженіе, хотя еще и не повсемѣстное, военныхъ поселеній. Огромное благодѣяніе оказанное бывшимъ поселенцамъ сею мѣрою, такъ важно въ нравственномъ отношеніи, что сія реформа должна быть почитаема преимущественно моральной реформою. Прав-

ственный быть сихъ людей измѣнился еще болѣе нежели ихъ быть матеріальный.

Наконецъ мы должны упомянуть, если не о реформѣ, то по крайней мѣрѣ о перемѣнѣ, которую мы замѣтили въ наружномъ или, точнѣе сказать, въ уличномъ порядкѣ въ С. Петербургѣ. Мы не знаемъ были ли сдѣланы какія нибудь новыя предписанія и распоряженія въ семъ отношеніи. Но дѣло въ томъ, что петербургская уличная полиція совершенно измѣнилась къ лучшему въ сравненіи съ прежними временами и даже въ сравненіи съ тѣмъ, что и по сію пору мы видимъ въ другихъ городахъ, напримѣръ въ Москвѣ. На улицахъ петербугскихъ и особенно при разъѣздахъ изъ театровъ и т. п. все какъ-то тихо, чинно, не кричатъ, не бранятся, будочники не толкаютъ, не бьютъ, мужиковъ и извощиковъ, говорятъ съ ними по человѣчески; въ церквахъ, въ праздничные дни, квартальныхъ и полицейскихъ не видно: они остаются на улицѣ. Однимъ словомъ: успѣхъ очевидный и рѣшительный и можно смѣло сказать, что петербургскіе будочники опередили многихъ нашихъ помѣщиковъ и чиновниковъ на пути гражданственности.

Все что мы сказали до селѣ имѣетъ цѣлію показать, что преобразованія и реформы вообще, необходимо имѣютъ двоякій характеръ: однѣ характеръ матеріальный, другія характеръ моральный, нравственный. Посему и дѣйствіе сихъ преобразованій бываетъ двоякое: матеріальное и нравственное. Иногда одна и таже реформа имѣетъ и тотъ и другой характеръ. Иногда случайное, посред-

ственное вліяніе реформы переходитъ изъ одной сферы въ другую, изъ матеріальной въ нравственную. Польза можетъ заключаться въ реформахъ обоего рода. Но родъ пользы различенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что полезно мести и чистить улицы. Полезно и учреждать училища. Но одна польза отлична отъ другой, по мѣрѣ какъ все матеріальное отлично отъ всего нравственнаго, духовнаго.

Мы не входимъ въ разсмотрѣніе степени пользы въ реформахъ обоего рода. Иногда простая матеріальная польза такъ важна, что беретъ первенство между всѣми потребностями жизни вообще. Напримѣръ, снабженіе чистою, здоровою водою мѣстности, гдѣ хорошей воды прежде не было, можетъ быть предпочтено заведенію училища. То на чтò мы указываемъ, это двоякій характеръ всѣхъ реформъ вообще: матеріальный и нравственный. Распознать тотъ или другой характеръ въ какой либо данной реформѣ весьма полезно и необходимо для здравой оцѣнки сей реформы. Простой, здравый смыслъ говоритъ, что мы должны сами прежде всего знать чтò мы дѣлаемъ. Недостаточно совершать преобразованія; надлежитъ при томъ знать: какое дѣйствіе произведутъ наши преобразованія, и будетъ ли сіе дѣйствіе соотвѣтствовать цѣли, которой мы достичь желаемъ. Всего нужнѣе для преобразователя быть увѣрену, что извѣстная реформа можетъ произвести только извѣстное дѣйствіе и не надѣяться, что какая нибудь реформа чисто матеріальная можетъ произвести дѣйствіе нравственное. Безъ сего, можно легко притти къ заключенію, къ которому пришелъ Гнъ

Сперанскій: что бумажная реформа можетъ спасти государство!

Повторяемъ: мы не оцѣняемъ степени пользы каждой реформы того или другаго рода. Всякая реформа, матеріальная или нравственная, можетъ быть болѣе или менѣе полезна, каждая въ своемъ родѣ. Мы указываемъ только на различіе сихъ родовъ; и только въ семъ смыслѣ даемъ преимущество реформамъ нравственнаго рода, предъ реформами матеріальными.

Предлагаемое нами преобразованіе судопроизводства должно быть отнесено къ роду реформъ моральныхъ, нравственныхъ. Это явствуетъ изъ участія, которое мы предоставляемъ народу въ судопроизводствѣ введеніемъ суда присяжныхъ; это слѣдуетъ изъ гласности и словесности судопроизводства. Такія требованія обращаемыя къ умственнымъ и душевнымъ силамъ народа, должны необходимо имѣть вліяніе моральное. Предпринимая изложеніе нашей реформы, мы имѣли въ виду именно сію цѣль. Мы желали преобразованія нравственнаго, моральнаго.

Но избравъ, по нашему свободному выбору и усмотрѣнію, родъ нашего преобразованія, т. е. желая облечь оное въ характеръ нравственный, а не матеріальный, мы не можемъ сказать ничего болѣе какъ только, что предлагаемое нами преобразованіе должно имѣть моральное, нравственное вліяніе на народъ, независимо отъ вліянія вещественнаго, матеріальнаго, которое для насъ не имѣетъ той же важности, какъ первое.

Чтожъ касается до степени пользы, которую можетъ

заключать въ себѣ наше предложенiе, т. е. до внутренняго, существеннаго достоинства онаго, объ этомъ мы судить не можемъ. Все что̀ мы можемъ сказать состоитъ въ томъ, что, по нашему убѣжденiю, предложенiе наше удобоисполнительно.

Парижъ 16 Генваря 1860.

Н. Тургеневъ.

I.

Предварительныя объясненія.

Приступая къ изложенію моихъ мыслей о судебномъ устройствѣ въ Россіи, я предварительно прошу читателя подумать внимательно о всей важности сего предмета и о необходимости очевидной рѣшительныхъ преобразованій и улучшеній по сей части. Если встрѣтятся такіе читатели, которые находятъ теперешній порядокъ вещей въ семъ отношеніи хорошимъ и достаточнымъ, то я попрошу ихъ не обременять себя дальнѣйшимъ чтеніемъ того что̀ я здѣсь пишу. Многіе, однакоже, скажутъ, вѣроятно, что перемѣны нужны, но что сіи перемѣны должны исходить отъ началъ нынѣ существующаго судопроизводства и быть сообразны теперешнему характеру законодательства. Такое мнѣніе, неоспоримо, весьма благоразумно. Бѣда только въ томъ, что оно слишкомъ неопредѣленно, не имѣетъ никакой практической значительности, и, въ сущности своей, есть не что иное какъ одна изъ тѣхъ фразъ, на коихъ въ свѣтѣ, особенно въ Россіи, обыкновенно останавливается легкомысліе и эгоизмъ. „Соблюдать законы," „опредѣлять хорошихъ судей и губернаторовъ," „покровительствовать торговлю и промышленость,

науки и искусства," — всѣ эти пошлыя изрѣченія, коими люди обманываютъ и другихъ и самихъ себя, давно уже оцѣнены по ихъ достоинству всѣми здравомыслящими и холодными наблюдателями. Спросите этихъ господъ, столь чинно и такъ свысока разсуждающихъ о предметахъ, кои удивляютъ ихъ или смѣлостію или необычайностію и коими они сами весьма мало занимались, спросите, въ чемъ же, по ихъ мнѣнію, могутъ состоять эти реформы, коихъ необходимость признается и съ ихъ стороны; — и отвѣтъ докажетъ вамъ, что фраза не есть аргументъ.

Конечно легкомысліе сужденій о какомъ бы то ни было планѣ, неосновательность въ оцѣнкѣ какой бы то ни было мѣры, являя ненадежность судей и цѣнителей, ни мало не доказываютъ превосходства сего плана и сей мѣры. Предлагаемое нами должно защищать само себя. Польза или безполезность нашей реформы должна открыться изъ свойства и характера ея, изъ ея сущности, а не изъ поверхностныхъ и безплодныхъ разглагольствованій. Желая отстранить пустословіе, мы усердно призываемъ вниманіе людей добросовѣстныхъ и хотя нѣсколько свѣдущихъ въ сихъ предметахъ. Однимъ словомъ мы желаемъ, чтобы *серіозно* предлагаемое нами, было столь же *серіозно* разсмотрѣно и обсуждено. Намъ кажется, что на это мы имѣемъ право.

Въ самомъ началѣ мы не обинуясь скажемъ, что предложеніе наше, по видимому, рѣзко, радикально. Приложить судъ присяжныхъ ко всему русскому судопроизводству — какое огромное преобразованіе! Какая смѣлая

мысль! Какъ не изумить всей Россіи такимъ предложеніемъ! Мы находимъ весьма естественными всѣ сіи и подобныя восклицанія. Мы просимъ только терпѣнія и размышленія. Или многолѣтнее и безпрерывное *корпѣніе* надъ одною и тою же мыслію обезсилило въ насъ способность разсуждать, или, *имѣя вѣру* въ мысль нашу, мы докажемъ людямъ хладнокровнымъ и здравомыслящимъ, что она не такъ неосновательна, не такъ непстова, не такъ всеразрушительна, какъ нѣкоторые могутъ думать; что она, напротивъ того, устроивая одну изъ главныхъ отраслей государственнаго правленія, должна имѣть рѣшительное вліяніе на успѣхъ образованности народной.

„Мы вѣримъ въ мысль нашу," сказали мы. И можетъ ли это быть иначе? За 35 лѣтъ, когда я находился на службѣ въ Государственномъ Совѣтѣ и производилъ дѣла гражданскія и уголовныя, я имѣлъ случай узнать русское судопроизводство — чего не подозрѣваютъ, можетъ быть, тѣ, кои вообще въ моихъ предложеніяхъ видятъ одну теорію —. Судопроизводство уголовное обратило на себя мое особенное вниманіе. Начавъ мои занятія по сему предмету общимъ изложеніемъ системы суда присяжныхъ я былъ приведенъ къ составленію, для Россіи, новаго устава судопроизводства уголовнаго. Посреди сихъ занятій возникла эта мысль о приложеніи суда присяжныхъ къ русскому судопроизводству. Чѣмъ далѣе я продолжалъ мою работу, тѣмъ сильнѣе становилось мое убѣжденіе, что судъ присяжныхъ есть не только лучшее, но едва ли не единственное средство основать что либо здраваго и плодотворнаго въ Россіи въ семъ отношеніи.

Оставивъ на время главную мою работу, я пристально занялся изложеніемъ сей мысли. Изъ сего вышла записка, въ которой я объяснилъ какъ главную идею, такъ и нѣкоторыя подробности устройства судовъ съ присяжными. Участь сей записки была та же какъ участь многихъ другихъ моихъ записокъ — она осталась въ моемъ портфелѣ. Но съ того времени и по нынѣ я не переставалъ думать о семъ предметѣ. Невольный досугъ, коимъ я пользовался, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ, позволялъ мнѣ слѣдовать за тѣмъ что̀ происходило въ различныхъ земляхъ касательно судопроизводства и суда присяжныхъ.

Когда обстоятельства привели меня въ необходимость сдѣлать извѣстною всю мою жизнь, всю мою дѣятельность гражданскую, я опять обратился къ моей мысли о судѣ присяжныхъ и изъяснилъ мой планъ съ нѣкоторыми подробностями.

Однимъ словомъ я не переставалъ думать о семъ проэктѣ въ продолженіе всей моей жизни, и теперь, приближаясь къ концу ея, я болѣе нежели когда либо убѣжденъ, что эта мысль заключаетъ въ себѣ много полезнаго для Россіи. Вотъ почему я вѣрю въ эту мысль.

II.

Необходимость кореннаго преобразованія.

Приступимъ теперь къ самому дѣлу.

Мы предполагаемъ, что необходимость преобразованія русскаго судопроизводства вообще признана со всѣхъ

сторонъ, и что вопросъ состоитъ въ томъ, къ какому преобразованію и какимъ способомъ слѣдуетъ приступить.

Обращаясь къ существующему порядку вещей, мы едва ли найдемъ какія либо основныя начала, какія либо коренныя установленія, на коихъ можно было бы соорудить новое зданіе. То, что̀ должно впредь существовать должно быть сотворено. Никакія усовершенствованія теперь существующаго не могутъ имѣть успѣха. Въ русскомъ законодательствѣ есть только семена здраваго судопроизводства и мы не преминемъ означить оныхъ въ свое время, семена, брошенныя Екатериною IIю, и принесшія, къ сожалѣнію, мало плодовъ.

Означить характеръ русскаго законодательства вообще весьма трудно. Первые законы, извѣстные Россіи, носятъ очевидно отпечатокъ норманскій, скандинавскій. Это первобытное законодательство усвоило Россіи, между прочимъ, и благотворное учрежденіе присяжныхъ. Даже въ „Судебникѣ“ мы находимъ его. Присяжные предавали суду. Присяжные и судили, такъ какъ это и по сію пору дѣлается въ Англіи, гдѣ есть *большое жюри*, отдающее подъ судъ и обыкновенное, которое судитъ и рѣшаетъ. Присяжные назывались цѣловальниками, въ слѣдствіе того, что, присягая, они цѣловали крестъ и Евангеліе. Многое на семъ свѣтѣ искажается и превращается, какъ въ дѣлахъ такъ и въ словахъ. Но едва ли найдется болѣе странное искаженіе и превращеніе смысла какого либо слова, какъ то, которое постигло названіе присяжныхъ. Кого называютъ теперь въ Россіи цѣловальникомъ?

Еслибы первобытное судебное законодательство въ

Россіи продолжало развиваться естественнымъ порядкомъ, то, вѣроятно, оно походило бы теперь на законодательство тѣхъ земель, кои, какъ напримѣръ Англія, не приняли римскаго права. Но со времени Петра 1го всякое развитіе прежняго судебнаго порядка сдѣлалось невозможнымъ. Съ тѣхъ поръ русское законодательство наполнилось заимствованіями изъ законодательствъ различныхъ земель, заимствованіями частными, случайными, и особливо ни мало не систематическими, такъ что оно не представляетъ теперь никакого отличительнаго и логическаго характера.

И подлинно, какой характеръ можетъ быть присвоенъ законодательству, по коему, въ уголовномъ процессѣ, нѣтъ защиты, между тѣмъ какъ во всѣхъ латинскихъ законодательствахъ, защита столь же необходима для полнаго процесса, какъ обвиненіе и приговоръ?

Недостатокъ системы и характера является во многихъ другихъ несообразностяхъ русскаго законодательства. Такъ, напримѣръ, въ дѣлахъ уголовныхъ процессъ людей податнаго состоянія оканчивается, съ согласіемъ губернатора, въ уголовной палатѣ, т. е. во второй инстанціи, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ гражданскихъ процессъ, превышающій 500 р., переходитъ въ Сенатъ и далѣе. Не уже ли причина этому подлинно та, какъ изъяснилъ одинъ русскій острякъ, что душа человѣческая оцѣнялась прежде ниже 500 р.?

Нельзя также не упомянуть объ одной несообразности, которой нѣтъ ничего подобнаго ни въ какомъ иномъ законодательствѣ. Это безчисленное множество инстанцій, чрезъ которыя можетъ проходить процессъ гражданскій, если онъ

превышаетъ 500 р. и уголовный, если онъ касается лица не къ податному состоянію принадлежащаго. Сихъ инстанцій можно изчислить до 8 или 9 и даже, въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, болѣе.

Такой недостатокъ рѣшительнаго характера въ русскомъ законодательствѣ, многія очевидныя несообразности, до коихъ мы только слегка коснулись, и, всего болѣе, отсутствіе всякой системы въ новѣйшихъ постановленіяхъ, все сіе не позволяетъ думать о возможности вывести, такъ сказать, новое устройство изъ стараго, привить новый плодъ къ старому дереву. Необходимо рѣшиться начать съ самаго начала, т. е. съ основаній и создать новый порядокъ сообразно симъ основаніямъ.

III.

Свойство преобразованія.

Здѣсь представляется самый важный вопросъ: какой характеръ слѣдуетъ усвоить новымъ основаніямъ законодательства: характеръ латинскій или англо-саксонскій? Иными словами: слѣдуетъ ли основать правосудіе на судьяхъ или на присяжныхъ?

Судя, сколь впрочемъ это возможно, по характеру различныхъ мѣръ и преобразованій предпринятыхъ русскимъ правительствомъ въ новѣйшія времена, между коими мы особенно укажемъ на Учрежденіе Министерствъ; вспоминая различные проэкты гражданскаго и уголовнаго уложенія, кои отъ времени до времени были разсматриваемы

въ государственномъ совѣтѣ; — мы, кажется, безошибочно можемъ заключить, что русское правительство ищетъ примѣровъ въ тѣхъ государствахъ, кои приняли римское право, предпочтительно предъ тѣми, въ коихъ вкоренился духъ англо-саксонскій. Эта наклонность весьма естественна, ибо въ земляхъ перваго рода весь гражданскій порядокъ представляетъ образъ положительный, систематическій и потому самому привлекаетъ своею ясностію и послѣдовательностію; между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ, именно въ Англіи, весьма многое основывается на такъ называемомъ *общемъ законѣ* (Common Law), котораго никто ясно опредѣлить не можетъ, однимъ словомъ на преданіи.

По сему направленію русскаго правительства можно ожидать, что желая приступить къ новому устройству судопроизводства, оно предпочтетъ искать примѣровъ во Франціи, гдѣ, дѣйствительно, сія отрасль судебнаго законодательства весьма правильно, весьма систематически, однимъ словомъ весьма хорошо образована. И такъ новое устройство правосудія будетъ основано на судьяхъ, а не на присяжныхъ.

Въ слѣдствіе сего, вѣроятно, будетъ предположено учредить два рода судовъ: суды первой, и суды второй инстанціи, поставивъ надъ ними главный судъ апелляціонный, который будетъ судить не о сущности дѣлъ, но только о законности хода дѣлъ, о правильности приложенія закона, и въ случаѣ ошибочнаго производства, предоставлять вторичное рѣшеніе дѣла новому суду.

Въ каждомъ изъ судовъ будутъ находиться прокуроры.

При такомъ порядкѣ вещей судопроизводство можетъ быть словесное и гласное, что̀ конечно было бы величайшимъ успѣхомъ въ семъ отношеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое устройство было бы неоцѣнимымъ улучшеніемъ въ сравненіи съ тѣмъ что̀ теперь существуетъ. Но, основывая такимъ образомъ судопроизводство на судьяхъ, мы невольно приходимъ къ вопросу: гдѣ же законы, гдѣ кодексъ, коимъ эти судьи должны руководствоваться?

„Наше судебное законодательство,“ говорилъ мнѣ недавно одинъ умный французскій правовѣдъ, занимающій мѣсто прокурора, „наше законодательство такъ ясно, опредѣленно, такъ хорошо, что человѣкъ съ весьма посредственными способностями можетъ быть хорошимъ судьею.“

Не имѣя, какъ мы дѣйствительно не имѣемъ, такого законодательства, что̀ будутъ дѣлать наши судьи, число коихъ, замѣтимъ мимоходомъ, будетъ огромное въ семъ предполагаемомъ устройствѣ? Какъ они будутъ судить? чѣмъ руководствоваться? на чемъ, кратко и ясно для всѣхъ, основывать свои рѣшенія?

Если вы допустите, что судьи будутъ имѣть право основывать рѣшенія свои не только на законѣ, но и на совѣсти, тогда вы разрушите въ самомъ основаніи всю систему вашего устройства. Судьи должны и могутъ только судить по закону; судить по внутреннему убѣжденію совѣсти можетъ быть принадлежностію однихъ только присяжныхъ.

Не имѣя яснаго и систематическаго законодательства, не имѣя достаточнаго числа людей свѣдущихъ въ

правовѣдѣнія, коими наполнить всѣ судейскія мѣста, не имѣя однимъ словомъ, науки, не лучше ли обратиться къ совѣсти народной, къ совѣсти людей избранныхъ во всякой мѣстности, изъ всѣхъ состояній, на короткое время, для вершенія встрѣчающихся въ сей мѣстности дѣлъ, подъ руководствомъ судьи и надзоромъ прокурора?

Въ наукѣ можетъ быть недостатокъ. Въ совѣсти никогда. Безъ науки народы могутъ существовать. Безъ совѣсти никакое человѣческое общество двухъ дней прожить не можетъ.

И подлинно! Въ чемъ состоитъ цѣль правосудія?

Возникаетъ тяжба между двумя лицами по гражданскому дѣлу. Цѣль правосудія есть: дать тяжущимся по возможности самую справедливую расправу.

Совершается преступленіе. Цѣль правосудія есть: наказать преступника, отстраняя всякую напасть отъ лицъ невинныхъ.

Теперь мы спрашиваемъ: гдѣ сія цѣль имѣетъ наиболѣе вѣроятностей быть достигнута: въ судѣ, состоящемъ изъ трехъ или пяти судей, коихъ отвѣтственность, по сему самому, раздѣляется между нѣсколькими лицами, судей, кои пріобрѣтаютъ, конечно, непрерывностію занятій нѣкоторую опытность, но вмѣстѣ и нѣкоторое равнодушіе, судей, кои не имѣя предъ глазами яснаго и полнаго кодекса, будутъ необходимо прибѣгать къ собственному усмотрѣнію дѣла, судей наконецъ, кои, по скромному положенію ихъ, не могутъ представлять и никогда не будутъ представлять достаточныхъ условій ни независимости, ни образованія, — или въ судѣ, состо-

яющемъ конечно не изъ записныхъ правовѣдовъ, но изъ людей отличнѣйшихъ въ каждой мѣстности, избранныхъ своими согражданами, утвержденныхъ тяжущимся и подсудимымъ, изъ людей призываемыхъ на короткое время къ исполненію ихъ должности и возвращающихся немедленно въ среду общества, изъ коего они вышли?

Всѣ вѣроятности клонятся къ тому, что въ семъ последнемъ случаѣ законодатель упрочитъ для правосудія наибольшее количество безпристрастія и здраваго смысла. Остается наука, опытность. Скажутъ, что судьи, посвящая себя исключительно сужденію дѣлъ, по тому самому могутъ судить и рѣшать лучше нежели люди призываемые каждый разъ для рѣшенія одного или нѣсколькихъ дѣлъ. На сіе мы, указывая на опытъ, замѣтимъ, что въ Россіи весьма часто и вездѣ встрѣчаются люди, кои по крайней мѣрѣ столько же какъ записные судьи, знаютъ и законы и судопроизводство. Сверхъ того мы укажемъ на существующее. Мы упомянули выше о семенахъ здраваго судопроизводства таящихся въ русскомъ законодательствѣ. Здѣсь мы находимъ одно изъ сихъ семянъ. Во всѣхъ судахъ законы наши допускаютъ засѣдателей избираемыхъ для участія въ сужденіи и рѣшеніи дѣлъ. Съ нѣкотораго времени, сколько намъ извѣстно, даже и предсѣдатели назначаются не правительствомъ, а выборами.

Впрочемъ то что̀ можетъ недоставать симъ временнымъ судьямъ въ знаніи законовъ, можетъ быть дополнено *наставленіемъ* судьи, коего обязанностію будетъ представить предъ глаза присяжныхъ всѣ относящіеся до

разсматриваемаго дѣла законы, и, по требованію ихъ, изъяснять оные.

И такъ, сокращая изложенное выше, скажемъ, что принимая въ соображеніе недостатокъ полнаго систематическаго уложенія (кодекса), равно какъ и недостатокъ въ людяхъ, коими можно было бы надежно наполнить всѣ многочисленныя судейскія мѣста въ различныхъ судахъ когда не участвуютъ въ нихъ присяжные;

находя, что русское законодательство допускаетъ уже временныхъ и выборныхъ судей въ видѣ засѣдателей и даже предсѣдателей;

убѣждаясь, что временные и выборные судьи представляютъ несравненно болѣе условій безпристрастія и силы здраваго смысла, нежели многочисленные судьи, представляющіе въ свою пользу одну только вѣроятность бо́льшей опытности, неразлучной съ бо́льшимъ равнодушіемъ и невниманіемъ;

полагая, что недостатокъ законныхъ свѣдѣній въ присяжныхъ можетъ быть дополненъ знаніемъ и *наставленіемъ* судьи, равно какъ и надзоромъ прокурора;

принимая въ соображеніе, что съ участіемъ присяжныхъ, число судей будетъ весьма ограничено, ибо въ каждомъ судѣ будетъ только одинъ судья, и что по сему выборъ судей надежныхъ сдѣлается гораздо легче, — мы утвердительно заключаемъ, что въ Россіи несравненно лучше основать судопроизводство на совѣсти, нежели на наукѣ, на присяжныхъ, нежели на судьяхъ.

Разбирая установленіе суда присяжныхъ само по себѣ, въ отвлеченности отъ всякаго приложенія, a priori,

оно конечно порождаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, не соотвѣтствующія всѣмъ требованіямъ строгой послѣдовательности. Поручать дѣла, часто весьма сложныя, запутанныя, требующія для удовлетворительнаго разрѣшенія, и особенныхъ свѣдений и нѣкоторой опытности, поручать ихъ людямъ не имѣющимъ ни сей опытности, ни, можетъ быть, сихъ свѣдений, конечно не есть верхъ мудрости человѣческой. Ученый и опытный судья, коего независимость обеспечивается или его высокимъ званіемъ или выборомъ, по видимому обѣщаетъ болѣе вѣроятностей правосудія разумнаго и твердаго, особенно полезнаго для общества. При всемъ томъ мы видимъ однакоже, что народы самые образованные, дорожа имъ, твердо и постоянно сохраняютъ установленіе суда присяжныхъ, заимствованное отъ народовъ варварскихъ. И хорошо дѣлаютъ: не смотря на всѣ несовершенства это установленіе есть еще самое лучшее въ своемъ родѣ для всѣхъ народовъ. Мы не знаемъ какая будущность ожидаетъ образованность европейскую; но въ теперешнемъ состояніи сей образованности, тщетно было бы искать замѣнить судъ присяжныхъ какимъ либо инымъ учрежденіемъ, — такъ вездѣ его находятъ удовлетворительнымъ. Конечно судъ присяжныхъ имѣлъ своихъ порицателей, особенно между нѣмецкими учеными. Но утонченныя разглагольствованія нѣкоторыхъ педантовъ не могутъ имѣть вѣса противъ убѣжденія всѣхъ народовъ вообще.

По дѣламъ гражданскимъ ясное законодательство, хорошее устройство судовъ и судопроизводства, какъ на примѣръ во Франціи, удовлетворяя всѣмъ справе-

дливымъ требованіямъ правосудія, можетъ конечно сдѣлать судъ присяжныхъ излишнимъ, ненужнымъ, безполезнымъ.

Но въ дѣлахъ уголовныхъ судъ присяжныхъ равно полезенъ какъ тамъ, гдѣ существуетъ и полное, ясное уложеніе (кодексъ), хорошо устроенные суды и судопроизводство, такъ и тамъ, гдѣ законодательство представляетъ хаотическую массу законовъ, съ судами койкакъ устроенными и съ плохимъ судопроизводствомъ. Вездѣ народы, въ судѣ присяжныхъ, видятъ не только обеспеченіе здраваго правосудія, но также и, можетъ быть особенно, обеспеченіе личной безопасности и правъ гражданскихъ, — выгода, которая, скажемъ мимоходомъ, всегда какъ-то ускользаетъ отъ вниманія узкой науки германскихъ противниковъ суда присяжныхъ.

И подлинно. Нельзя надивиться этой всемірной, такъ сказать, прилагаемости суда присяжныхъ. Наслѣдовашое отъ временъ чисто варварскихъ, это учрежденіе было тщательно сохранено тѣми землями, гдѣ развитіе образованности человѣческой совершалось съ наибольшимъ успѣхомъ; до того, что наконецъ это *варварское* установленіе сдѣлалось какъ бы вѣрнѣйшимъ признакомъ образованности. Но, слившись, такъ сказать, съ образованностію новѣйшихъ народовъ, это здравое и полное смысла учрежденіе, ни мало не утратило соприсущной ему благотворности: оно продолжаетъ быть удобо-прилагаемымъ какъ для народовъ отсталыхъ, такъ и для народовъ стоящихъ на высшей степени образованности европейской. Можно даже сказать, что въ слѣдствіе его происхожденія, оно

обѣщаетъ еще болѣе пользы первымъ изъ сихъ народовъ, нежели послѣднимъ. Во всякомъ случаѣ постановленіе, которое, возникнувъ въ младенчествѣ общества, продолжаетъ имѣть свое благотворное дѣйствіе во времена высшей образованности общественной, не можетъ не быть полезнымъ для тѣхъ земель, кои, какъ напримѣръ Россія, находится на срединѣ поприща ведущаго отъ одной крайности до другой.

Принимая въ соображеніе съ одной стороны это неоцѣнимое качество, этотъ отличительный характеръ суда присяжныхъ, съ другой общественное состояніе русскаго народа, невольно приходишь къ заключенію, что одно естественно и логически, само собою прилагается и *пригодитъ* къ другому; къ заключенію, что еслибы не существовало суда присяжныхъ, то надлежало бы его создать для Россіи. Это было бы, впрочемъ, даровать ей то, что уже она нѣкогда имѣла.

Прежде нежели итти далѣе въ нашемъ изложеніи, скажемъ нѣсколько словъ о выборѣ присяжныхъ.

IV.

О выборѣ присяжныхъ.

Въ государственномъ управленіи, какъ по судебной такъ и по исполнительной части, не рѣдко встрѣчается необходимость имѣть, въ каждой мѣстности, готовые списки людей почетныхъ и надежныхъ. Иногда сіи списки требуются для составленія списка присяжныхъ; иногда

назначаются по оным, для разрѣшенія или приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ финансовыхъ мѣръ, лица наиболѣе обложенныя податями и налогами (les plus imposés во Франціи). Въ одной изъ искуственныхъ конституцій Сіэса эти списки играютъ весьма важную роль, служа, такъ сказать, основаніемъ представительной системы придуманной симъ славнымъ публицистомъ. Гнъ Сперанскій, въ проэктахъ государственнаго образованія, составленныхъ имъ по порученію и подъ глазами Императора Александра 1го, принялъ мысль Сіэса. По его плану сіи списки составлялись первоначально въ сельскомъ обществѣ, дополнялись въ уѣздѣ, потомъ въ губерніи и образовывались окончательно въ центрѣ государственнаго управленія.

Мы ограничиваемся здѣсь спискомъ людей почетныхъ или лучше сказать людей благонадежныхъ, которые должны быть призываемы для исполненія должности присяжныхъ.

Способы составленія сего списка могутъ быть различные. Мы представляемъ одинъ изъ самыхъ простыхъ.

Число присяжныхъ будетъ сообразоваться съ народонаселеніемъ.

Въ столицахъ число присяжныхъ будетъ 1000. Въ губерніяхъ отъ 400 до 200 смотря по пространству и народонаселенію.

Составленіе сего списка будетъ возложено на исполнительное начальство въ губерніи. Здѣсь можно поручить исключительно сему начальству составленіе списка, подъ надзоромъ прокурора, или поставить ему въ обязанность

требовать отъ уѣздовъ предварительныхъ списковъ *надежныхъ людей* въ каждой мѣстности. Но въ семъ случаѣ списки уѣздные могутъ только служить руководствомъ для губернатора, не стѣсняя его въ окончательномъ составленіи списка. Впрочемъ очевидно, что губернаторъ обязанъ, по возможности, вносить въ сей списокъ надежнѣйшихъ людей всѣхъ мѣстностей.*)

Сей списокъ возобновляется каждый годъ или каждые два года.

При открытіи судебнаго засѣданія, судъ, по жребію, избираетъ изъ сего списка 36 лицъ, и вызываетъ избранныхъ.

Списокъ 36и назначенныхъ по жребію присяжныхъ долженъ быть сообщенъ подсудимому за 10 дней до открытія судебнаго засѣданія.

Можетъ встрѣтиться, что нѣкоторые изъ сихъ 36 лицъ будутъ уволены судомъ отъ исполненія должности присяжнаго. На сей случай слѣдуетъ постановить, что число присяжныхъ не можетъ никогда быть уменшено болѣе какъ до 30 человѣкъ.

Во Франціи, сверхъ 36 лицъ избираемыхъ для присутствія въ судѣ, назначается вмѣстѣ съ симъ 4 человѣка, для замѣны тѣхъ изъ присяжныхъ, кои, во время присутствія, будутъ поставлены въ невозможность продолжать исполненіе ихъ должности, по болѣзни или иначе. Сіи *дополнительные* или подставные присяжные берутся изъ жителей того города, въ коемъ находится судъ и назна-

*) См. Примѣчанія къ § IV.

чаются судомъ изъ особаго списка исключительно для присяжныхъ *дополнительныхъ* предназначаемаго. *) Таковое назначеніе 4хъ присяжныхъ сверхъ 36и неоспоримо требуется обстоятельствами.

Такъ какъ въ Россіи существуетъ великое различіе въ правахъ и преимуществахъ состояній, то неминуемо представляется вопросъ: слѣдуетъ ли допустить къ исполненію должности присяжныхъ, людей безъ всякаго различія ихъ состоянія, или постановить, что дѣла до дворянъ касающіяся должны быть судимы исключительно присяжными изъ дворянъ; дѣла до купцевъ касающіяся, присяжными изъ дворянъ и купцевъ; дѣла до мѣщанъ и крестьянъ касающіяся, присяжными изъ всѣхъ состояній безъ различія. Предоставить сужденіе дѣлъ только тому классу, къ коему принадлежитъ тяжущійся или подсудимый, такъ что крестьяне были бы судимы одними крестьянами, невозможно по очевиднымъ причинамъ. Сей вопросъ имѣетъ только поверхностную, наружную важность. Въ сущности онъ незначителенъ. Кромѣ того, что предписываемый образъ составленія списка присяжныхъ заключаетъ въ себѣ достаточное ручательство хорошаго выбора, тяжущійся и подсудимый будутъ имѣть право отстранять извѣстное число присяжныхъ. Такимъ образомъ нѣтъ, кажется, нужды особенно заботиться о семъ предметѣ.

*) Число сихъ присяжныхъ, 200 въ Парижѣ и 50 въ департаментахъ. Предварительный списокъ дополнительныхъ присяжныхъ составляется мерами и судьями мира. Изъ сего списка окружная коммиссія выбираетъ 50 присяжныхъ. Изъ сихъ 50и председатель засѣданій (assises) назначаетъ по жребію четырехъ дополнительныхъ присяжныхъ для каждаго засѣданія.

Другой вопросъ, болѣе важный, состоитъ въ томъ: слѣдуетъ ли допускать къ исполненію должности присяжныхъ только людей знающихъ грамоте, или и тѣхъ, кои ни читать ни писать не умѣютъ. Сколь ни желательно было бы отстранить отъ суда присяжныхъ людей вовсе безграмотныхъ, мы должны однакожь помнить, что чрезъ то были бы отстранены многіе члены крестьянскаго состоянія, въ которомъ мы ежедневно встрѣчаемъ примѣры большаго здраваго смысла, смѣтливости, честности, сопровождаемые совершеннымъ незнаніемъ грамоте.

Наконецъ мы полагаемъ, что обязанность отправлять должность присяжнаго должна распространяться на всѣхъ подданныхъ вообще, съ нѣкоторыми исключеніями. Такимъ образомъ должны быть изъяты изъ сего правила лица духовнаго званія, равно какъ и находящіеся въ военной службѣ. Что касается до чиновниковъ по различнымъ частямъ службы гражданской, то, за исключеніемъ чиновниковъ исполнительной власти, отъ коихъ особенно требуется строгое исполненіе, а не истолкованіе и соображеніе, мы не видимъ причины отстранить, напримѣръ, чиновниковъ по части финансовой и особенно чиновниковъ по учебной части. Впрочемъ если особенныя занятія тѣхъ или другихъ могутъ имъ препятствовать приступить къ исполненію должности присяжнаго, то судья, уваживъ ихъ представленія, можетъ освободить ихъ отъ сей обязанности.

Никто не можетъ быть призванъ къ исполненію должности присяжнаго болѣе одного раза въ три года.

V.

Объ уголовномъ слѣдствіи.

То что мы сказали доселѣ о судѣ присяжныхъ относится безъ различія какъ къ уголовному, такъ и къ гражданскому судопроизводству. Теперь, входя въ дальнѣйшее изложеніе нашей мысли, мы должны отдѣлить одно производство отъ другаго. Мы начнемъ съ судопроизводства уголовнаго.

Всякому уголовному суду необходимо предшествуетъ уголовное слѣдствіе. Желая представить наше предложеніе въ возможной полнотѣ, мы должны здѣсь говорить о слѣдствіи.

По всему что̀ намъ извѣстно, производство уголовныхъ слѣдствій въ Россіи представляется нынѣ въ болѣе правильномъ видѣ, нежели какъ это было прежде. Въ столицахъ мы находимъ слѣдственныхъ приставовъ, кои дѣйствуютъ совокупно съ частными приставами, руководствуясь, какъ мнѣ сказалъ одинъ изъ сихъ чиновниковъ, XVмъ томомъ свода законовъ.

Но какой просвѣщенный человѣкъ скажетъ, что теперешнее устройство по сей части удовлетворительно? Кто, положа руку на сердце, по чести и по совѣсти возметъ на себя утверждать, что въ уголовныхъ слѣдствіяхъ пытка не существуетъ, пытка, которой самое имя́ императоръ Александръ I желалъ видѣть истребленнымъ изъ языка русскаго?

Для насъ по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого сомнѣнія

въ томъ, что устройство уголовныхъ слѣдствій должно быть измѣнено совершенно, съ самого начала до конца. И подлинно! Слѣдствіе есть самая существенная часть уголовнаго процесса. Оно служитъ, и одно оно можетъ служить истиннымъ, правильнымъ основаніемъ процесса. Оно даетъ первое и рѣшительное направленіе ходу дѣла. Всѣ усилія законодателя должны быть устремлены къ тому, чтобы слѣдствіе происходило во первыхъ правильно, а по томъ справедливо, честно, нравственно. Всякая возможная ограда должна быть дана обвиняемому. Достичь истины есть конечно первая цѣль слѣдствія. Но самая истина теряетъ свой священный характеръ, если она была достигнута средствами непозволительными, безнравственными.

Сущность реформы теперешняго порядка вещей въ семъ отношеніи, состоитъ въ двухъ слѣдующихъ условіяхъ:

1) Характеръ полицейскій, столь очевидно усвоенный теперь уголовнымъ слѣдствіямъ, долженъ быть совершенно отстраненъ. Слѣдствія должны имѣть характеръ судебный.

Это не пустая фраза. Мнѣ случалось слышать, что при слѣдствіяхъ какой нибудь мѣлкій чиновникъ уголовнаго вѣдомства останавливалъ иногда, въ ихъ скорыхъ и внѣ-законныхъ поступкахъ, полицейскихъ слѣдователей. Идея законности весьма естественно свойственна болѣе чиновнику судебной, нежели чиновнику полицейской части.

2) Слѣдствія должны основываться, по возможности, исключительно на показаніяхъ свидѣтелей. Слѣдователь долженъ избѣгать обращать допросъ къ обвиняемому. Во

всякомъ случаѣ надлежитъ постановить правиломъ, что если обвиняемый рѣшительно не хочетъ отвѣчать, то слѣдователь не можетъ принуждать его къ сему какимъ бы то ни было образомъ.

При семъ мы замѣтимъ, что у насъ, при слѣдствіи, встрѣчается весьма хорошее постановленіе, принимающее объ обвиняемомъ свидѣтельство людей кои его знаютъ, его сосѣдей: это повальный обыскъ, постановленіе, какъ будто намекающее, что истины надлежитъ искать не отъ обвиняемаго, а отъ свидѣтелей.*)

Между тѣмъ до какой крайности довело законодателя это безотчетное, такъ сказать болѣзненное стремленіе достичь признанія какъ бы то ни было! Эта крайность въ уголовномъ слѣдствіи состоитъ въ такъ называемомъ *церковномъ или духовномъ увѣщаніи.* По нашему мнѣнію церковное увѣщаніе есть настоящее богохульство: обращаться къ самымъ священнымъ и непроницаемымъ чувствамъ души человѣческой, и если сіи чувства не совсѣмъ еще умерли въ душѣ обвиняемаго, то пользоваться симъ для того чтобы привести его, такъ сказать, къ самоубійству, тогда какъ закоренѣлый въ порокѣ остается неубѣжденнымъ, — и все это дѣлать во имя Бога всеправедливаго и всемилосердаго!

Для отстраненія отъ слѣдствій характера полицейскаго надлежитъ ввѣрить производство слѣдствій, вмѣсто слѣдственныхъ приставовъ и исправниковъ, слѣдственнымъ судьямъ.

*) См. Примѣчанія къ § V.

Мы изъяснили въ особой запискѣ мысль объ устройствѣ полицейскихъ судовъ въ столицахъ. Такъ какъ многія дѣла долженствующія подлежать вѣдомству сихъ судовъ, могутъ и должны кончаться отдачею обвиняемыхъ подъ судъ; то мы предполагали, что симъ же полицейскимъ судамъ можно ввѣрить и производство слѣдствій. Мы не видимъ причины по чему то же учрежденіе не можетъ быть распространено на губерніи и на уѣзды.

Невозможность съ точностію опредѣлить напередъ, a priori, всѣхъ сихъ подробностей порядка судебнаго, ощутительна. Еслибы по дальнѣйшему усмотрѣнію или даже по опыту оказалось, что полицейскіе суды не могутъ въ одно и то же время заниматься и сужденіемъ дѣлъ къ ихъ вѣденію принадлежащихъ и производствомъ уголовныхъ слѣдствій, въ такомъ случаѣ, кромѣ судей полицейскихъ надлежитъ учредить судей слѣдственныхъ, и сихъ послѣднихъ подчинить первымъ или прокурору.

Но покуда лучшее усмотрѣніе или опытъ не покажетъ неудобства того что̀ мы предлагаемъ, мы будемъ продолжать думать, что суды полицейскіе, какъ въ столицахъ такъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, могутъ заниматься и сужденіемъ дѣлъ полицейскихъ и производствомъ уголовныхъ слѣдствій.

Полицейскій или слѣдственный судья можетъ приступить къ произведенію слѣдствія по собственному усмотрѣнію, по приносимой жалобѣ, по донесенію полиціи и наконецъ по предписанію прокурора. *)

---

*) См. Примѣчанія къ § V.

Взятіе подъ стражу и задержаніе подъ арестомъ обвиняемаго должно зависѣть вообще отъ прокурора. Слѣдственный судья можетъ предписать только временное задержаніе, сообщивъ немедленно о семъ прокурору, который, смотря по обстоятельствамъ, предписываетъ или освобожденіе или окончательное задержаніе подъ стражею.

Надлежитъ постановить общимъ правиломъ, что задержанный подъ стражею долженъ непремѣнно быть допрошенъ въ теченіе 24 часовъ послѣ задержанія. Въ семъ допросѣ обвиняемый можетъ, по своему усмотрѣнію, или дать объясненіе или объявить, что, не желая отвѣчать, онъ предпочитаетъ начатіе слѣдствія.

При начатіи слѣдствія слѣдственный судья призываетъ предъ судъ свидѣтелей, въ числѣ коихъ мы разумѣемъ и принесшихъ жалобу и агентовъ полиціи сдѣлавшихъ донесеніе.

Вопросы обращаемые судьею какъ къ обвиняемому такъ и къ свидѣтелямъ должны быть ясны и просты. Сіи вопросы, равно какъ и дѣлаемые на нихъ отвѣты, должны быть сколь возможно точно записываемы секретаремъ суда.

Прокуроръ или помощникъ прокурора, который замѣнитъ чиновника извѣстнаго теперь подъ непозволительнымъ названіемъ стряпчаго, долженъ наблюдать за слѣдствіемъ или какъ обвинитель, если обвиненіе возникло отъ прокурора, или какъ блюститель закона, если дѣло возникло по частной жалобѣ.

Даже и по окончаніи слѣдствія прокуроръ долженъ

имѣть право освободить обвиняемаго. Но отъ кого должно зависѣть преданіе его суду?

Здѣсь мы находимъ себя въ нѣкоторомъ затрудненіи. Въ Англіи эта власть принадлежитъ большому жюри (присяжнымъ обвинительнымъ — jury d'accusation).*) Во Франціи трибуналу извѣстному подъ названіемъ камеры отдачи подъ судъ (chambre des mises en accusation).

Въ Россіи прибѣгнуть къ учрежденію большаго жюри или присяжныхъ обвинительныхъ, значило бы желать достигнуть вдругъ, однимъ разомъ, до самыхъ окончательныхъ усовершенствованій уголовнаго судопроизводства, желаніе тщетное и несоотвѣтствующее нашему намѣренію искать въ предлагаемыхъ реформахъ не совершеннаго, а только лучшаго и удобоисполнительнаго. Послѣдовать примѣру Франціи и учредить особое присутствіе для окончательнаго рѣшенія дѣлъ о преданіи суду, было бы отстраниться отъ простоты, несложности хода дѣлъ судебныхъ, простоты, коей можно и даже, смотря по важности перемѣны нами предлагаемой, должно жертвовать нѣкоторыми, хотя впрочемъ значительными, выгодами. Принимая все сіе въ соображеніе мы находимъ, что лучше будетъ ввѣрить власть какъ освобожденія такъ и преданія суду обвиняемаго исключительно прокурору.

Такая обширная власть присвояемая прокурору требуетъ, чтобы обвиняемый имѣлъ возможную ограду противъ употребленія оной во зло. По сему мы полагаемъ,

*) См. Примѣчанія къ § V.

что надлежитъ позволить ему имѣть во время слѣдствія избраннаго имъ самимъ совѣтника или защитника, который долженъ имѣть право, чрезъ судью, обращать вопросы къ свидѣтелямъ.

Самое существо всякаго слѣдствія показываетъ, что оно можетъ быть только словесное. На бумагѣ излагаются приказанія судьи и прокурора, вопросы судьи и отвѣты обвиняемаго и свидѣтелей. Замѣчанія прокурора равномѣрно должны, по его требованію, быть вносимы въ протоколъ.

Гласность, необходимое свойство всякаго здраваго судопроизводства, должна быть распространена и на слѣдствія. Она будетъ лучшею оградою для обвиняемаго, сильнѣйшимъ свидѣтельствомъ честности и безпристрастія судьи и наконецъ вѣрнѣйшимъ залогомъ законности для общества.

Конечно встрѣчаются случаи когда тайна можетъ способствовать успѣху слѣдствія, когда обвиняемые или ихъ ближніе могутъ воспользоваться гласностію для большаго закрытія истины. Тогда отстраненіе гласности можетъ быть полезно; но оно должно быть токмо исключеніемъ и исключеніемъ весьма рѣдкимъ. Такимъ образомъ можно предоставить судьѣ право: отстранить гласность въ производствѣ слѣдствія, но не иначе какъ по требованію прокурора и съ изложеніемъ письменно причинъ побудившихъ его къ сей мѣрѣ. Высшее начальство должно особенно и строго наблюдать, чтобы судьи не употребляли такой власти во зло. Можно даже постановить, что слѣдственный судья не можетъ приступить къ принятію сей

мѣры иначе какъ съ разрѣшенія губернскаго уголовнаго судьи.*)

„Повальный обыскъ," какъ установленіе весьма здравое и хорошее, можетъ быть сохраненъ въ новомъ устройствѣ слѣдствій уголовныхъ.

Окончивъ слѣдствіе, слѣдственный судья составляетъ протоколъ о всемъ происшедшемъ. Въ семъ протоколѣ, означивъ предметъ обвиненія, онъ помѣщаетъ вопросы обращенные имъ къ подсудимому и къ свидѣтелямъ и отвѣты ихъ, сіи послѣдніе сколь возможно въ собственныхъ словахъ отвѣчавшихъ. Слѣдственный судья не даетъ собственнаго своего заключенія по дѣлу, ограничиваясь токмо подробнымъ разсказомъ всего что произошло во время слѣдствія.

Помощникъ прокурора, съ своей стороны, доноситъ о слѣдствіи своему начальству.

Протоколъ о слѣдствіи препровождается въ губернскій уголовный судъ.

Означивъ, въ главныхъ чертахъ, сущность и свойства здраваго производства уголовныхъ слѣдствій, мы заключимъ изложеніе наше о семъ предметѣ, напомнивъ, что отъ дальнѣйшаго усмотрѣнія или отъ опыта будетъ зависѣть, какъ мы сказали выше, опредѣлить: слѣдуетъ ли вновь учреждаемымъ полицейскимъ судамъ поручить и производство слѣдствій, или учредить судей слѣдственныхъ. Покуда мы здѣсь соединяемъ и полицейское и слѣдственное производство въ однѣхъ рукахъ полицейскаго судьи.

*) См. Примѣчанія къ § V.

Мы полагаемъ, что въ каждомъ уѣздѣ долженъ существовать одинъ полицейскій судъ, за исключеніемъ столицъ и большихъ городовъ, гдѣ необходимо имѣть нѣсколько.

Въ каждомъ полицейскомъ судѣ будетъ одинъ судья. Нѣсколько чиновниковъ, въ качествѣ секретарей и протоколистовъ, будетъ въ его распоряженіи. Въ случаѣ необходимости судья можетъ имѣть помощника, особенно по дѣламъ слѣдственнымъ.

Пока существуютъ чины, полицейскій слѣдственный судья долженъ пользоваться преимуществами 6го класса.*) Жалованье его должно быть совершенно достаточное.

При каждомъ уѣздномъ полицейскомъ судѣ долженъ быть опредѣленъ прокуроръ, подъ названіемъ помощника прокурора. Онъ будетъ подчиненъ прокурору губернскому.

VI.

Объ уголовныхъ судахъ.

По окончаніи слѣдствія дѣло переходитъ въ уголовный судъ или въ уголовную палату.

Вотъ главныя основанія, на коихъ мы предполагаемъ устроить сіи суды.

1) Уголовный судъ долженъ состоять изъ одного судьи.

По мнѣнію опытнѣйшихъ юрисконсультовъ, особливо

---

*) См. Примѣчанія къ § V.

въ Англіи, единственный судья представляетъ болѣе вѣроятностей здраваго правосудія, нежели нѣсколько. Отвѣтственность, сосредоточиваясь въ лицѣ одного судьи, заставитъ его разсматривать и судить дѣла съ большимъ вниманіемъ, нежели когда сія отвѣтственность раздѣляется между нѣсколькими судьями. „Другіе подписали — подписалъ и я!" Вотъ обыкновенное извиненіе лѣнивыхъ и бездушныхъ судей!

Мы не войдемъ здѣсь въ дальнѣйшее изслѣдованіе сего вопроса, о которомъ мы говорили въ другихъ мѣстахъ. Мы только позволимъ себѣ разсказать здѣсь слышанное нами въ Англіи объ одномъ изъ почтеннѣйшихъ судей (Bailey), котораго я часто видалъ на судейскомъ мѣстѣ, и который всегда внушалъ мнѣ глубокое уваженіе. Въ уголовныхъ процессахъ, когда онъ находилъ себя въ необходимости произнести смертный приговоръ, онъ приступалъ къ сему не иначе, какъ проведя ночь въ размышленіи и, можетъ быть, въ молитвѣ, желая, послѣ всего что̀ онъ видѣлъ и слышалъ, дать самому себѣ, предъ Богомъ и предъ совѣстію, строгій отчетъ въ томъ, что̀ онъ долженъ будетъ произнести на другой день. Такъ поступаетъ честный судья, когда отвѣтственность приговора лежитъ исключительно на немъ одномъ.

2) Засѣданія суда должны быть не безпрерывныя какъ это теперь существуетъ въ Россіи, но періодическія. Въ каждой трети года судъ долженъ быть открытъ для засѣданія въ продолженіе одного мѣсяца.

Обращаясь къ „учрежденію о губерніяхъ" мы находимъ, что оно содержитъ въ себѣ принципій періодичности,

временности судебныхъ засѣданій. Вотъ еще благое семя, брошенное въ нашъ судебный быть великою императрицею.

Такъ какъ присутствіе въ судѣ и даже одно только пребываніе въ городѣ гдѣ судъ находится, можетъ быть обременительно для присяжныхъ, если засѣданіе суда продолжится цѣлый мѣсяцъ; то для избѣжанія сего, можно раздѣлить мѣсячное засѣданіе на 2 періода, такъ что каждый присяжный будетъ присутствовать въ продолженіе только двухъ недѣль.

Если судъ предвидитъ, что всѣ дѣла суду предлежащія, могутъ быть окончены въ теченіе двухъ недѣль, то онъ ограничивается вызовомъ 36и присяжныхъ. Если же дѣлъ представляется болѣе, то судъ можетъ вызвать двойный комплектъ присяжныхъ: одинхъ къ 1му числу мѣсяца, другихъ къ 15му.

Трехъ, мѣсячныхъ, засѣданій въ году конечно будетъ достаточно во всѣхъ губернскихъ городахъ; но въ столицахъ число судебныхъ засѣданій должно быть увеличено. Тамъ, ограничивъ въ самомъ началѣ судебныя засѣданія двумя недѣлями, можно устроить періодическія судебныя засѣданія такъ, чтобы каждые два мѣсяца или даже каждый мѣсяцъ открывать новое засѣданіе. Тогда число судей, прокуроровъ и чиновниковъ въ судахъ должно необходимо быть, въ столицахъ, увеличено по соразмѣрности.

3) Кромѣ судьи необходимо имѣть въ каждомъ судѣ нѣсколько секретарей или протоколистовъ, или аудиторовъ для производства дѣлъ.

Мы укажемъ здѣсь на важность, которую могутъ пріобрѣсть сіи должности секретарей и пр. Молодой человѣкъ, учившійся или въ университетѣ или въ школѣ правовѣденія, не можетъ имѣть на своемъ поприщѣ лучшаго случая усовершенствоваться въ практическомъ законовѣденіи. Правительство, усвоивъ симъ лицамъ всѣ возможныя выгоды, какъ въ отношеніи жалованья, такъ и въ отношеніи общей почетности, составитъ, такъ сказать, разсадникъ молодыхъ, опытныхъ правовѣдовъ, между коими оно всегда найдетъ людей достойныхъ для исполненія важной должности судьи.

4) При каждомъ уголовномъ судѣ находится прокуроръ, наблюдающій за правильнымъ и законнымъ теченіемъ дѣлъ.

Прокуроръ сверхъ сего преслѣдуетъ предъ судомъ тѣ проступки и преступленія, по коимъ дѣла возникли или по донесенію полиціи или по требованію самого прокурора.

Когда дѣло по окончаніи слѣдствія, поступаетъ въ уголовный судъ, оно вносится протоколистомъ въ реэстръ входящихъ дѣлъ. Судья, съ помощію своихъ секретарей, разсматриваетъ дѣло и составляетъ по оному записку, сколь возможно ясную и краткую и приводитъ, въ подробности, всѣ законы къ сему дѣлу относящіеся. Эта записка должна быть сообщена подсудимому по крайней мѣрѣ за 10 дней до открытія засѣданія, дабы онъ могъ въ точности знать: въ чемъ его обвиняютъ и приготовить свою защиту и вызвать, если имѣетъ, свидѣтелей въ свою пользу. Разумѣется, что въ сихъ запискахъ судья огра-

ничивается вѣрнымъ изложеніемъ дѣла, не дѣлая, съ своей стороны, никакого заключенія. Въ сихъ занятіяхъ, сверхъ нѣкоторыхъ другихъ весьма необременительныхъ, судъ проводитъ три первые мѣсяца каждой трети года. Четвертый мѣсяцъ назначается для засѣданія и рѣшенія дѣлъ.

Сія записка, судьею составленная, должна, по нашему предположенію, служить обвинительнымъ актомъ. Мы конечно предоставляемъ прокурору право преслѣдовать обвиняемыхъ предъ судомъ; но мы не только не видимъ необходимости, но видимъ вредъ, возложить на прокурора составленіе особеннаго обвинительнаго акта; онъ долженъ ограничивать свое преслѣдованіе тѣмъ что̀ было обнаружено по слѣдствію и что̀ означено въ запискѣ судейской. Можетъ быть, по дальнѣйшемъ соображеніи, будетъ найдено полезнымъ подвергнуть и сіи записки надзору, контроли прокурора, или, по крайней мѣрѣ, предоставить прокурору право сообщать суду собственныя его замѣчанія, — замѣчанія, о коихъ судья обязанъ будетъ упомянуть въ запискѣ, если онъ съ прокуроромъ не согласенъ.

Мы видѣли, что къ каждому мѣсячному засѣданію суда является 36 присяжныхъ.

При открытіи засѣданія судья беретъ имена сихъ 36 присяжныхъ и кладетъ ихъ въ урну. Это происходитъ въ присутствіи прокурора и въ присутствіи подсудимаго. При каждомъ имени вынимаемомъ изъ урны судья спрашиваетъ прокурора и подсудимаго принимаютъ ли они назначеннаго жребіемъ присяжнаго. Какъ прокуроръ такъ и подсудимый могутъ каждый съ своей

стороны отвергать присяжныхъ, имена коихъ вынимаются изъ урны, до тѣхъ поръ пока останется 12 присяжныхъ. Тогда судья объявляетъ, что сіи 12 человѣкъ должны судить предстоящее дѣло, и приводитъ ихъ къ присягѣ, по коей присягающіе обѣщаютъ судить безъ лицепріятія и по совѣсти, призывая Бога всевѣдущаго въ свидѣтели искренности ихъ обѣщанія. Для каждаго дѣла возобновляется тѣмъ же порядкомъ назначеніе 12 присяжныхъ.

Самое производство дѣла начинается прочтеніемъ записки судомъ составленной.*) Потомъ судья приступаетъ къ допросу подсудимаго и свидѣтелей.

Такъ какъ, по нашему предположенію, рѣшеніе присяжныхъ должно основываться особенно на убѣжденіи почерпаемомъ ими изъ показаній свидѣтелей; то посему надлежитъ, чтобы допросъ самого подсудимаго былъ весьма простъ и кратокъ. Судья не долженъ дѣлать ему обманчивыхъ вопросовъ, дабы чрезъ то ввести его въ противорѣчіе и потомъ воспользоваться симъ противорѣчіемъ для обвиненія. Надлежитъ даже постановить судьѣ въ обязанность не настоять на отвѣтахъ, когда подсудимый предпочитаетъ не отвѣчать. Что касается до свидѣтелей, то судья можетъ ихъ допрашивать и передопрашивать по своему усмотрѣнію. То же самое право предоставляется, въ отношеніи къ свидѣтелямъ, и подсудимому или его защитнику.**)

По окончаніи допроса прокуроръ изъясняетъ свое

*) См. Примѣчанія къ § VI.
**) См. Примѣчанія къ § VI.

мнѣніе по дѣлу и дастъ заключеніе о винѣ приписываемой подсудимому.

Послѣ прокурора защитникъ или самъ подсудимый излагаетъ защиту или оправданіе. *)

Послѣ сего судья дѣлаетъ свое *наставленіе* **) присяжнымъ. Въ семъ наставленіи онъ изъясняетъ прежде всего въ чемъ именно состоитъ преслѣдуемое дѣйствіе подсудимаго, признаетъ ли оное законъ преступленіемъ и какихъ доказательствъ требуетъ законъ для уличенія подсудимаго. Если судья находитъ, что законъ разсматриваемаго дѣянія подсудимаго преступленіемъ не признаетъ, то онъ обязанъ объявить присяжнымъ, что они не должны подсудимаго признать виновнымъ. По томъ судья излагаетъ какъ возникло дѣло, какимъ образомъ было приступлено къ слѣдствію, какъ слѣдствіе было произведено, какіе свидѣтели были допрашиваемы. Здѣсь онъ повторяетъ вкратцѣ показанія свидѣтелей при слѣдствіи, все что̀ происходило въ судѣ предъ ихъ глазами, вопросы и отвѣты какъ подсудимаго такъ и свидѣтелей.

---

*) Въ Англіи послѣднее слово, послѣднее возраженіе принадлежитъ обвинителю. На его послѣднее изъясненіе адвокатъ обвиняемаго отвѣчать не можетъ. Сего конечно одобрить нельзя. Въ Шотландіи адвокатъ обвиняемаго всегда говоритъ послѣдній. То же во Франціи и вездѣ. Разумѣется, что самъ обвиняемый, и въ Англіи, можетъ дать словесное объясненіе даже по окончаніи всѣхъ рѣчей и возраженій.

**) Во французскомъ судопроизводствѣ это называется просто: résumé, сокращенное изложеніе дѣла. Мы предпочитаемъ слово: *наставленіе*, которое, въ нашихъ обстоятельствахъ, болѣе соотвѣтствуетъ важности словъ судьи обращаемыхъ къ присяжнымъ. Англійское выраженіе: charge болѣе похоже на наше

Послѣ сего судья долженъ съ большимъ тщаніемъ изтолковать присяжнымъ, что если они имѣютъ хотя малѣйшее сомнѣніе въ виновности подсудимаго, то они обязаны предъ закономъ его немедленно оправдать. Наконецъ судья долженъ изъяснить, сколько возможно, присяжнымъ какое наказаніе будетъ приложено по закону къ винѣ ими признанной, если они найдутъ подсудимаго виновнымъ.

Мы изъяснили въ другомъ мѣстѣ *) нелѣпость французскаго законодательства, предписывающаго присяжнымъ ограничиваться объявленіемъ о совершеніи преступленія, не помышляя о послѣдствіяхъ такого объявленія, т. е. не помышляя о томъ что̀ послѣдуетъ съ подсудимымъ по ихъ приговору! Разумѣется, что французскіе присяжные вообще не исполняютъ сего предписанія. **)

Послѣ сего изъясненія судья приступаетъ къ поставленію вопросовъ, кои должны быть даны присяжнымъ.

Этотъ предметъ заслуживаетъ особеннаго вниманія законодателя. Цѣль, къ которой онъ долженъ стремиться есть та, чтобы вопросы были не только ясны и точны, но сколь возможно малочисленны. Во всѣхъ дѣлахъ, для

*) См. Примѣчанія къ § VI.

**) Однажды былъ преданъ суду человѣкъ, укравшій на дорогѣ съ воза одну сухую рыбу. Присяжные, повинуясь на сей разъ въ точности предписанію закона и непомышляя о послѣдствіяхъ приговора, объявили, что подсудимый виноватъ. Но кража была совершена въ сумерки или ночью и на большой дорогѣ. А въ сихъ случаяхъ, законъ, уподобляя воровство разбою, изрекаетъ и соотвѣтственную казнь. Судья — тогда не было еще во Франціи „обстоятельствъ облегчительныхъ“ (circonstances atténuantes) — долженъ былъ осудить вора одной сухой рыбы, какъ разбойника, на нѣсколько лѣтъ тяжкой работы (travaux forcés)!

каждаго главнаго обстоятельства дѣла, для каждаго, такъ сказать, обвинительнаго пункта, будетъ сдѣланъ одинъ вопросъ: виновать или невиновать подсудимый?

На каждый изъ сихъ вопросовъ присяжные отвѣчаютъ въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ: виновать или невиновать. Имѣя предъ глазами отвѣты присяжныхъ, судья, по нашему предположенію, будетъ обязанъ опредѣлить истинный смыслъ и силу сихъ отвѣтовъ и на семъ основаніи произнести приговоръ относительно вины. Этотъ приговоръ долженъ быть письменный. Предоставляется судьѣ дать его немедленно или, прервавъ засѣданіе, составить его внѣ суда и, возвратившись на свое мѣсто, прочесть его всенародно. Мы полагаемъ, что устроить такимъ образомъ изложеніе приговора удобнѣе, нежели допустить поставленіе присяжнымъ безчисленныхъ вопросовъ, кои могутъ затруднить ихъ рѣшеніе. Конечно, въ семъ случаѣ, великая власть предоставляется судьѣ; но здѣсь опять мы напомнимъ, что для простоты, ясности и несложности производства, можно иногда дѣлать нѣкоторыя пожертвованія.*) Впрочемъ власть уголовнаго судьи, по самой сущности своей, должна быть обширна. Законъ не можетъ всего предвидѣть; многое должно быть предоставлено усмотрѣнію судьи. По сему-то, напримѣръ по французскому законодательству, судья можетъ дѣйствовать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на основаніи *произвольной* власти, закономъ ему усвояемой (pouvoir discrétionnaire).

Здѣсь возникаетъ другой вопросъ, относящійся болѣе

---

*) См. Примѣчанія къ § VI.

къ самому законодательству, но столь тѣсно соединенный съ судопроизводствомъ, что мы не можемъ оставить его безъ вниманія. Онъ состоитъ въ томъ: слѣдуетъ ли позволить присяжнымъ умѣрить строгость ихъ приговора признаніемъ, въ пользу подсудимаго, причинъ къ уменшенію наказанія или такъ называемыхъ *обстоятельствъ облегчительныхъ* (circonstances atténuantes)?

Это правило было введено во французское уголовное законодательство въ 1832 году, когда многое въ семъ законодательствѣ было усовершенствовано, улучшено, и многое, очевидно дурное и безнравственное, было отстранено, какъ, напримѣръ, обязанность доносить. Часто встрѣчаются случаи когда, по видимому, присяжные неосновательно находятъ въ дѣлѣ такія *облегчительныя обстоятельства*. Но это происходитъ обыкновенно не отъ того, что присяжные не умѣютъ точно оцѣнить преступленія яснаго и доказаннаго; но отъ того, что раздѣляя весьма сильно распространившееся мнѣніе объ уничтоженіи смертной казни, присяжные, предвидя, что простой приговоръ ихъ повлечетъ за собою смертную казнь, прибавляютъ къ приговору мнѣніе, что дѣло представляетъ облегчительныя обстоятельства; въ слѣдствіе чего судья обязанъ уменьшить наказаніе. Такимъ образомъ присяжные изъявляютъ только мнѣніе свое противъ смертной казни.

Размышляя о различныхъ видахъ, въ коихъ преступленіе представляется обыкновенно, мы полагаемъ, что дать присяжнымъ возможность смягчить строгость наказанія, значитъ отвѣтствовать требованіямъ здраваго правосудія.

Во всякомъ случаѣ надлежитъ предоставить присяжнымъ право присоединить къ ихъ приговору, что осуждаемый ими заслуживаетъ милосердія державной власти. *)

Если присяжные произнесли приговоръ оправдательный, тогда подсудимый немедленно освобождается, и никто не будетъ имѣть права подвергнуть его вторично суду по тому же дѣлу, сообразно вездѣ принятому правилу: non bis in idem. **)

Если приговоръ присяжныхъ былъ обвинительный, тогда судья, по предполагаемой нами обязанности его опредѣлить настоящій смыслъ приговора присяжныхъ, объясняетъ, письменнымъ приговоромъ, въ чемъ именно и до какой степени подсудимый былъ признанъ виновнымъ. Въ слѣдствіе сего прокуроръ, основываясь на объявленной и опредѣленной судьею винѣ, требуетъ приложенія къ ней изрекаемаго закономъ наказанія. Здѣсь судья обращается къ подсудимому и предоставляетъ ему или защитнику его представить свои замѣчанія касательно приложенія закона. Выслушавъ и прокурора и подсудимаго, судья произноситъ окончательный приговоръ, и заключаетъ оный объявленіемъ подсудимому, что онъ можетъ, въ

---

*) См. Примѣчанія къ § VI.

**) Въ Шотландіи присяжные могутъ, не произнося ни оправдательнаго ни обвинительнаго приговора, объявить, что виновность подсудимаго не доказана, „not proven." И въ семъ случаѣ освобождаемый отъ суда безъ наказанія не можетъ по тому же дѣлу вторично быть преданъ суду въ послѣдствіи. Это обветшалое и едва ли чѣмъ либо оправдываемое узаконеніе весьма похоже на русское обыкновеніе *оставлять въ подозрѣніи.* Вальтеръ Скоттъ называлъ „not proven," a bastard verdict.

теченіе трехъ дней, перенести дѣло на разсмотрѣніе Верховнаго суда.

Можетъ случиться, что по недоразумѣнію или по какой бы то ни было ошибкѣ, присяжные произнесутъ приговоръ обвинительный, между тѣмъ какъ судъ будетъ убѣжденъ въ невинности подсудимаго. Французское законодательство предвидитъ сей случай и даетъ право суду отстранить сей приговоръ и предоставить дѣло рѣшенію другихъ присяжныхъ въ слѣдующемъ засѣданіи. Мы полагаемъ, что такая власть конечно должна быть предоставлена судьѣ для возможнаго предупрежденія какой нибудь великой несправедливости.*)

Приговоръ 12и присяжныхъ долженъ быть единогласный.

VII.

О единогласіи присяжныхъ.

Единогласіе должно быть положено въ основаніи истиннаго, настоящаго суда присяжныхъ.

О единогласіи присяжныхъ много было споровъ. Противники сего правила находятъ весьма несправедливымъ, даже смѣшнымъ принуждать присяжныхъ къ единогласію нѣкотораго рода пыткою: голодомъ и холодомъ. Мы никогда не слыхали, что какой нибудь присяжный умеръ или съ голода или съ холода. Извѣстно,

*) См. Примѣчанія къ § VI.

что англійское законодательство требуетъ единогласія присяжныхъ. Но если, какъ это иногда, хотя весьма рѣдко, случается, присяжные никакъ не могутъ согласиться, то по истеченіи нѣкотораго времени судья ихъ распускаетъ и дѣло вновь предлагается рѣшенію иныхъ присяжныхъ.

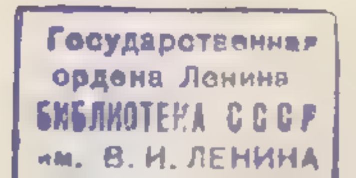
Принявъ и послѣ отвергнувъ единогласіе и признавъ правиломъ большинство голосовъ въ рѣшеніи присяжныхъ, французское законодательство неоднократно изъ различныхъ видовъ измѣняло число голосовъ необходимыхъ для рѣшенія.

Судъ присяжныхъ былъ установленъ во Франціи въ 1791 году, съ большинствомъ 10 изъ 12 голосовъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (V годъ республики) превосходство и выгоды правила единогласія обратили вниманіе тогдашнихъ французскихъ законодателей. Они приняли его. Но не желая рѣзкимъ образомъ дѣйствовать противъ предразсудковъ тогдашней публики, еще мало знакомой съ предметами сего рода, они постановили, что единогласіе требуется отъ присяжныхъ только въ продолженіе 24 часовъ, по истеченіи коихъ присяжные могутъ рѣшить по большинству голосовъ. Черезъ годъ послѣ сего, новый законъ постановилъ, что если по прошествіи 24 часовъ присяжные не могли согласиться, то это принимается за приговоръ оправдательный. Опытъ оправдалъ правило единогласія: въ продолженіе 4хъ лѣтъ, въ судебномъ округѣ Сенскаго департамента, было рѣшено присяжными 1500 дѣлъ, и въ семъ числѣ только 9 дѣлъ было рѣшено не единогласно.

Введенный въ 1808 году кодексъ уголовный многое измѣнилъ во французскомъ законодательствѣ, не въ выгодахъ правосудія, но исключительно въ выгодахъ власти правительства. Отстранивъ существовавшее и опытомъ оправданное единогласіе, сей кодексъ принялъ большинство голосовъ, съ тѣмъ, что если оно не превышаетъ 7 противъ 5, то въ такомъ случаѣ дѣло рѣшается судьями, кои принимаютъ мнѣніе или большинства или меньшинства присяжныхъ. Неминуемымъ слѣдствіемъ сего постановленія было, что присяжные, желая избѣгнуть труда съ основательнымъ и подробнымъ разсмотрѣніемъ дѣла сопряженнаго, равно какъ и нравственной отвѣтственности какого бы то ни было приговора, часто раздѣлялись въ мнѣніяхъ своихъ такимъ образомъ, что рѣшеніе предоставлялось судьямъ. Гдѣ же тутъ судъ присяжныхъ? Сіе участіе судей въ приговорѣ присяжныхъ было отстранено закономъ въ 1831 году. *)

Не прибѣгая къ изложенію правилъ вѣроятностей, по коимъ истина въ приговорѣ можетъ быть полная и достовѣрная тогда только, когда онъ произнесенъ единогласно, мы скажемъ, что единогласіе есть единственное средство привести присяжныхъ ко внимательному разбору дѣла; а сіе тщательное разсмотрѣніе дѣла есть вѣрнѣйшій залогъ справедливости рѣшенія. Съ системою большинства голосовъ, большинство не обращаетъ должнаго вниманія къ мнѣнію меньшинства — и такимъ образомъ не бываетъ настоящаго разсмотрѣнія дѣла. Въ этомъ согласны

*) См. Примѣчанія къ § VII.

почти всѣ англійскіе законовѣдцы. Только изрѣдка являются предложенія требующія принятія правила большинства голосовъ, и то впрочемъ только въ дѣлахъ гражданскихъ.

Скажутъ, что одинъ упрямый присяжный можетъ, стойкостію и непреклонностію своего мнѣнія, заставить другихъ принять его мнѣніе. Такъ конечно. И это дѣйствительно иногда случается. Но замѣтимъ, что по самымъ свойствамъ сердца человѣческаго, такая стойкость, такая непреклонность, такое упрямство встрѣтится въ тѣхъ присяжныхъ, кои клонятся къ оправданію, а не къ обвиненію. И такъ бѣда будетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, состоять въ томъ, что виновный избѣгнетъ заслуженнаго наказанія; но конечно не въ томъ, что будетъ осужденъ невинный.

И такъ мы принимаемъ правило единогласія присяжныхъ. Но вмѣстѣ съ симъ слѣдуя примѣру прежняго французскаго законодательства, полагаемъ, что если присяжные не согласятся въ приговорѣ въ теченіе 24 часовъ, то рѣшеніе будетъ предоставлено опредѣленному закономъ большинству голосовъ.*)

VIII.

О Верховномъ судѣ по дѣламъ уголовнымъ.

По произнесеніи приговора уголовнымъ судьею, дѣло, какъ мы замѣтили выше, можетъ быть перенесено въ

*) См. Примѣчанія къ § VII.

верховный апелляціонный судъ, который судитъ не о существѣ самого дѣла, но только о правильности или неправильности хода дѣла и приложенія закона. Въ сужденіе о правильномъ или неправильномъ приложеніи закона мы включаемъ и сужденіе о правильности или неправильности сдѣланнаго судьею истолкованія и опредѣленія точнаго смысла приговора присяжныхъ, такъ что если верховный судъ найдетъ, что истолкованіе было недостаточно, несправедливо, ложно, то въ такомъ случаѣ онъ уничтожаетъ приговоръ.

Во Франціи эта часть судопроизводства ввѣрена такъ называемому кассаціонному суду (cour de cassation). Это одно изъ счастливѣйшихъ и полезнѣйшихъ учрежденій новаго французскаго законодательства.

Если апелляціонный судъ находитъ ходъ дѣла и приложеніе закона правильнымъ, онъ утверждаетъ приговоръ уголовнаго суда и тогда слѣдуетъ исполненіе по распоряженію прокурора. Въ противномъ случаѣ онъ уничтожаетъ сей приговоръ и передаетъ дѣло для вторичнаго разсмотрѣнія другому уголовному суду. Мы не будемъ входить далѣе въ подробности дабы опредѣлить теперь же какъ дѣло должно быть рѣшено окончательно въ случаѣ неоднократнаго разногласія между уголовными судами и судомъ апелляціоннымъ. Эти подробности могутъ быть опредѣлены во время исполненія предлагаемой реформы.

Во Франціи кассаціонный судъ имѣетъ ту великую выгоду, что, будучи единственнымъ судомъ сего рода, онъ сохраняетъ, по возможности, единство въ ходѣ судопроизводства и въ истолкованіи закона. Въ Россіи, по

обширному пространству государства, трудно было бы ввѣрить всѣ апелляціонныя дѣла одному суду. Теперь Сенатъ, которому въ новомъ порядкѣ вещей, болѣе или менѣе, будутъ ввѣрены дѣла сего рода, имѣетъ свои департаменты въ трехъ различныхъ мѣстахъ: въ С. Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ. Мы слышали, что одинъ изъ генералъ-губернаторовъ Кавказскаго края требовалъ подобнаго учрежденія сенатскихъ департаментовъ и въ семъ краѣ. Это указываетъ на необходимость имѣть по крайней мѣрѣ 4 или 5 апелляціонныхъ судовъ. Гнъ Сперанскій въ проэктахъ своихъ предполагалъ учрежденіе департаментовъ судебнаго сената въ нѣсколькихъ городахъ имперіи.

Какимъ образомъ сіи суды должны быть устроены, изъ кого они должны состоять, — все это намъ представляется теперь совершенно невозможнымъ для обсужденія и положительнаго опредѣленія: то что̀, по нашему мнѣнію, должно въ семъ отношеніи существовать, слишкомъ непохоже на то, что̀ теперь существуетъ. *) Скажемъ только, что мѣста членовъ верховнаго суда или

---

*) Мы не имѣемъ намѣренія безъ нужды и безъ пользы критиковать то, что̀ теперь существуетъ. Но мы можемъ и должны указать на всю важность обсуждаемаго нами предмета, представивъ мнѣніе не наше, а одного изъ просвѣщеннѣйшихъ и опытнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей. Графъ Кочубей, разговаривая однажды со мною объ устройствѣ Сената, сказалъ мнѣ: „Я объявилъ Государю, что нога моя не будетъ никогда въ Сенатѣ, пока онъ останется въ настоящемъ его положеніи.“ Какой горестный, и вмѣстѣ многозначительный смыслъ заключаютъ въ себѣ эти слова одного изъ достойнѣйшихъ людей въ государствѣ! —

Сената должны быть занимаемы людьми самыми опытными по судебной части. Положеніе ихъ, касательно жалованья, должно быть щедро обеспечено. Люди посвящающіе себя службѣ по судебной части будутъ смотрѣть на сіи почетныя мѣста какъ на достойную награду за труды понесенные въ продолженіе почти всей жизни.*)

Мы неоднократно повторяли выше сего, что верховный судъ самъ не разбираетъ дѣлъ въ ихъ сущности, но

*) Надлежитъ стремиться къ тому, чтобы со временемъ члены верхнихъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ сами, по очереди, докладывали въ своихъ департаментахъ и въ общемъ собраніи по дѣламъ подлежащимъ ихъ рѣшенію, сами составляли записки по симъ дѣламъ, представляя оныя на сужденіе своихъ сочленовъ, не давая впрочемъ, какъ докладчики, собственнаго своего мнѣнія. Это дѣлается такъ во всей Европѣ. Гнъ Лагарпъ, въ одной изъ записокъ, представленныхъ имъ Императору Александру 1му въ началѣ его царствованія, предлагалъ — не много рано ввести этотъ порядокъ въ Сенатѣ. Теперь у насъ докладываютъ секретари; они составляютъ и записки. Но присвоивая такимъ образомъ секретарямъ неизбѣжное вліяніе на ходъ дѣла, надлежало бы возложить на нихъ и нѣкоторую, хотя нравственную, отвѣтственность усвоенiемъ имъ голоса совѣщательнаго, что также вездѣ дѣлается. Членъ-докладчикъ не даетъ при докладѣ никакого мнѣнія, потому что онъ даетъ его послѣ при рѣшеніи. Докладчикъ-секретарь долженъ имѣть право и обязанность объявить свое мнѣніе голосомъ совѣщательнымъ, — такъ какъ голосъ рѣшительный можетъ принадлежать только членамъ присутствія — уже и потому, что секретарь не есть, такъ сказать, одна машина пишущая и читающая. Онъ также долженъ разсуждать и обсуживать дѣло. Иначе докладъ его, сухой и небрежный, мало будетъ способствовать объясненію дѣла. Самая обязанность дать свое мнѣніе по дѣлу заставитъ секретаря быть внимательнѣе въ составленіи доклада или записки. Члены присутствія, съ своей стороны, зная мнѣніе секретаря по дѣлу, могутъ съ большею вѣрностію судить о его докладѣ.

разсматриваетъ токмо и рѣшаетъ: ходъ дѣлъ былъ ли правильный и приложеніе закона справедливое.

Въ Россіи, гдѣ по дѣламъ гражданскимъ и по дѣламъ уголовнымъ лицъ не податнаго состоянія, существуетъ такое множество инстанцій, можетъ быть покажется слишкомъ рѣзко ограничить уголовное судопроизводство одною или двумя инстанціями, считая таковою апелляціонный судъ. Но если кто возметъ на себя трудъ разобрать и обсудить сей предметъ въ подробностяхъ и вникнуть особенно въ то, какимъ образомъ теперешняя система дѣйствуетъ и является на самомъ опытѣ, тотъ, вѣроятно, найдетъ, что множество инстанцій по крайней мѣрѣ безполезно. Мы идемъ далѣе и утверждаемъ, что оно рѣшительно вредно, пагубно, и противно всѣмъ требованіямъ правосудія.

Во первыхъ мы находимъ здѣсь тотъ же недостатокъ, какой мы замѣтили въ назначеніи нѣсколькихъ судей вмѣсто одного: отвѣтственность раздѣляется между тремя, четырмя и т. д. инстанціями. Уголовная палата, занимаясь дѣломъ, знаетъ, что оно будетъ разсматриваемо въ сенатѣ. Сенатъ знаетъ, что дѣло поступитъ въ государственный Совѣтъ и т. д. Это сознаніе судьи, что дѣло рѣшается имъ не окончательно, естественно ослабляетъ въ немъ чувство отвѣтственности и потому самому уменшаетъ его вниманіе.

Во вторыхъ: На чемъ можетъ быть основано предположеніе, что цѣль правосудія будетъ лучше достигнута, если дѣло, бывъ рѣшено въ одной инстанціи, будетъ перенесено въ другую, въ третью, въ четвертую? Если

вѣроятности въ пользу справедливаго рѣшенія увеличиваются съ числомъ судей и инстанцій, то вѣроятности противнаго увеличиваются еще въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, по той простой причинѣ, что вторая, третья, четвертая инстанція могутъ судить только по изложенію дѣла на бумагѣ, не имѣя предъ глазами ни подсудимаго, ни свидѣтелей, на живомъ показаніи коихъ первое рѣшеніе было основано.

Судить и рѣшить объ участи человѣка заочно, не имѣя его предъ своими глазами, такъ несообразно со всѣми правилами правосудія, такъ противно здравому смыслу, что одна только долговременная привычка и обыкновеніе позволяютъ смотрѣть на такой порядокъ вещей безъ содраганія.

Но судить о правильности хода дѣла, судить о справедливомъ и точномъ приложеніи закона, для сего не нужно имѣть предъ собою подсудимаго и свидѣтелей. Здѣсь заочное производство не только возможно, но и весьма естественно и даже необходимо.

Впрочемъ мы говоримъ здѣсь о неудобствѣ нѣсколькихъ инстанцій только для того, чтобы отстранить сомнѣнія тѣхъ, коихъ можетъ изумить предположеніе рѣшить дѣло въ одной или двухъ инстанціяхъ. Сіе наше предположеніе естественно и логически слѣдуетъ изъ самого существа суда присяжныхъ и не можетъ быть предметомъ спора коль скоро будетъ принятъ принципій сего суда присяжныхъ: подлѣ или выше суда присяжныхъ не можетъ существовать иной инстанціи, кромѣ такой, которая исключительно судитъ только о правильности хода дѣла и приложенія закона.

Здѣсь мы должны замѣтить, что кассаціонный судъ во Франціи, какъ то доказываетъ опытъ, почти во всѣхъ поступающихъ на его разсмотрѣніе дѣлахъ, можетъ найти какой нибудь поводъ къ уничтоженію приговора. Этого избѣжать не возможно и даже не желательно: опытность и честность членовъ кассаціоннаго суда служитъ достаточнымъ ручательствомъ, что власть, коею облекаетъ ихъ законъ, не будетъ употреблена ими во зло, по крайней мѣрѣ по дѣламъ изключительно до частныхъ лицъ касающимся.

Въ Англіи приговоръ приводится въ исполненіе по предписанію самого судьи произнесшаго оный. Часто подсудимые прибѣгаютъ къ милосердію державной власти, и тогда дѣло разсматривается министромъ внутреннихъ дѣлъ, иногда всѣми 12 или 15 судьями Англіи. Если правительство находитъ достаточно причинъ смягчить наказаніе, то министръ сообщаетъ о семъ кому слѣдуетъ. Въ противномъ случаѣ онъ объявляетъ, что приговоръ долженъ быть исполненъ.*)

Вотъ въ главныхъ чертахъ вся наша мысль о судѣ присяжныхъ по дѣламъ уголовнымъ. Мы конечно чувствуемъ все несовершенство нашего положенія. Человѣкъ съ большимъ искусствомъ, съ большими дарованіями, конечно умѣлъ бы представить сію мысль въ несравненно лучшемъ видѣ и упрочить для нея болѣе вѣроятностей успѣха. Мы ссылаемся только на искренность и силу нашего убѣжденія. Тотъ кто будетъ читать написанное

---

*) См. Примѣчанія къ § VIII.

нами безъ предразсудка противъ предлагаемаго плана, съ чистымъ желаніемъ добра, откуда бы оно ни происходило и какимъ бы образомъ ни совершилось, дополнитъ и исправитъ, можетъ быть, своимъ размышленіемъ, многое что мы упустили или представили недостаточнымъ образомъ. Но эта самая искренность нашего убѣжденія, на которую мы ссылаемся, и которая соединена въ насъ съ долговременнымъ наблюденіемъ, позволяетъ намъ спросить каждаго безпристрастнаго человѣка: не проще ли, не вѣрнѣе ли поручить рѣшеніе дѣлъ уголовныхъ присяжнымъ?

IX.

О судѣ присяжныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ.

Дѣла гражданскія, по самому свойству своему, не представляютъ той степени необходимости суда присяжныхъ, которая столь очевидна въ дѣлахъ уголовныхъ. Въ сихъ послѣднихъ страсти человѣка, который долженъ судить о преступленіи, дѣйствуютъ или ознаменовываются совсѣмъ инымъ образомъ, нежели страсти судьи, долженствующаго рѣшить тяжбу между двумя частными лицами. Здѣсь въ особенности нужно безпристрастіе; тамъ умѣренность, хладнокровіе и строгость смягчаемая милосердіемъ. Очевидно, что въ семъ послѣднемъ случаѣ участіе людей независимыхъ, призываемыхъ для сужденія только одного или нѣсколькихъ дѣлъ и возвращающихся въ среду общества, въ коемъ они жили вмѣстѣ съ подсудимымъ и его ближними, обѣщаетъ болѣе правды въ рѣшеніи, нежели

сколько можетъ представлять даже и хорошій судья, привыкшій видѣть предъ собою людей болѣе или менѣе виновныхъ и едва ли не потерявшій вовсе вѣру въ невинность подсудимыхъ. По сему-то во многихъ земляхъ гдѣ былъ введенъ судъ присяжныхъ, онъ ограничивался дѣлами уголовными.

Во Франціи дѣла гражданскія продолжаютъ быть разсматриваемы и рѣшаемы судьями. Высокая степень совершенства въ учрежденіи судопроизводства французскаго, существованіе кодекса, гласность, все это вмѣстѣ дѣлаетъ, что тамъ вообще находятъ теперешній порядокъ вещей удовлетворительнымъ и никто не думаетъ о введеніи суда присяжныхъ по дѣламъ гражданскимъ.

Въ Англіи судъ присяжныхъ распространяется какъ на дѣла уголовныя, такъ и на гражданскія. И тамъ, напротивъ, никому не приходитъ въ голову, отмѣнивъ присяжныхъ, поручить рѣшеніе дѣлъ гражданскихъ судьямъ.

Въ Шотландіи присяжные рѣшали только дѣла уголовныя. Наконецъ, не ранѣе какъ въ 1817 году, и въ сей землѣ рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ было также ввѣрено присяжнымъ. Этотъ примѣръ земли, какова Шотландія, стоящей на столь высокой степени образованности, представляющей между правовѣдами, равно какъ и въ другихъ отрасляхъ наукъ, столько людей знаменитыхъ и заслуживающихъ общее уваженіе какъ публичнымъ такъ и частнымъ характеромъ, такой примѣръ, по нашему мнѣнію, много свидѣтельствуетъ въ пользу распространенія суда присяжныхъ на дѣла гражданскія. Надлежитъ замѣ-

тить, что сороколѣтній опытъ доказалъ, что сія реформа была весьма благотворна. Общее мнѣніе вполнѣ одобрило ее.

Что касается до Россіи, то мы не видимъ почему, принявъ судъ присяжныхъ для дѣлъ уголовныхъ, слѣдовало бы предоставить рѣшеніе дѣлъ гражданскихъ исключительно судьямъ.

Конечно, какъ мы изъяснили выше, говоря объ уголовномъ судопроизводствѣ, и суды гражданскіе могутъ получить лучшее устройство: число инстанцій можетъ быть уменшено до двухъ или трехъ включая инстанцію верховнаго апелляціоннаго суда; производство дѣлъ, вмѣсто письменнаго, можетъ быть словесное; гласность можетъ дать значительное обеспеченіе въ пользу добраго правосудія. Но мы повторимъ и здѣсь сдѣланныя нами возраженія. Гдѣ кодексъ законовъ, по коему судьи будутъ судить; гдѣ взять надежныхъ судей для наполненія всѣхъ судовъ, въ коихъ должно будетъ опредѣлить по три или по пяти судей въ каждомъ? Не вѣрнѣе ли и здѣсь положиться на совѣсть и на здравый смыслъ людей почетныхъ и благонадежныхъ въ каждой мѣстности и призвать ихъ для разбора и рѣшенія гражданскихъ дѣлъ, подъ руководствомъ судьи и надзоромъ прокурора?

Назначеніе и избраніе присяжныхъ для гражданскаго суда будетъ происходить тѣмъ же порядкомъ какъ въ судѣ уголовномъ.

Нѣкоторыя дѣла будутъ поступать въ гражданскій судъ или въ гражданскую палату изъ судовъ полицейскихъ. Другія, въ большемъ числѣ, будутъ возникать

изъ подаваемыхъ прошеній въ судъ отъ частныхъ лицъ. Сіи прошенія, долженствующія содержать изложеніе дѣла, будутъ необходимо письменныя. Кромѣ сихъ прошеній, надлежитъ дозволить какъ истцу такъ и отвѣтчику представлять судьѣ, прежде открытія засѣданія, краткія записки по ихъ дѣлу. Судья, въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ каждой трети года, разсматриваетъ и прошенія истца и возраженія отвѣтчика, равно какъ и записки ими представленныя, и составляетъ, съ помощію его секретарей, записку для присяжныхъ, въ которой онъ изъясняетъ сущность дѣла и приводитъ съ возможною точностію всѣ законы, по коимъ дѣло можетъ быть рѣшено, не давая впрочемъ съ своей стороны никакого заключенія. При открытіи засѣданія по сему дѣлу, судья читаетъ сію записку присяжнымъ и если сіи сочтутъ нужнымъ требовать отъ судьи нѣкоторыхъ объясненій, то они должны имѣть право обращаться къ судьѣ, въ лицѣ ихъ, избраннаго ими самими, предсѣдателя, и судья будетъ обязанъ дать имъ желаемыя объясненія.

Послѣ сего судья обращается къ истцу и отвѣтчику или къ ихъ повѣреннымъ и требуетъ отъ нихъ словеснаго*) изъясненія иска и отвѣта. Такъ какъ граждан-

*) Словесное судопроизводство, въ нѣкоторой степени, извѣстно въ Россіи съ давняго времени. Словесные суды были учреждены при Петрѣ I. и Екатеринѣ I. Земскіе суды могли также производить дѣло *словесною* расправою. Въ послѣдствіи были учреждены торговые и коммерческіе суды, въ коихъ производство долженствовало быть словесное. Но мало по малу къ словесному примѣшалось письменное производство и выгоды перваго были весьма ограничены.

скія дѣла представляютъ много сложности и даже запутанности, то слѣдуетъ дозволить тяжущимся и ихъ повѣреннымъ представлять ихъ объясненія съ помощію составленныхъ ими записокъ.

Послѣ сихъ объясненій, прокуроръ представляетъ суду, словесно, свое мнѣніе по дѣлу.

Тогда судья приступаетъ къ произнесенію своего *наставленія* присяжнымъ. Въ семъ наставленіи, сколь возможно ясно и вразумительно, онъ излагаетъ сущность дѣла, упоминаетъ о доводахъ приводимыхъ какъ истцемъ, такъ и отвѣтчикомъ, равно какъ и о мнѣніи прокурора и наконецъ приводитъ и толкуетъ законы, по коимъ дѣло можетъ быть рѣшено. Здѣсь судья обязанъ истолковать присяжнымъ съ особенною ясностію, какія послѣдствія приговоръ ихъ: за *истца* или за *отвѣтчика* будетъ имѣть для сихъ послѣднихъ.

Мы настоимъ на необходимости и на значительности сего послѣдняго истолкованія тѣмъ болѣе, что послѣ долгаго и внимательнаго разсмотрѣнія, мы были приведены къ заключенію, что рѣшеніе присяжныхъ должно ограничиваться только словами: *за истца* или *за отвѣтчика.* Ограничиваясь такимъ отвѣтомъ присяжныхъ, мы тѣмъ самымъ возлагаемъ на судью важную обязанность вывести всѣ законныя послѣдствія изъ такого приговора и изложить письменно сообразный съ рѣшеніемъ присяжныхъ приговоръ, который долженъ входить въ различныя подробности, коихъ дѣло можетъ требовать.

Допустить поставленіе нѣсколькихъ вопросовъ присяжнымъ въ гражданскомъ дѣлѣ, было бы обременить

ихъ различными подробностями, ни мало не соотвѣтствующими ихъ призванію. Это было бы отказаться отъ одной изъ существенныхъ выгодъ суда присяжныхъ, которая состоитъ въ простотѣ и въ ясномъ и краткомъ опредѣленіи главной, коренной истины въ процессѣ. Опытный и добросовѣстный судья всегда будетъ умѣть дать настоящій смыслъ и настоящее значеніе приговору присяжныхъ.

Разумѣется, что если мы требуемъ поставленія одного вопроса, то это только по каждому главному обстоятельству дѣла. Такимъ образомъ, если дѣло представляетъ нѣсколько различныхъ предметовъ для разрѣшенія, то для каждаго изъ оныхъ долженъ быть сдѣланъ особенный вопросъ. На примѣръ, по долговому иску можетъ представиться какой нибудь беззаконный поступокъ со стороны истца или отвѣтчика. Если это беззаконіе независимо отъ справедливости или несправедливости самого иска, то судья можетъ поставить особый вопросъ о каждомъ изъ сихъ обстоятельствъ. Можетъ также встрѣтиться, что одно изъ главныхъ обстоятельствъ оказывается въ пользу истца, другое въ пользу отвѣтчика. Очевидно, что по каждому изъ сихъ обстоятельствъ долженъ быть поставленъ особый вопросъ. Отвѣтъ присяжныхъ будетъ данъ въ однѣхъ и тѣхъ же словахъ на каждый вопросъ.

Замѣтимъ, что въ англійскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ рѣшеніе присяжныхъ дается также только въ словахъ: за истца или за отвѣтчика.

Дѣла гражданскія касаются иногда такихъ предметовъ, для разбора и рѣшенія коихъ необходимо имѣть нѣкоторыя

спеціальныя, техническія свѣденія. Это можетъ встрѣтиться, на примѣръ, въ тяжбахъ возникающихъ по торговымъ и ремесленнымъ предпріятіямъ, въ спорахъ между товарищами какой нибудь фабрики, какого нибудь рудокопнаго заведенія и т. п. Если обѣ тяжущіяся стороны потребуютъ, чтобы дѣло ихъ было разобрано и рѣшено не обыкновенными присяжными, но людьми особенно свѣдущими въ предметахъ тяжбы, тогда судья обязанъ назначить изъ списка присяжныхъ или даже и внѣ сего списка, 36 человѣкъ или менѣе и призвать ихъ въ судъ для избранія изъ нихъ, по обыкновенному порядку, 12ти присяжныхъ для рѣшенія дѣла.

Такое отступленіе отъ общаго правила, составленіемъ особеннаго или спеціальнаго суда присяжныхъ, должно быть предпринимаемо только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ.

X.

О Верховномъ Судѣ по дѣламъ гражданскимъ.

По рѣшеніи дѣла въ судѣ гражданскомъ или гражданской палатѣ, дѣло можетъ быть, недовольною стороною, перенесено въ верховный апелляціонный судъ, въ коемъ, какъ теперь въ Сенатѣ, будетъ отдѣленіе или департаментъ для дѣлъ гражданскихъ.

Гражданскій департаментъ верховнаго суда, также какъ и уголовный, ограничивается сужденіемъ о правиль-

ности хода дѣла и о справедливости въ приложеніи закона. Равно какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, верховный судъ разсматриваетъ было ли правильно и сообразно существу дѣла истолкованіе или опредѣленіе судьею точнаго смысла приговора присяжныхъ. Если департаментъ найдетъ, что ходъ дѣла былъ правильный и что оно рѣшено сообразно законамъ къ оному относящимся, тогда рѣшеніе гражданскаго суда, по распоряженію прокурора, приводится въ исполненіе. Если же судъ встрѣтитъ какую либо неправильность въ ходѣ дѣла, несоблюденіе предписанныхъ закономъ правилъ и формъ, если онъ найдетъ, что не тѣ законы, на основаніи коихъ слѣдовало рѣшить дѣло, были приведены къ оному, тогда онъ, уничтожая рѣшеніе гражданскаго суда, передаетъ дѣло на разсмотрѣніе другаго гражданскаго суда.

Теперь мы позволимъ себѣ обратиться къ этимъ несчастнымъ жертвамъ судебной проволочки, которыя въ продолженіе 10, 20 и болѣе лѣтъ, какъ говорится, *ходятъ* по своимъ процессамъ, видя ихъ рѣшенными въ ихъ пользу въ одной инстанціи, противъ нихъ въ другой, и истощивъ 8 или 9 сихъ инстанцій, обращаются наконецъ къ Коммиссіи Прошеній дабы добиться до новаго разсмотрѣнія дѣла или въ Сенатѣ, или въ Совѣтѣ, или иногда въ нижнихъ инстанціяхъ. Что скажутъ сіи изнуренные и часто разоренные искатели правосудія о предлагаемомъ здѣсь судѣ присяжныхъ?

Вѣроятно, что одни только самые неугомонные кривкотворы, чувствующіе всю непрочность, всю слабость своего права, предпочтутъ теперешній порядокъ вещей,

дабы удобнѣе, какъ говоритъ пословица, „въ мутной водѣ рыбу удить.“

Означивъ устройство судовъ уголовныхъ и гражданскихъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о прокурорахъ.

XI.

О Прокурорахъ.

Учрежденіе прокуроровъ въ Россіи было весьма полезно и, какъ намъ кажется, болѣе нежели какое либо учрежденіе сего рода, соотвѣтствовало благимъ намѣреніямъ законодателя.*)

Вѣденію прокуроровъ должны подлежать какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, безъ различія.

Прокурору особенно присвоивается власть взятія подъ стражу, освобожденія, окончательнаго задержанія и преданія суду.

Ему предоставляется право требовать начатія слѣдствій, если оныя не были начаты инымъ образомъ въ полицейскомъ судѣ.

На немъ лежитъ обязанность преслѣдовать предъ судомъ обвиняемыхъ.

Въ каждой губерніи будетъ одинъ прокуроръ. Онъ долженъ имѣть двухъ или трехъ помощниковъ въ губернскомъ городѣ, кои могутъ замѣнять его въ присутствіяхъ судовъ. Сверхъ сего при прокурорѣ будетъ находиться нѣсколько секретарей.

*) См. Примѣчаніе къ § XI.

Въ каждомъ уѣздѣ будетъ одинъ помощникъ прокурора, имѣя при себѣ двухъ или болѣе чиновниковъ. Главнѣйшіе изъ сихъ чиновниковъ могутъ замѣнять помощника прокурора въ случаѣ необходимости.

Въ верховномъ аппелляціонномъ судѣ надлежитъ имѣть оберъ-прокурора въ каждомъ департаментѣ, и сверхъ сего генералъ-прокурора для общаго собранія департаментовъ верховнаго суда, когда они соединяются для разрѣшенія дѣлъ, по коимъ представляется разномысліе между департаментомъ гражданскимъ или уголовнымъ и двумя изъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ. *)

Генералъ-прокуроръ долженъ имѣть право, по своему усмотрѣнію, участвовать лично во всѣхъ дѣлахъ вступающихъ въ верховный судъ, не только по общему собранію, но и по департаментамъ.

Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроры имѣютъ при себѣ достаточное число дѣлопроизводителей.

При верховномъ судѣ въ особенности будетъ полезно имѣть извѣстное число молодыхъ правовѣдовъ, въ качествѣ аудиторовъ. Они будутъ находиться при засѣда-

*) Если уничтоженное верховнымъ судомъ рѣшеніе одного гражданскаго или уголовнаго суда, переданное на новое рѣшеніе другаго суда, будетъ повторено симъ вторымъ судомъ въ томъ же видѣ, какъ было дано первое рѣшеніе, вопреки послѣдовавшему уничтоженію онаго департаментомъ верховнаго суда; тогда дѣло не можетъ вновь поступать на разсмотрѣніе того же департамента, но должно быть предоставлено разсмотрѣнію общаго собранія департаментовъ верховнаго суда. Это можетъ встрѣтиться особенно въ слѣдствіе неясности закона. Тогда державная власть, въ случаѣ если дѣло не разрѣшится и въ общемъ собраніи, должна приступить къ истолкованію закона

ніяхъ суда и могутъ быть употребляемы какъ членами суда, такъ и генералъ- и оберъ-прокурорами по ихъ усмотрѣнію. Такимъ образомъ правительство можетъ всегда имѣть свѣдущихъ чиновниковъ для наполненія ими мѣстъ по судебной части.

XII.

Объ адвокатахъ.

Въ составъ предлагаемаго нами новаго устройства судопроизводства, очевидно входятъ адвокаты. У насъ адвокатовъ нѣтъ. Есть только стряпчіе, которые, какъ говорится, *ходятъ* по дѣламъ. Изъ этого класса людей нельзя надѣяться извлечь порядочныхъ адвокатовъ. По дѣламъ ост-зейскихъ губерній производящимся въ Сенатѣ, мы находимъ въ С. Петербургѣ людей весьма почтенныхъ, свѣдущихъ, иногда настоящихъ юрисконсультовъ, коимъ ввѣряется ходатайство по симъ дѣламъ. Сіе обстоятельство не перемѣняетъ общаго заключенія, что адвокатовъ въ Россіи, кромѣ ост-зейскихъ губерній, не существуетъ.

Когда предлагаемая реформа будетъ принята и когда необходимость адвокатовъ будетъ очевидна, тогда начнутъ появляться и адвокаты. Въ университетахъ и въ училищѣ правовѣденія вниманіе юридическихъ факультетовъ и профессоровъ законовѣденія будетъ обращено на представляющуюся потребность. Преподаватели науки будутъ знать къ чему они должны приготовлять своихъ слуша-

телей. Студенты, посвящающіе себя судебному поприщу, будутъ знать что̀ въ самомъ началѣ ожидаетъ ихъ на семъ поприщѣ: званіе адвоката должно быть первою степенію, иногда, для отличнѣйшихъ, первою и послѣднею, на семъ достохвальномъ поприщѣ. Соотвѣтственно сему професcора будутъ преподавать, а студенты изучать трудную науку правовѣденія.

Но съ самаго дня учрежденія новыхъ судовъ и новаго судопроизводства, нельзя ожидать, чтобы вездѣ явилось достаточное число правовѣдовъ для исполненія того что̀ требуется отъ адвоката. И такъ, въ началѣ, слѣдуетъ допустить какъ въ гражданскихъ такъ и въ уголовныхъ судахъ, въ качествѣ адвокатовъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, кои будутъ избраны подсудимыми и тяжущимися.

Такъ какъ въ дѣлахъ уголовныхъ случается, что подсудимый не можетъ найти защитника, и такъ какъ, по новому устройству, всякій подсудимый долженъ непремѣнно имѣть предъ судомъ защитника; то въ такомъ случаѣ судья самъ назначаетъ его защитника, избирая его изъ секретарей или аудиторовъ суда или даже изъ среды общества, въ коемъ всегда найдутся люди, готовые, изъ усердія къ правосудію, изъ сострадатія къ подсудимому, взять на себя трудъ защиты.

Но когда, по прошествіи нѣсколькихъ годовъ, будетъ найдено, что число молодыхъ правовѣдовъ, учившихся въ университетахъ и въ школѣ правовѣденія, достаточно для соотвѣтствованія всѣмъ потребностямъ судопроизводства, тогда классъ адвокатовъ можетъ быть устроенъ

надлежащимъ образомъ. Нѣкоторыя права и преимущества, требуемыя достоинствомъ и почетностію ихъ званія, должны быть имъ усвоены.

Но и въ то время, когда будетъ существовать повсемѣстно устроенный классъ адвокатовъ, должно предоставить подсудимому и тяжущимся право ввѣрять защиту или ходатайство по дѣлу даже и такимъ лицамъ, кои къ классу адвокатовъ не принадлежатъ. Это отступленіе отъ общаго правила будетъ конечно весьма рѣдкимъ исключеніемъ; но не менѣе того исключеніе необходимо, дабы дать подсудимому полную волю въ избраніи своего защитника, и тяжущимся ихъ ходатая.

Въ заключеніе да будетъ намъ позволено представить на усмотрѣніе всѣхъ мыслящихъ людей слѣдующее замѣчаніе.

Скрывать зло, избѣгать говорить о немъ, всегда безполезно, иногда рѣшительно вредно. И такъ осмѣлимся указать на столь пагубное и вмѣстѣ столь гнусное зло лихоимства, взятокъ, которое, какъ кажется, ни мало не уменшается съ успѣхами общей образованности въ Россіи. Если бы было какое нибудь средство искоренить или по крайней мѣрѣ умѣрить зло сіе, то конечно всякое правительство давно уже прибѣгнуло бы къ сему средству. Но такого средства, при теперишнемъ порядкѣ вещей, не существуетъ и существовать не можетъ.

Мы спрашиваемъ: не найдется ли это средство само собою при новомъ устройствѣ судопроизводства?

Присяжные, отъ коихъ будетъ зависѣть существенное рѣшеніе всякаго дѣла, гражданскаго и уголовнаго, не

самому избранію и окончательному назначенію ихъ, будутъ недоступны къ какому бы то ни было соблазну со стороны подсудимыхъ и тяжущихся, не причастны ни къ какому лицепріятію. По крайней мѣрѣ всѣ возможныя вѣроятности позволяютъ намъ ожидать сего.

Какъ, кажется, серіозно не подумать о предложеніи, обѣщающемъ изцѣленіе отъ нравственной болѣзни, заражающей и губящей все что ни есть священнѣйшаго для всякаго человѣческаго общества, заражающей и губящей Правосудіе!

XIII.

О наказаніяхъ.

Мнѣ неоднократно случалось замѣчать, что въ Россіи встрѣчается, посреди общества, гораздо болѣе людей имѣющихъ нѣкоторыя познанія въ законахъ, нежели въ другихъ земляхъ.

Въ Англіи, гдѣ законы представляютъ огромную массу разныхъ постановленій и узаконеній и гдѣ къ этой хаотической массѣ присоединяется еще такъ называемый *общій законъ* (common law), въ Англіи весьма понятно что люди, не принадлежащіе къ сословію юрисконсультовъ, весьма мало обращаютъ вниманія на законодательство и, при малѣйшей надобности, прибѣгаютъ къ совѣту правовѣда.

Во Франціи общія понятія въ законодательствѣ распространены несравненно болѣе, по причинѣ существованія въ сей землѣ полныхъ уложеній (кодексовъ) по каждой

отрасли законодательства. Но и во Франціи едва ли общія познанія въ законахъ столь распространены какъ въ Россіи.

У насъ на каждомъ шагу встрѣчаются люди, которые, болѣе или менѣе, смыслятъ что нибудь въ законахъ. Не говоря уже о чиновникахъ, кои, въ продолженіе службы, могутъ пріобрѣтать нѣкоторыя свѣденія въ законодательствѣ, частныя лица, помѣщики живущіе въ своихъ имѣніяхъ, купцы, фабриканты, мануфактуристы, по дѣламъ своимъ, имѣютъ различные случаи ознакомиться съ законами.

Это очевидно происходитъ отъ того, что у насъ нѣтъ записныхъ юрисконсультовъ, правовѣдовъ, адвокатовъ. Всякій, въ случаѣ надобности не имѣя къ кому обратиться для совѣта, чувствуетъ необходимость знать сколько нибудь самъ что̀ должно дѣлать. Можетъ быть система выборовъ, дворянскихъ и купецкихъ, также содѣйствуетъ сему общему распространенію кой-какихъ свѣденій въ законодательствѣ. Это обстоятельство заслуживаетъ нѣкотораго уваженія; ибо нельзя не желать, чтобы свѣденія, хотя и поверхностныя, законовъ были сколь возможно распространены въ обществѣ. Желательно, чтобы каждый могъ, въ случаѣ нужды, судить о законности или незаконности такого-то или такого-то дѣйствія или поступка. Прибѣгать безпрестанно и въ самыхъ простыхъ обстоятельствахъ къ совѣту адвокатовъ и правовѣдовъ не только убыточно, но можетъ вести къ безполезному размноженію тяжбъ и споровъ. Систематическое уложеніе, если бы Россія имѣла счастіе получить его, распространило

и развило бы, въ высокой степени, разсѣянныя между людьми всѣхъ состояній понятія юридическія вообще и свѣдѣнія въ законахъ въ особенности. Тогда каждый могъ бы быть, во многихъ случаяхъ, собственнымъ своимъ адвокатомъ.

Великое дѣло составленія полнаго систематическаго уложенія конечно, рано или поздно, должно быть предпринято. Если съ одной стороны составленіе уложенія гражданскаго требуетъ великихъ и продолжительныхъ трудовъ, то съ другой уложеніе уголовное можетъ быть начертано съ несравненно большею легкостію.

Мы не можемъ здѣсь войти въ дальнѣйшее разсмотрѣніе плановъ, по коимъ можно приступить къ составленію гражданскаго уложенія, изслѣдовать до какой степени, напримѣръ, теперешній сводъ законовъ можетъ служить основаніемъ новаго уложенія, источникомъ, изъ коего могутъ быть почерпнуты главнѣйшія постановленія; какимъ образомъ, сокращая и сокращая содержащіяся въ сводѣ узаконенія по одному и тому же предмету, возможно изъ цѣлаго тома извлечь нѣсколько параграфовъ, кои въ немногихъ словахъ содержали бы сущность тысячи различныхъ указовъ и узаконеній.*)

Но мы почитаемъ нужнымъ указать на свойства и характеръ, который должно имѣть всякое здравое уложеніе уголовное.

*) Замѣтимъ при семъ, что великій англійскій министръ, Сэръ Робертъ Пиль, предпринявъ реформу уголовнаго законодательства, ограничился сокращеніемъ существовавшихъ узаконеній и извлеченіемъ изъ оныхъ существеннаго, отстраняя все излишнее и повторяемое во многихъ постановленіяхъ.

Характеръ уголовнаго уложенія ознаменовывается наиболѣе родомъ и степенію наказаній, уложеніемъ изрекаемыхъ.

О степени наказаній мы упомянемъ только мимоходомъ. Намъ кажется, что нѣкоторыя законодательства, во многихъ случаяхъ, чрезъ мѣру и безотчетливо возвышаютъ степень наказаній и тѣмъ самымъ порождаютъ несоразмѣрность и неравенство въ наказаніяхъ по различнымъ проступкамъ и преступленіямъ. Такъ, напримѣръ, французское законодательство, которое мы находимъ вообще слишкомъ строгимъ, не смотря на многое смягченное въ немъ съ 1832 года, часто опредѣляетъ болѣе строгія наказанія за маловажныя упущенія и ненаблюденія предписаній закона, нежели за дѣянія достигающія до злодѣйства; человѣкъ не сдѣлавшій въ назначенное время предписаннаго объявленія начальству при выдачѣ въ свѣтъ напечатанной имъ книги; журналистъ, помѣстившій статью политическую, когда журналъ его не долженъ говорить о политикѣ, подвергаются несравненно строжайшему наказанію нежели человѣкъ, изувѣчившій другаго въ дракѣ. Что касается до строгости наказаній вообще, то опытъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ земляхъ гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ, доказываетъ, что чѣмъ строже наказанія закономъ опредѣляемыя, тѣмъ болѣе встрѣчается оправдательныхъ приговоровъ. Изъ достовѣрныхъ документовъ слѣдуетъ, что въ Англіи число обвинительныхъ приговоровъ увеличивалось по мѣрѣ уменшенія строгости въ наказаніяхъ.

То на что̀ мы желаемъ обратить вниманіе всѣхъ

мыслящихъ людей, это родъ, свойство наказаній, кои нарекаетъ уголовное уложеніе.

Въ чемъ состоитъ, въ чемъ должна состоять цѣль наказанія?

Одни полагаютъ, что примѣръ наказанія устрашаетъ людей и тѣмъ удерживаетъ ихъ отъ преступленія, и что по сему цѣль наказанія состоитъ въ устрашеніи для предупрежденія преступленій.

Еслибы примѣръ наказанія дѣйствительно удерживалъ людей отъ преступленій, то давно уже весь свѣтъ увидѣлъ и созналь бы удачное послѣдствіе сего намѣренія законодателя. Но съ повтореніемъ примѣровъ наказаній, повторяются и преступленія, и мы находимъ даже, что въ прежнія времена, когда наказанія были гораздо строже и слѣдовательно когда такъ называемое устрашеніе долженствовало быть дѣйствительнѣе, мы находимъ, что тогда и преступленія были сопровождаемы большею жестокостію. Въ новѣйшія времена, напротивъ того, когда наказанія были смягчены, мы видимъ, что и преступленія смягчились, если позволено такъ выразиться, и что вообще если преступленія противъ собственности ближняго увеличиваются въ числѣ своемъ, то число преступленій противъ лицъ постепенно уменшается. Это показываетъ, что преступленія увеличиваются или уменшаются совсѣмъ отъ иныхъ причинъ, вовсе независимыхъ отъ примѣра наказаній.

Впрочемъ допустивъ, что примѣръ наказанія удерживаетъ отъ преступленій, мы должны логически допустить также, что чѣмъ строже будетъ наказаніе, тѣмъ дѣйстви-

тельнѣе будетъ примѣръ. Тогда логика доведетъ насъ до самыхъ безнравственныхъ и безразсудныхъ послѣдствій.

Этого не довольно. Мнѣніе, что наказаніе, служа примѣромъ, должно предупреждать преступленія, иногда прямо ведетъ къ явной несправедливости и даже къ жестокости. Мнѣ случилось однажды быть въ судѣ, гдѣ Лондонскій рекордеръ (городовый судья), судилъ одного молодаго человѣка за кражу карманнаго платка или кошелька. Въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, признанный виновнымъ въ такомъ проступкѣ былъ бы приговоренъ къ задержанію въ смирительномъ домѣ на мѣсяцъ или на два мѣсяца. „Но такъ какъ въ послѣднее время," изъяснялъ рекордеръ въ своемъ приговорѣ, „кражи сего рода весьма умножились, то для примѣра и для устрашенія подобныхъ воровъ, наказаніе должно быть усилено," и въ слѣдствіе сего логическаго заключенія, сей судья приговорилъ молодаго вора къ 7ми лѣтней ссылкѣ (транспортаціи).

Не ясно ли, что въ семъ случаѣ осужденный потерпѣлъ наказаніе не только за собственный его проступокъ, но и за проступки другихъ воровъ, коимъ удалось избѣгнуть законной отвѣтственности?

Такимъ образомъ устрашеніе не можетъ быть вопреки здравому смыслу, цѣлію наказанія.

Другая теорія о цѣли наказаній полагаетъ, что наказаніе должно стремиться къ исправленію преступника.

Эта теорія мягче, человѣколюбивѣе первой, но не менѣе недостаточна и невѣрна.

Сей цѣли наказанія можно искать въ устройствѣ тю-

ремъ, въ коихъ заключенные могутъ быть наставляемы въ различныхъ нравственныхъ и религіозныхъ предметахъ, гдѣ они могутъ быть обучаемы различнымъ ремесламъ, гдѣ они могутъ работать и пріобрѣтать чрезъ то средства къ содержанію себя по выходѣ изъ тюрьмы.

Но имѣть цѣлію исправленіе при опредѣленіи закономъ рода и степени наказанія, равно какъ и при примѣненіи закона, не можетъ вести совершенно ни къ чему. Сверхъ сего какимъ образомъ законодатель можетъ обезпечить или сдѣлать вѣроятнымъ исправленіе? Какимъ образомъ онъ можетъ удостовѣриться, что исправленіе воспослѣдовало? Все это шатко, не вѣрно и не позволяетъ останавливаться на сей второй теоріи.

Мнѣніе, что цѣлію наказанія должно быть поставленіе преступника въ невозможность вредить обществу, слишкомъ неопредѣлительно, недостаточно и не можетъ служить руководствомъ для законодателя. Что значитъ поставить человѣка въ невозможность вредить обществу? Значитъ ли это, что его надлежитъ запереть въ тюрьму на всю жизнь? Но и въ тюрьмахъ совершаются преступленія. Одна только смертная казнь представляется какъ удовлетворительное, логическое послѣдствіе такой теоріи. Уже одна невозможность извлечь изъ нея какихъ либо правилъ относительно соразмѣрности наказаній доказываетъ совершенную незначительность сей теоріи.

Теорія о цѣли наказанія, принятая теперь всѣми криминалистами въ Германіи и замѣчательнѣйшими во Франціи (какъ напримѣръ Росси) поставляетъ правиломъ, что наказаніе имѣетъ цѣлію возстановленіе общественнаго

порядка, нарушеннаго преступленіемъ, посредствомъ должнаго возмездія за содѣянное виновнымъ.

Всякое противузаконное дѣяніе нарушаетъ порядокъ, безъ котораго никакое общество существовать не можетъ.

Всякое противузаконное дѣяніе само собою призываетъ отвѣтственность на виновнаго, какъ причина призываетъ дѣйствіе.

Наказаніе постигающее виновнаго, удовлетворяя нравственному чувству справедливости, тѣмъ самымъ возстановляетъ, по возможности, нарушенный преступникомъ общественный порядокъ.

Имѣя въ виду сію цѣль, законодатель, при опредѣленіи наказанія, не будетъ увлеченъ къ тѣмъ несообразностямъ и несправедливостямъ, кои неизбѣжны при желаніи достигнуть какой либо иной цѣли, побочной, прикосновенной, и часто невозможной.

Имѣя въ виду преступленіе, онъ оцѣнитъ вредъ, причиненный обществу. Но вмѣстѣ имѣя въ виду неминуемое возмездіе, коему долженъ быть подверженъ преступникъ, онъ оцѣнитъ степень его злоумышленности. Такимъ образомъ степень общественнаго вреда и степень злоумышленности въ причиненіи онаго, представляющіе законодателю въ нераздѣльной совокупности и служатъ, исключительно, справедливымъ основаніемъ опредѣленія наказанія.

Судья, въ приговорѣ своемъ, держась сей теоріи, равномѣрно ограничится оцѣненіемъ токмо вины, о коей онъ судитъ и злоумышленности того, кого онъ судитъ.

Такимъ образомъ сія теорія, по возможности, удовлетворяетъ главнымъ требованіямъ правосудія.

Дѣйствіе примѣра, состоящее въ предупрежденіи преступленій посредствомъ устрашенія, если оно возможно; исправленіе осужденнаго посредствомъ здраво устроенныхъ тюремъ; отлученіе его отъ общества и поставленіе въ невозможность болѣе вредить ему; — все это, до извѣстной возможной степени, послѣдуетъ само собою за наказаніемъ. Мы ни мало не отвергаемъ всѣхъ сихъ послѣдствій наказанія, по колику онѣ возможны. Мы только утверждаемъ, что если законодатель и судья, не ограничиваясь цѣлію возстановить нарушенный преступленіемъ общественный порядокъ сообразнымъ злоумышленности наказаніемъ, будутъ особенно имѣть въ виду или предупрежденіе дальнѣйшихъ преступленій, или исправленіе преступника, или какой либо иной предметъ, что тогда они, гоняясь за мечтами, отступаютъ отъ самыхъ простыхъ правилъ справедливости и здраваго смысла.

Теорія или мнѣніе о цѣли наказанія, излагаемое нами, не ново. Уже Лейбницъ и Кантъ означили и изъяснили оное; первый особенно весьма замѣчательнымъ образомъ. Въ новѣйшія времена германская наука, столь глубокая и всеобъемлющая, выработала мысль сихъ высокихъ философовъ и основала ее на твердомъ основаніи логики и здраваго смысла.

Геніальный Бентамъ, какъ должно думать, не зналъ сей теоріи. Онъ составилъ, о наказаніяхъ, собственную свою теорію, на любимомъ его правилѣ *полезности* основанную. Она, какъ все произведенное симъ великимъ

мыслителемъ, весьма замѣчательна, остроумна, привлекательна; но не смотря на это, мнѣ удалось однажды, вооружившись нѣмецкою теоріею, убѣдить одного изъ отличнѣйшихъ почитателей Бентама въ неосновательности теоріи утилитарной.

Зная какую цѣль могутъ и должны имѣть наказанія, законодатель по простому здравому смыслу придетъ къ заключенію, что наказаніе не должно простираться далѣе нежели какъ того требуетъ возможное возстановленіе общественнаго порядка преступленіемъ нарушеннаго и должное возмездіе за доказанную злоумышленность преступника. Возмездіе за содѣянное преступленіе не есть мщеніе со стороны общества, но только удовлетвореніе, необходимо требуемое пользою общею. Такимъ образомъ все что жестокое должно быть устранено отъ наказаній. Законодатель, изрекая наказаніе, долженъ ограничиваться, по возможности, самымъ меньшимъ количествомъ зла причиняемаго виновному. Коль скоро одно менѣе строгое наказаніе представляется достаточнымъ для удовлетворенія общества и для возмездія за умышленное преступленіе, тогда безполезно, безразсудно, жестоко прибѣгать къ наказанію болѣе строгому.

Понятія о жестокости въ наказаніяхъ измѣняются съ измѣненіемъ гражданскаго, политическаго и нравственнаго состоянія обществъ человѣческихъ. Въ прежнія времена, во времена невѣжества и грубости нравовъ, мы повсюду находимъ въ обыкновеніи такія наказанія, о коихъ одна мысль теперь насъ ужасаетъ. Мало по малу законодатели образованнѣйшихъ народовъ изучились и привыкли ува-

жать, даже и въ преступникѣ, неотъемлемое достоинство человѣка. Преступниковъ заключаютъ въ тюрьму, казнятъ, вѣшаютъ; — но не мучатъ и не проклинаютъ ихъ, не издѣваются надъ ними, какъ ихъ мучили, какъ ихъ проклинали, какъ надъ ними издѣвались прежде.

Это приводитъ насъ къ замѣчанію, что наказанія могутъ быть не только жестоки, но и унизительны, оскорбляя врожденное достоинство человѣка. Таковы суть вообще наказанія тѣлесныя.

Ни по какой изъ упомянутыхъ нами теорій не могутъ быть оправданы наказанія тѣлесныя.

Если онѣ должны предупреждать преступленія устрашеніемъ, то вмѣстѣ съ симъ онѣ могутъ имѣть иное дѣйствіе. Люди видя чему они могутъ быть подвергнуты, или почувствуютъ негодованіе, ненависть къ закону, или закоснѣютъ въ порокѣ, находя, въ лицѣ страдальца, собственное свое униженіе: — и въ томъ и въ другомъ случаѣ примѣръ тѣлесныхъ наказаній, вмѣсто предупрежденія, порождаетъ новыя преступленія.

Онѣ, во многихъ случаяхъ, не отлучаютъ виновнаго отъ общества. Когда же тѣлесныя наказанія сопряжены съ таковымъ отлученіемъ, съ ссылкою, съ заточеніемъ, тогда онѣ просто касаются предѣловъ жестокости; ибо за исключеніемъ смертной казни, ссылка на поселеніе или заточеніе съ работою, должно быть высшею степенію справедливыхъ наказаній въ наше время. Такія наказанія не должны быть соединяемы съ наказаніями, такъ сказать, добавочными инаго рода.

Тѣлесныя наказанія еще менѣе могутъ соотвѣтствовать

теоріи исправленія. Для исправленія необходимо порожденіе въ виновномъ чувства нравственнаго, чувства его человѣческаго достоинства, а сіе-то именно чувство подавляется наказаніемъ унизительнымъ.

Наконецъ тѣлесныя наказанія никакъ не могутъ согласоваться съ теоріею нами принимаемою. По сей теоріи сохраненіе общественнаго порядка, слѣдственно благо общее. есть цѣль наказаній. Средство къ достиженію сей цѣли есть конечно возмездіе, коему подвергается виновный. Но общество, состоя изъ людей въ отдѣльности, изъ индивидуовъ, не можетъ желать безполезнаго униженія членовъ сего самаго общества, ибо унижая ихъ, оно само себя унижаетъ. Такимъ образомъ наказанія унизительныя не только не соотвѣтствуютъ требованіямъ нашей теоріи, но прямо ей противорѣчатъ.

Будучи противны всѣмъ нынѣ существующимъ понятіямъ о правосудіи, тѣлесныя наказанія только свидѣтельствуютъ о невѣжествѣ и грубости нравовъ не теперешняго времени, но временъ прошедшихъ, когда дикая сила была единственнымъ орудіемъ и управленія и правосудія, когда люди весьма мало отдавали сами себѣ отчетъ въ нравственныхъ предметахъ. Привычка и обыкновеніе укоренили зло, и теперь сіи наказанія суть не что иное какъ безотчетное варварство!

Привычка и обыкновеніе! Многое, само по себѣ непостижимое, изъясняется этими двумя словами. На многое уродливое и ужасное люди смотрятъ хладнокровно потому только, что они *привыкли* смотрѣть на это. Многое уродливое и ужасное люди дѣлаютъ даже сами, по тому

единственно, что отцы ихъ то же дѣлали и что современники ихъ продолжаютъ то же дѣлать. Вотъ, напримѣръ, довольно печальное доказательство этой наклонности въ людяхъ дѣлать такъ какъ дѣлалось прежде. Въ царствованіе Императора Александра 1го вышелъ однажды указъ осуждающій какъ излишнюю жестокость обезображеніе лица преступника. Но въ заключеніи было только предписано не вырывать ноздрей. Немедленно возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли продолжать клеймить преступниковъ? Казалось бы, по обще принятому въ юриспруденціи правилу, что сомнѣніе, въ подобныхъ случаяхъ, должно быть истолковано въ пользу страждущаго; казалось бы, что принимая въ уваженіе побудительныя причины указа, рѣшеніе сего вопроса долженствовало отстранить клеймо вмѣстѣ съ вырываніемъ ноздрей; — совсѣмъ нѣтъ! Истолкованіе состояло въ томъ, что такъ какъ въ заключеніи указа говорится только о ноздряхъ, а не о клеймѣ, то слѣдуетъ, *по прежнему*, клеймить!

„По прежнему" — эти слова все изъясняютъ; клеймили прежде — будемъ продолжать клеймить и впредь!

Въ Россіи мы находимъ одну особенную причину, которая необходимо должна содѣйствовать сохраненію тѣлесныхъ наказаній. Высшій классъ народа, изъ котораго правительство беретъ и судей и администраторовъ, не подлежитъ симъ наказаніямъ. Естественно, что они не могутъ смотрѣть на сіи наказанія съ той точки зрѣнія, съ какой смотрятъ люди, подверженные онымъ. Присоедините это обстоятельство къ вліянію закоренѣлой привычки, и тогда

вы не удивитесь, что тотъ классъ народа, который, одинъ только, судитъ и управляетъ, говоритъ и пишетъ, не много заботится о злѣ, которое до него не касается.

Мы отвергаемъ всякаго рода тѣлесныя наказанія и отвергаемъ рѣшительно и безусловно, потому что онѣ унизительны и противны врожденному и неотъемлемому достоинству человѣка. Этой причины для насъ совершенно достаточно.

Но множество другихъ причинъ, такъ сказать, вопіетъ противъ тѣлесныхъ наказаній.

Напримѣръ: онѣ необходимо соединены съ неопредѣлительностію, съ произволомъ. Одно и то же число ударовъ, кнутомъ или плетьми или розгами, дѣйствуетъ различно на людей, смотря по ихъ крѣпкому или слабому тѣлосложенію. Сверхъ сего многое зависитъ, въ нанесеніи ударовъ, отъ произвола палача. Извѣстно, что палачь могъ умертвить наказуемаго однимъ или двумя ударами кнута. *)

Другое обстоятельство, о которомъ мы упомянули выше, и которое свидѣтельствуетъ противъ тѣлесныхъ наказаній, состоитъ въ томъ, что подавляя въ людяхъ чувство ихъ человѣческаго достоинства, онѣ приводятъ ихъ до такой степени униженія, что въ наказаніи они

---

*) Одинъ почтенный и достойный прокуроръ, разсказывалъ мнѣ, что говоря однажды съ палачемъ о силѣ и дѣйствіи ударовъ кнутомъ, палачь сказалъ ему, что однимъ или двумя ударами можно умертвить человѣка „Тебѣ случалось ли это?“ спросилъ прокуроръ. — „Эхъ, нѣтъ! батюшка. Вѣдь Бога надо бояться!“ Это отвѣтъ — палача!

наконецъ видятъ только физическую боль. Такое расположеніе умовъ, какъ будто, вызываетъ законодателя къ усиленію болѣе и болѣе строгости и жестокости въ наказаніяхъ. Горе землѣ гдѣ народъ боится одной только физической боли!

Но главная изъ причинъ второстепенныхъ и самое сильное опроверженіе, состоитъ въ безполезности сихъ наказаній. И подлинно: многія изъ преступленій могутъ быть караемы тюремнымъ заключеніемъ. Самыя важнѣйшія могутъ найти достаточное возмездіе въ ссылкѣ на поселеніе и въ ссылкѣ на каторжную работу. Въ первомъ случаѣ, коль скоро преступленіе можетъ быть наказано тюрьмою, безполезно прибѣгать къ розгамъ и къ плетямъ. Во второмъ, если преступникъ ссылается на поселеніе или на каторгу, то безполезно, сверхъ того, мучить его жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Мы не возмемъ на себя защищать смертную казнь. Но скажемъ не обинуясь, что мы рѣшительно предпочитаемъ смертную казнь плетямъ и кнуту. Въ царствованіе Императора Александра Iго. Государственный Совѣтъ, разсматривая проэктъ уголовнаго уложенія, одобрилъ введеніе смертной казни, — очевидно для того, чтобы отстранить жестокія тѣлесныя наказанія.

Мнѣ тяжело, мнѣ душно писать то, что я здѣсь пишу; перо едва двигается въ дрожащей рукѣ. Но какъ быть? Надобно же напомнить о томъ что̀ дѣлается около насъ, чего мы не видимъ, о чемъ мы страшимся избѣгаемъ и думать, но что̀ не менѣе того совер-

шается на самомъ дѣлѣ. Скрѣпивъ сердце, я иду далѣе и рѣшаюсь представить читателю моему слѣдующее предположеніе:

Человѣкъ осужденъ на самое крайнее тѣлесное наказаніе. Является хирургъ и говоритъ судьямъ: „Черезъ нѣсколько часовъ вы отдадите мнѣ этого человѣка изуродованнымъ, изувѣченнымъ, для излеченія. Тѣло его будетъ изрыто ударами кнута или плетей. Кожа изчезнетъ. Куски мяса будутъ вырваны. Кости обнажены. Сердце и другія части состава человѣческаго могутъ быть повреждены и причинить смерть. Операція палача не вѣрна и безотчетлива. Я предлагаю замѣнить ее операціей хирургической. Скажите, сколько локтей кожи, сколько фунтовъ мяса должно быть вынуто изъ осужденнаго. Я исполню это съ возможнымъ искусствомъ и осторожностію. Леченіе будетъ удобнѣе и возстановленіе здоровья вѣроятнѣе и скорѣе."

Вы, судьи, вспыхнете отъ гнѣва и негодованія при такомъ чудовищномъ предложеніи . . . Но опомнитесь, размыслите хладнокровно о самой сущности предложенія, и вы найдете, что хирургъ болѣе филантропъ нежели вы.

Такъ конечно! предложеніе ужасно, отвратительно, чудовищно. Но какими же словами заклеймите вы то наказаніе, которое превосходитъ безтолковой жестокостію даже и это чудовищное предложеніе? Конечно мы не преступили предѣловъ умѣренности, называя тѣлесныя наказанія безотчетнымъ варварствомъ!

„До нашествія Татаръ, Русскіе знали побои только

въ дракѣ," замѣтилъ нашъ безсмертный историкъ. Четыре столѣтія прошло со времени освобожденія Россіи отъ ига татарскаго!!

Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ о смертной казни. Въ послѣднія времена возникло, въ нѣкоторыхъ земляхъ, весьма рѣшительное мнѣніе противъ смертной казни. Одни находятъ ее несправедливою, другіе, въ осужденіи ея, основываются особенно на томъ, что лишая человѣка жизни, общество лишаетъ себя возможности исправить ошибку свою въ случаѣ, если въ послѣдствіи будетъ доказана невинность казненнаго. И тѣ и другіе вообще возстаютъ противъ смертной казни также и на томъ основаніи, что она поддерживаетъ и усиливаетъ въ нравахъ наклонность къ жестокости.

Первое изъ сихъ мнѣній кажется намъ неосновательнымъ. Мы не видимъ почему общество, имѣя право наказанія вообще, не имѣетъ и права казнить смертію.

Второе мнѣніе оправдывается, до нѣкоторой степени, опытомъ. Какъ правильно и хорошо ни было бы устроено человѣческое правосудіе, какъ все человѣческое, оно всегда будетъ несовершенно. Отъ времени до времени мы видимъ, что даже и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ подсудимые ограждены всемъ возможнымъ покровительствомъ закона, они бываютъ иногда осуждаемы безвинно. Если приговоренное наказаніе оставляло осужденнаго въ живыхъ; то дѣло, по возможности, поправлялось. Но если казнь была смертная, то ничто не могло поправить ужасной ошибки. Но здѣсь надлежитъ, замѣтить, что такія *судебныя ошибки* чрезвычайно рѣдки тамъ, гдѣ правосудіе сопровождается и полною

защитою и полною гласностію, и мы не думаемъ, чтобы сей одной причины, въ возможности несправедливаго осужденія на смертную казнь состоящей, было достаточно для исключенія сей казни изъ уголовнаго уложенія.

Мнѣніе отстраняющее смертную казнь на томъ основаніи, что она поддерживаетъ и усиливаетъ въ правахъ народныхъ расположеніе къ жестокости, заслуживаетъ, по нашему убѣжденію, несравненно болѣе вниманія. Сіе вредное дѣйствіе смертной казни неоспоримо. Во многихъ земляхъ это было признано, и потому мы видимъ, что съ нѣкотораго времени, смертная казнь совершается тамъ внутри тюремъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ свидѣтелей, и далеко отъ глазъ этой безсмысленной толпы, которая съ жадностію сбѣгается на мѣсто казни, какъ она сбѣгается на кулачный бой, на травлю быковъ или медвѣдей и на всякое кровавое зрѣлище, удовлетворяющее неблагороднымъ инстинктамъ сердца человѣческаго. Можно сказать, что смертная казнь, располагая такимъ образомъ къ жестокости, въ извѣстной степени развращаетъ народъ. Уничтоженіе ея, въ семъ смыслѣ, и благодѣтельно и нравственно. Можетъ быть люди, видя, что законъ какъ будто страшится прибѣгнуть къ сему крайнему средству казни, болѣе почувствуютъ важность и, такъ сказать, святость жизни человѣческой и мысль о смертоубійствѣ, можетъ быть, сдѣлается для нихъ еще болѣе ужасною и отвратительною. Тогда, вѣроятно, и преступленія сего рода сдѣлаются рѣже.

Говоря о смертной казни въ отношеніи къ пагубному ея вліянію на нравы, мы не имѣемъ ничего сказать

объ опой въ отношеніи къ лицу, которое ей подвергается: для несчастнаго заслужившаго казнь смертную, едва ли не лучше лишиться немедленно жизни, нежели влачить эту жизнь подъ бременемъ угрызеній его совѣсти.

Примѣчанія.

---

§ IV.

Примѣчаніе къ § IV. стран. 28.

Во Франціи извѣстное число присяжныхъ для каждаго департамента (губерніи) разпредѣляется совѣтомъ префектуры между различными уѣздами (cantons) сообразно народонаселенію. Въ каждомъ кантонѣ, коммисія, составленная изъ меровъ сельскихъ обществъ (communes), подъ предсѣдательствомъ судьи мира, составляетъ списокъ присяжныхъ, содержащій число именъ втрое болѣе опредѣленнаго для кантона. По симъ такъ сказать предварительнымъ спискамъ, коммисія, составляемая въ су-префектурѣ или округѣ (arrondissement), подъ предсѣдательствомъ су-префекта, избираетъ число присяжныхъ опредѣленное для сего округа (arrondissement). Сія коммисія можетъ увеличить или уменшить, но не менѣе какъ одною четвертію, предназначенное число для каждаго кантона. Вліяніе прокурора на составленіе списка присяжныхъ ограничивается совѣтами отстранять такихъ людей, кои,

не представляя законной причины къ отстраненію, не пользуются общимъ уваженіемъ.

Присяжные, имѣющіе жительство за 2 версты (kilomètres) отъ города, гдѣ бываетъ засѣданіе, могутъ требовать вознагражденія: $2\frac{1}{2}$ франка за каждыя 10 верстъ.

Французскій законъ, опредѣляя въ подробности кто не можетъ быть внесенъ въ списокъ присяжныхъ, отстраняетъ, между прочимъ, безграмотныхъ.

Въ Англіи списки присяжныхъ составляются въ каждомъ приходѣ старостами церковными (church-wardens) и надзирателями надъ богоугодными или благотворительными заведеніями, на основаніи податныхъ списковъ, въ коихъ означено сколько каждый платитъ налоговъ. Сіи приходскіе списки разсматриваются и дополняются коммиссіею составленною изъ судей мира (justices of the peace) того округа. Секретарь суда мира, засѣдающаго каждые три мѣсяца, составляетъ списокъ для всего графства (губерніи) и передаетъ его шерифу, который назначаетъ присяжныхъ для каждаго засѣданія. Шерифъ есть главный чиновникъ исполнительной власти въ графствѣ. Онъ избирается ежегодно. Шерифъ можетъ вызвать до 144 присяжныхъ, изъ коихъ одни назначаются для перваго періода засѣданія, другіе для втораго.

§ V.

Примѣчаніе къ § V. стран. 36.

По первобытному норманскому закону, какъ видно изъ исторіи, въ случаѣ преступленія, призывались 12 или 24 члена общины для представленія свидѣтельства

по дѣлу или даже для обвиненія. Эти люди назывались recognitores. По ихъ свидѣтельству или обвиненію, судьи рѣшали. Отсюда произошло большое или обвинительное жюри. Мало по малу изъ сего же источника образовалось малое жюри. Сколько я помню, цѣловальники въ судебникѣ весьма похожи на сихъ recognitores. Говоря о повальномъ обыскѣ, мы невольно вспоминаемъ о *понятыхъ*, также похожихъ на сихъ recognitores, кои впрочемъ, бывъ уже извѣстны Норманамъ въ ихъ собственной землѣ, призывались и для свидѣтельства въ спорахъ о владѣніи землею, какъ представители общины.

Примѣчаніе къ § V. стран. 38.

Въ Англіи, въ случаѣ скоропостижной или насильственной смерти, слѣдствіе начинается особымъ образомъ. Чиновникъ, подъ названіемъ коронера (coroner) имѣетъ обязанностію собрать присяжныхъ, осмотрѣть мертвое тѣло вмѣстѣ съ ними; онъ призываетъ и допрашиваетъ свидѣтелей, кои могутъ служить къ открытію истины, изъясняетъ дѣло присяжнымъ, кои рѣшаютъ какою смертію умеръ покойный, можно ли кого подозрѣвать въ причиненіи смерти. Однимъ словомъ цѣль сего изслѣдованія есть опредѣлить: отъ чего послѣдовала смерть и есть ли кого подозрѣвать въ причиненіи оной?

Обычай постановилъ, что если коронеръ и его присяжные признаютъ кого либо виновнымъ, тогда обвиняемый прямо предается малому суду присяжныхъ, не переходя черезъ большое жюри.

Сіе учрежденіе извѣстно въ Англіи съ весьма ста-

рыхъ временъ и мало соотвѣтствуетъ теперешнему порядку вещей, но сохраняется, какъ многое обветшалое въ Англіи сохраняется. Въ старину должность коронера имѣла гораздо болѣе значительности.

Изслѣдованіе коронера происходитъ, по возможности, въ самомъ мѣстѣ гдѣ открылось преступленіе.

Иногда и присяжные, по предложенію судьи, отправляются на мѣсто преступленія для обозрѣнія мѣстности. Обыкновенно они довольствуются представляемыми имъ планами и описаніями.

Примѣчаніе къ § V. стран. 40.

Обвинительные присяжные или большое жюри собирается при открытіи судебнаго засѣданія. Оно должно состоять по крайней мѣрѣ изъ 23 присяжныхъ. Шерифъ ихъ созываетъ по составленному имъ списку.

Передавая присяжнымъ списокъ дѣлъ, кои должны быть рѣшены ими, судья изъясняетъ, что они не должны ни мало рѣшить о винѣ, но только о томъ, слѣдуетъ ли предать обвиняемаго малому суду присяжныхъ. Большое жюри слушаетъ свидѣтелей только въ пользу или со стороны обвиненія. Обвиняемый не предстаетъ предъ судъ большаго жюри. Засѣданіе сихъ присяжныхъ не гласное. Рѣшеніе имѣетъ силу когда 12 присяжныхъ согласны. Оно объявляется въ судѣ. Обыкновенно дѣла рѣшатся весьма скоро. Замѣтимъ, что въ Англіи многое въ семъ учрежденіи не одобряется мнѣніемъ просвѣщенныхъ правовѣдовъ.

Обвинительный актъ составляется обыкновенно секре-

таремъ большаго суда присяжныхъ, на основаніи документовъ препровожденныхъ къ нему отъ судьи разсматривавшаго дѣло прежде. Иногда актъ обвинительный составляется адвокатомъ преслѣдующимъ обвиняемаго.

Такимъ образомъ большое жюри судитъ о дѣлѣ по сему обвинительному акту, что́ весьма справедливо, ибо люди долженствующіе рѣшить преданіе суду, должны знать въ чемъ именно состоитъ обвиненіе. Во Франціи, напротивъ того, обвинительный актъ составляется послѣ рѣшенія обвинительной камеры (chambre des mises en accusation); отъ чего происходитъ, что въ семъ актѣ прокуроръ даетъ иногда обвиненіямъ совсѣмъ другой видъ нежели тотъ, который приписывала ему обвинительная камера. Вообще обвинительные акты во Франціи мало соотвѣтствуютъ достоинству и чистотѣ правосудія.

Въ Шотландіи нѣтъ большаго суда присяжныхъ кромѣ какъ по дѣламъ измѣны.

Примѣчаніе къ § V. стран. 43.

Въ Англіи показанія свидѣтелей, при слѣдствіи, какъ и все производство, происходитъ гласно. Но судья можетъ иногда отстранить публику. Сіе обыкновенно бываетъ когда показаніе свидѣтеля особенно важно, и когда свидѣтель самъ желаетъ представить его судьѣ на единѣ.

Примѣчаніе къ § V. стран.. 45

Говоря о судьяхъ, какъ полицейскихъ, такъ и уголовныхъ, мы упоминаемъ о классѣ, въ коемъ, по нашему усмотрѣнію, они должны состоять. Это приводитъ насъ къ слѣдующему размышленію.

По существующему въ Россіи чиноположенію, на табели о рангахъ основанному, всякаго рода мѣста и должности могутъ быть занимаемы не иначе какъ лицами имѣющими соотвѣтственный чинъ. Такимъ образомъ тѣ, кои служили не долго и живутъ въ отставкѣ съ чиномъ низшихъ классовъ, необходимо отстраняются отъ должностей требующихъ чиновъ высшихъ. Такой порядокъ вещей совершенно несообразенъ съ системою выборовъ дворянскихъ и потому было постановлено, что по симъ выборамъ лица, имѣющія какой бы то ни было низшій чинъ, могутъ быть избираемы на высшія мѣста, какъ то на мѣста предводителей, предсѣдателей, и притомъ съ тѣмъ, что во время исполненія ихъ должностей по выбору, лица сіи пользуются преимуществами высшихъ классовъ. Но правительство, даровавъ дворянству право избирать достойныхъ по его мнѣнію людей для исполненія важныхъ должностей не смотря на ихъ недостаточный чинъ, не разсудило за благо присвоить и самому себѣ того же права. Между тѣмъ правительство находится, въ семъ отношеніи, въ тѣхъ же обстоятельствахъ какъ и дворянство. Оно, равно какъ и дворянство, можетъ найти полезнымъ дать значительное или высокое въ служебной іерархіи мѣсто человѣку не имѣющему соотвѣтствующаго сему мѣсту чина, но отличающемуся своими свѣдѣніями и способностями. Не странно ли видѣть, что такой отличный человѣкъ можетъ быть избранъ дворянствомъ въ должность предводителя или предсѣдателя, но не можетъ быть опредѣленъ самимъ правительствомъ къ должности губернатора или директора какой либо отрасли управле-

нія? Извѣстно, что въ Россіи есть множество людей почтенныхъ и способныхъ, живущихъ въ отставкѣ, кои именно потому что жили въ отставкѣ, пріобрѣли, или ученіемъ или опытомъ, различныя свѣденія, коихъ иногда не имѣли времени пріобрѣсти лица продолжительно служившія. По нашему мнѣнію весьма было бы и полезно и справедливо, если бы правительство рѣшилось усвоить себѣ то же право какое оно предоставило дворянству, и опредѣлять людей достойныхъ ко всѣмъ мѣстамъ, не смотря на ихъ чинъ, предоставляя имъ соотвѣтственныя занимаемой должности классныя преимущества въ продолженіе ихъ служенія. Такая мѣра весьма облегчила бы для правительства выборъ хорошихъ судей при новомъ устройствѣ судебномъ.

§ VI.

Примѣчаніе къ § VI. стран. 52.

Въ Англіи и Америкѣ производство дѣла въ судѣ начинается тѣмъ, что адвокатъ обвиняющій изъясняетъ обвиненіе. Въ Шотландіи приступаютъ прямо къ допросу свидѣтелей обвиняющей стороны, по той причинѣ, что каждый изъ присяжныхъ получаетъ копію съ обвинительнаго акта и потому вступительная рѣчь обвинителя почитается излишнею.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о существующемъ въ Англіи обычаѣ спрашивать подсудимаго, въ самомъ началѣ, виноватъ ли онъ или желаетъ быть судимъ по

закону.*) Если подсудимый объявитъ, что онъ виноватъ, то никакого производства не слѣдуетъ и судья прилагаетъ законъ къ сознанной винѣ. Вспоминая, что въ одномъ изъ узаконеній Петра 1го, именно требуется, чтобы признаніе было *доказательно*, мы полагаемъ, что въ случаѣ признанія судья долженъ сообразить согласно ли оно съ существомъ дѣла.

Примѣчаніе къ § VI. стран. 53.

Въ Англіи судья самъ не допрашиваетъ ни подсудимаго, ни свидѣтелей. Законъ англійскій имѣетъ въ виду сохранить всевозможное равновѣсіе между обвинителемъ и обвиняемымъ. Когда судья самъ допрашиваетъ подсудимаго, то онъ невольно можетъ быть увлеченъ на сторону обвиненія, и тогда онъ перестаетъ быть безпристрастнымъ судьею. Конечно и въ Англіи судьи имѣютъ право обращать вопросы и къ подсудимому и къ свидѣтелямъ; но они дѣлаютъ это тогда только, когда подсудимые не имѣютъ адвокатовъ и вообще въ пользу обвиняемыхъ; или когда отвѣты неясны, неопредѣлительны и необходимо требуютъ изъясненія или истолкованія со стороны судьи. Такъ какъ въ Англіи судья записываетъ для себя показанія свидѣтелей и основывается на оныхъ въ своемъ наставленіи, то и для сего лучше если самъ судья не допрашиваетъ, а только слушаетъ показанія.

*) Прежде спрашивали просто, виноватъ или не виноватъ. Но эта форма, признанная несообразною съ требованіями строгаго безпристрастія, была недавно перемѣнена и теперь спрашиваютъ какъ означено выше.

Въ Англіи существуетъ судебная поговорка или повѣріе, что судья есть настоящій защитникъ подсудимаго. Сія поговорка, въ слѣдствіе новаго закона допускающаго во всѣхъ случаяхъ защитниковъ, конечно не имѣетъ той значительности, каковую она имѣла прежде. Скажемъ однакоже, что какъ ни странна такая поговорка можетъ показаться внѣ Англіи, мы, по всему что̀ мы видѣли въ англійскихъ судахъ, можемъ засвидѣтельствовать, что она справедлива и соотвѣтствуетъ тому, что̀ бываетъ на самомъ дѣлѣ.

При семъ мы не можемъ не упомянуть о слѣдующемъ обыкновеніи, существующемъ въ англійскомъ судопроизводствѣ.

Какъ при слѣдствіи такъ и предъ судомъ, когда обвиняемый начинаетъ дѣлать объясненіе и, различными сознаніями или самымъ признаніемъ, обвинять самого себя, то судья напоминаетъ ему, что все что̀ онъ говоритъ, будетъ въ послѣдствіи обращено въ доказательство противъ него. Такимъ образомъ судья предостерегаетъ обвиняемаго не вредить самому себѣ и чрезъ то какъ бы отвращаетъ его отъ признанія. Многіе находятъ сіе обыкновеніе несообразнымъ съ цѣлію правосудія, которое ищетъ прежде всего истины и никогда не можетъ отвергать собственнаго признанія обвиняемаго, если впрочемъ сіе признаніе вѣроятно, правдоподобно, *доказательно*, какъ выражается одинъ изъ уставовъ Петра 1го.

Наконецъ мы считаемъ неизлишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о такъ называемомъ передопросѣ (cross-examination).

Право адвоката передопрашивать свидѣтеля противной стороны имѣетъ особенную важность въ англійскомъ судопроизводствѣ. Выслушавъ показанія свидѣтеля противной стороны, адвокатъ обращаетъ къ нему различные вопросы, стараясь ими добиться до противорѣчія или ослабить значительность показанія, или наконецъ поколебать, въ совѣсти присяжныхъ, довѣренность къ свидѣтелю. Конечно адвокаты употребляютъ иногда во зло сіе право. Но вообще, какъ мы видали на опытѣ, передопросъ свидѣтелей много способствуетъ къ обнаруженію истины. Къ тому же такъ какъ въ Англіи свидѣтели допрашиваются не судьею, а обвинителемъ или обвиняемымъ, то допуская допросъ одной стороны, естественно представляется необходимость позволить допросъ или передопросъ и другой сторонѣ. Впрочемъ право передопроса было необходимо тогда когда законъ по многимъ уголовнымъ дѣламъ (felonies) не допускалъ формальной защиты. Въ сихъ обстоятельствахъ защита наиболѣе заключалась въ семъ передопросѣ.

Право передопроса въ Англіи неограниченно. Въ Америкѣ можно передопрашивать только по обстоятельствамъ прямо до дѣла касающимся.

Примѣчаніе къ § VI. стран. 54.

Поставляя въ обязанность судьѣ истолкованіе присяжнымъ не только преступленія, о коемъ они должны судить, но и закона, подъ который подходитъ сіе преступленіе, мы тѣмъ самымъ поставляемъ присяжныхъ въ возможность судить о родѣ и степени наказанія, которое

должно быть послѣдствіемъ ихъ приговора. Такимъ образомъ присяжные, по нашему предположенію, имѣютъ право и обязанность судить не только о винѣ, но, по возможности, и о наказаніи.

Понятія о правѣ присяжныхъ судить не только о винѣ, но и о законѣ, были всегда весьма неясны, неполны, запутанны. Французское законодательство, рѣзко и рѣшительно отдѣливъ вину отъ закона (le fait et le droit) и предоставивъ присяжнымъ судить только о винѣ, *) а судьямъ о законѣ, много способствовало сей запутанности. И теперь вездѣ люди, разсуждающіе о судѣ присяжныхъ поверхностно, не входя въ самую сущность сего установленія, безпрестанно повторяютъ, что присяжные судятъ только о преступленіи, т. е. было ли оно содѣяно или нѣтъ.

Какъ и откуда возникло это мнѣніе?

Самое происхожденіе, источникъ установленія суда присяжныхъ достаточно показываетъ, что сего раздѣленія между виною и закономъ, въ началѣ, существовать не могло. Оно возникло мало по малу, въ слѣдствіе несогласій являвшихся между судьями и присяжными, особливо въ дѣлахъ политическихъ въ прежнія времена и въ дѣлахъ вольнаго книгопечатанія въ новѣйшія. Въ сихъ дѣлахъ судьи, желая достигнуть обвиненія и наказанія подсудимыхъ, старались ограничить право присяжныхъ токмо сужденіемъ о содѣянномъ поступкѣ, о фактѣ, т. е.

*) Въ залѣ гдѣ совѣщаются присяжные прибитый къ стѣнѣ листъ возвѣщаетъ присяжнымъ, что они не должны помышлять о послѣдствіяхъ, кои можетъ имѣть ихъ приговоръ!!

признаніемъ со стороны присяжныхъ, что такой-то поступокъ былъ совершенъ, что такая-то книга была напечатана. Сужденіе же и рѣшеніе о томъ: признанный поступокъ и напечатанная книга составляютъ ли дѣйствительно преступленіе, закономъ наказуемое, они предоставляли самимъ себѣ. Приписываемый подсудимому поступокъ, напечатанная имъ книга, могли быть вовсе невинными; но присяжные не могли произнести приговора оправдательнаго, потому что судья предписывалъ имъ рѣшить только то, былъ ли поступокъ содѣянъ, была ли книга напечатана? Присяжные естественно отвѣчали, что поступокъ содѣянъ, что книга напечатана. Тогда судья, основываясь на приговорѣ такой виновности, толкуя по своему свойство вины, прилагалъ строжайшія наказанія. Исторія показываетъ, что присяжные часто боролись съ судьями въ такихъ случаяхъ; но судьи, въ прежнія времена, имѣли болѣе силы и вліянія и употребляли оное во зло. Мало по малу, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общаго англійскаго законодательства, какъ судебнаго такъ особенно и политическаго, вредная власть судей была ограничена, а власть присяжныхъ увеличилась. Но вкоренившееся въ умахъ понятіе, что присяжные судятъ только о винѣ, а не о законѣ, продолжало еще существовать и особенно высказывалось въ преслѣдованіяхъ противъ проступковъ и преступленій по книгопечатанію въ концѣ послѣдняго столѣтія, когда политическія обстоятельства Англіи и всей Европы производили великое волненіе въ умахъ. Правительство преслѣдовало многихъ политическихъ писателей. Судьи, продолжая отдѣлять вину отъ закона, требовали

отъ присяжныхъ отвѣта только на вопросъ: книга напечатана ли? т. е. виновенъ ли авторъ въ напечатаніи, и получивъ отвѣтъ утвердительный, осуждали, на основаніи приговора присяжныхъ, подсудимаго къ наказанію какъ преступника. Такія осужденія, — въ которыхъ присяжные очевидно ничего не рѣшали, кромѣ простаго обстоятельства (факта), что книга напечатана, что̀ не требовало никакого рѣшенія, ибо книга существовала, — такія осужденія, лучше всѣхъ доводовъ, доказывали безсмысленность раздѣленія вины отъ закона, и наконецъ, по предложенію славнаго Фокса, былъ изданъ законъ, коимъ было присяжнымъ присвоено право, по дѣламъ книгопечатанія, судить и о винѣ и о законѣ. Но самый сей законъ, обеспечивъ въ полной мѣрѣ писателей, по истинѣ, на самомъ дѣлѣ, ничего не постановилъ новаго, такъ какъ присяжные, освобождаясь болѣе и болѣе отъ неправеднаго вліянія судей, пріобрѣли уже неотъемлемое право судить и о винѣ и вмѣстѣ о законѣ, и судьи, во всѣхъ дѣлахъ неполитическихъ, не противились въ семъ присяжнымъ.

Истина состоитъ въ томъ, что если судьи и присяжные остаются, какъ сіе теперь существуетъ въ Англіи, каждый въ предѣлахъ власти ему принадлежащей и обязанностей на него возложенныхъ, равно какъ и въ предѣлахъ здраваго смысла, истина въ томъ, что присяжные не могутъ иначе судить какъ о винѣ и вмѣстѣ о законѣ. Какой добросовѣстный человѣкъ согласится рѣшить объ участи своего ближняго, произнести надъ нимъ приговоръ, не зная какое послѣдствіе будетъ имѣть приговоръ сей? Сообразно сей истинѣ, присяжные, въ Англіи, имѣя въ

виду законное и добросовѣстное исполненіе своего долга, не помышляя ни о какихъ теоріяхъ, всегда судятъ и о винѣ и о законѣ. Впрочемъ мы должны замѣтить, что давно уже многіе англійскіе правовѣды провозглашали и доказывали право присяжныхъ судить такимъ образомъ.

Въ нѣкоторыхъ Штатахъ Сѣверной Америки (Иллинуа, Коннектикутъ) законъ опредѣлительно постановляетъ, что присяжные должны судить какъ о винѣ, такъ и о законѣ.

Во Франціи, какъ мы видѣли, законъ постановляетъ совершенно противное.

При всемъ глубокомъ уваженіи, коего заслуживаютъ знаменитые законовѣдцы, кои начертали новое французское законодательство, мы не можемъ не замѣтить, что если, побуждаемые чистою любовію къ своей землѣ, къ добру, къ правосудію, они не преминули занять отъ Англіи благое установленіе присяжныхъ, то вмѣстѣ съ симъ они, какъ видно, не постигнули вполнѣ всей сущности суда присяжныхъ. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что принявъ малый судъ присяжныхъ, они приняли и большой судъ присяжныхъ, который возможенъ только въ Англіи, при англійскомъ устройствѣ судовъ и управленія. Въ Англіи большой судъ присяжныхъ составляетъ часть слѣдствія, а французы привыкли къ совершенно иному образу слѣдствій. Не менѣе того установленіе суда присяжныхъ, не смотря на неискусное приложеніе онаго во Франціи, было весьма благотворно для сего государства, что — замѣтимъ мимоходомъ — подтверждаетъ изъявленное нами мнѣніе о повсемѣстной удобоприлагаемости сего устано-

вленія: здѣсь мы видимъ, что даже и недостаточное, искаженное приложеніе во Франціи суда присяжныхъ не преминуло имѣть благодѣтельнаго дѣйствія.

Какъ бы то ни было, новые французскіе законодатели, увлеченные, можетъ быть, старыми формами судопроизводства, къ коимъ они привыкли, понимая, можетъ быть, ложно достоинство судьи, предоставили присяжнымъ рѣшеніе о винѣ, а судьѣ о законѣ. Мы находимъ однакоже, что ошибка произошла едва ли отъ невѣдѣнія. Извѣстный юрисконсультъ Тронше, одинъ изъ защитниковъ Лудовика XVI въ разсужденіяхъ по сему предмету, ссылаясь на свою сорокалѣтнюю опытность, называлъ эту теорію раздѣленія вины отъ закона, мечтаніемъ невозможнымъ въ приложеніи на дѣлѣ.

Въ послѣдствіи большое жюри во Франціи было отстранено. Преданіе суду было ввѣрено особенному отдѣленію суда (chambre des mises en accusation). Слѣдствіе было образовано особенными законами. Все это было весьма мало похоже на большое жюри и на слѣдствіе въ Англіи. Что касается до самого суда присяжныхъ, то, принимая въ уваженіе свойство и характеръ тогдашняго правительства во Франціи, нельзя было ожидать, чтобы оно добровольно отказалось отъ чрезмѣрнаго вліянія судей, имъ опредѣляемыхъ, вліянія, которое усиливается предоставленіемъ судьямъ исключительнаго права судить о законѣ. Правда, какъ мы выше замѣтили, что невозможное въ исполненіи плохо исполняется, и что присяжные, не внимая предписаніямъ и увѣщаніямъ законодателя не думать о законѣ, думаютъ о немъ и часто, вопреки волѣ

законодателя, тайкомъ приносятъ въ свои совѣщанія маленкіе карманные кодексы и стараются удостовѣриться о наказаніи.

Въ 1848 году, въ проэктѣ о преобразованіи судопроизводства, составленномъ однимъ изъ лучшихъ французскихъ законовѣдцевъ (Martin de Strasbourg) было предлагаемо предоставить присяжнымъ рѣшеніе какъ о винѣ такъ и о законѣ.

Примѣчаніе къ § VI., стран. 56.

Въ Англійскомъ судопроизводствѣ не дѣлается никакихъ вопросовъ присяжнымъ. Присяжные выслушавъ свидѣтелей, адвокатовъ и наставленіе судьи, удаляются для разсмотрѣнія дѣла и даютъ свое рѣшеніе однимъ словомъ виноватъ или не виноватъ, за истца или за отвѣтчика. Вѣковая опытность и обыкновеніе много облегчаютъ дѣло присяжныхъ. Такимъ образомъ, по вкоренившемуся обычаю, присяжные имѣютъ между прочимъ право въ самомъ приговорѣ уменьшать вину и, на примѣръ, вмѣсто умышленнаго признать неумышленное убійство. При введеніи суда присяжныхъ тамъ гдѣ онъ не существовалъ, невозможно опредѣлить предварительно закономъ всего того, что мало по малу возникло изъ долговременнаго опыта. Въ такомъ случаѣ, стремясь къ главной цѣли, надлежитъ только стараться отвратить препоны къ достиженію сей цѣли, опредѣляя сколь возможно главныя дѣйствія и судьи и присяжныхъ. Для сего мы почли нужнымъ принять за правило поставленіе присяжнымъ вопросовъ. Но наши вопросы не стѣсняютъ присяжныхъ,

не запутываютъ дѣла, и служатъ только указаніемъ какимъ образомъ присяжные должны произнести свой приговоръ, указаніе, не излишнее для судьи и необходимое для присяжныхъ, особенно когда дѣло представляетъ нѣсколько различныхъ обвиненій.

Разумѣется, что присяжные, въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ о дѣлѣ, для легчайшаго изслѣдованія онаго могутъ поставлять сами себѣ, посредствомъ ихъ предсѣдателя, вопросы и отвѣчать на оные. Это дѣлается обыкновенно въ дѣлахъ сложныхъ и затруднительныхъ. Обсудивъ дѣло, согласившись между собою по всѣмъ обстоятельствамъ онаго, присяжные, предъ судомъ, даютъ одинъ краткій отвѣтъ: виноватъ или нѣтъ.

Французское законодательство допускаетъ поставленіе безчисленныхъ вопросовъ. Опытъ показываетъ, что значительная часть апелляцій возникаетъ отъ поставленія вопросовъ и что часто приговоры уничтожаются въ слѣдствіе неправильнаго поставленія сихъ вопросовъ.

Примѣчаніе къ § VI. стран. 58.

Въ Англіи присяжные когда находятъ, что осуждаемый ими заслуживаетъ нѣкотораго облегченія въ наказаніи, предоставляютъ его милосердію державной власти. Эта рекомендація конечно не обязываетъ ни къ чему судью, но, по утвердившемуся обычаю, она всегда принимается въ уваженіе и судьею и правительствомъ; тогда наказаніе облегчается или осужденный вовсе освобождается. Такимъ образомъ сіе обыкновеніе имѣетъ вообще почти то же дѣйствіе какъ признаніе *облегчительныхъ обстоятельствъ*

во Франціи. Впрочемъ въ Англіи присяжные, какъ мы видѣли, могутъ, сами, признать вину въ меньшей степени, вмѣсто вины болѣе важной. Когда осужденный самъ прибѣгаетъ къ милосердію верховной власти, то министръ внутреннихъ дѣлъ совѣщается съ судьею; иногда онъ даже дѣлаетъ изслѣдованіе, не судебное, а частное, по дѣлу и часто милосердіе правительства умѣряетъ приговоръ. Замѣтимъ, что во Франціи признаніе присяжными *облегчительныхъ обстоятельствъ* обязываетъ судью убавить наказаніе одною или двумя степенями.

Въ Англіи вообще не одобряютъ сего французскаго установленія, находя, что чрезъ то присяжные признаютъ иногда обвиненіе *съ обстоятельствами облегчительными*, когда, безъ оныхъ, они произнесли бы оправданіе.

Присяжные, въ Англіи, прибавляютъ иногда къ своимъ рѣшеніямъ, кромѣ рекомендаціи милосердію, нѣкоторыя замѣчанія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ судья изъяснилъ, что угрозы, въ коихъ былъ обвиняемъ подсудимый, не составляютъ преступленія по закону. Присяжные, по сему изъясненію, произнесли приговоръ оправдательный, но замѣтили, что они рѣшаютъ такъ единственно соображаясь съ закономъ, судьею истолкованнымъ; но что поступокъ подсудимаго былъ весьма предосудителенъ. Мы приводимъ сію подробность дабы показать какъ англійскіе присяжные придерживаются закона и мнѣнія судьи, вопреки собственнаго ихъ мнѣнія. Они, въ семъ случаѣ, находили, что подсудимый не правъ, но видя, что законъ не признаетъ его поступка преступленіемъ, они рѣшили сообразно закону. Здѣсь нѣтъ того

безусловнаго всемогущества, которое такъ часто, особенно во Франціи, приписываютъ присяжнымъ люди плохо знающіе дѣло.

Если присяжные, во время ихъ совѣщанія, желаютъ спросить объясненія или совѣта отъ судьи, то, по допускаемому англійскимъ закономъ обычаю, они должны всѣ предстать предъ судъ, и судья отвѣчаетъ имъ въ присутствіи обвиняемаго или тяжущихся. Сверхъ сего, присяжные, по ихъ желанію, могутъ получить копію съ обвинительнаго акта и различные документы приводимые въ доказательство. Въ Шотландіи они ничего не имѣютъ кромѣ обвинительнаго акта. Во время засѣданія присяжные часто записываютъ для себя замѣчанія по дѣлу.

Обыкновенно судья произноситъ приговоръ немедленно по рѣшеніи присяжныхъ. Но онъ имѣетъ право отложить произнесеніе приговора на нѣкоторое время по различнымъ причинамъ, особенно если онъ желаетъ подробно обдумать приговоръ, увѣриться въ настоящемъ смыслѣ закона или посовѣтоваться съ другими судьями. Иногда судья произноситъ приговоръ и откладываетъ исполненіе пока возникшее сомнѣніе будетъ рѣшено въ совѣщаніи всѣхъ 15и судей Англіи, составляющихъ верховное судилище, предъ коихъ предстаютъ и адвокаты по разсматриваемымъ дѣламъ.

Примѣчаніе къ § VI. стран. 60.

Въ Англіи, если судья найдетъ, что въ приговорѣ своемъ присяжные явно ошиблись, то онъ можетъ это имъ замѣтить и требовать новаго совѣщанія. Въ Америкѣ

(Нью-Іоркъ) тоже; только если приговоръ былъ оправдательный, то судья обязанъ принять его.

§ VII.

Примѣчаніе къ § VII. стран. 62.

Мы почитаемъ не излишнимъ означить здѣсь различныя измѣненія, коимъ было подвергаемо во Франціи правило большинства голосовъ присяжныхъ.

1) Законъ 1791 года 16 Сентября. Учрежденіе суда присяжныхъ. Приговоръ обвинительный долженъ быть произнесенъ 10ю голосами изъ 12и.

2) Кодексъ IV года Республики. То же. Сверхъ сего, если судьи единогласно признаютъ, что присяжные ошиблись въ сущности дѣла ко вреду подсудимаго, то они призываютъ трехъ присяжныхъ прибавочныхъ для совѣщанія съ 12 кои рѣшили дѣло; и тогда большинство должно быть 12 изъ 15.

3) Законъ V года республики, 16 фруктидора. Присяжные, въ продолженіе 24 часовъ ихъ совѣщанія, должны рѣшить единогласно; по истеченіи сего времени они рѣшатъ по большинству голосовъ.

4) Законъ VI года, 8 фримера. Если по истеченіи 24 часовъ присяжные не согласны, то это пріемлется за оправданіе.

5) Уголовный кодексъ 1808 года. Для произнесенія приговора присяжныхъ достаточно простаго большинства (7 противъ 5), съ тѣмъ, что если обвиненіе признано только 7 присяжными, то въ такомъ случаѣ рѣшаютъ

судьи, принимая, каждый изъ нихъ, мнѣніе или большинства или меньшинства присяжныхъ.

6) Законъ 1821 года, Мая 25. Въ случаѣ простаго большинства, мнѣніе въ пользу обвиняемаго утверждается, если оно было принято большинствомъ судей.

7) Законъ 1831 года 4 Марта. Большинство голосовъ противъ обвиняемаго должно быть болѣе 7ми.

8) Тоже было принято при разсмотрѣніи уголовнаго кодекса въ 1832 году.

9) Законъ 1835 года, 9 Сентября. Система простаго большинства голосовъ возстановлена, съ тѣмъ, что если приговоръ противъ обвиняемаго былъ произнесенъ только 7ю присяжными, то судъ можетъ приступить къ совѣщанію, и если большинство судей полагаетъ, что присяжные ошиблись и что подсудимый не виноватъ, то дѣло можетъ быть отложено до слѣдующаго засѣданія.

10) Узаконеніе 1848 года, Марта 8. Большинство голосовъ противъ обвиняемаго должно быть болѣе 8ми.

11) Узаконеніе 1848 года, Октября 12. Большинство превышающее 7 голосовъ, должно быть достаточно.

12) Законъ 1853 года, 9 Іюня. Простое большинство присяжныхъ достаточно во всѣхъ случаяхъ. Число голосовъ составляющихъ сіе большинство, не должно быть объявляемо. Въ случаѣ приговора противнаго обвиняемому судъ можетъ предоставить дѣло рѣшенію другаго суда присяжныхъ; и если сей вторый приговоръ также противенъ обвиняемому, то судъ произноситъ осужденіе.

Окинувъ такимъ образомъ однимъ взглядомъ всѣ сіи столь противуположныя одно другому постановленія, нельзя

не согласиться, что не усердіе къ правосудію руководствовало по большой части власть законодательную, но мѣлкія и недостойныя соображенія минутныхъ выгодъ правителей, движимыхъ личными и политическими страстями. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ преній въ Камерѣ Депутатовъ о вышеупомянутомъ законѣ 1835 года: министры какъ будто торговались съ представителями народа о большей или меньшей возможности осуждать обвиняемыхъ. Такіе промахи Іюльскаго Правительства, повторяясь слишкомъ часто, конечно не увеличивали, въ мнѣніи общемъ, мысли о достоинствѣ его. Всѣ благомыслящіе люди смотрѣли на нихъ съ сожалѣніемъ и негодованіемъ, желая и ожидая болѣе проницательности, болѣе возвышенности, болѣе прямоты въ правительствѣ, вообще столь полезномъ, столь благотворномъ для Франціи, для Европы и для образованности гражданской.

Примѣчаніе къ § VII. стран. 64.

Въ Шотландіи, гдѣ присяжные рѣшатъ по большинству голосовъ, многіе свѣдущіе законовѣдцы желаютъ единогласія. Конечно и въ самой Англіи встрѣчаются правовѣды, предпочитающіе, для рѣшенія, большинство голосовъ, ссылаясь особенно на то что, при единогласіи, нѣкоторые присяжные противъ воли бываютъ принуждены соглашаться съ большинствомъ. Но на сіе имъ отвѣчаютъ, что и при методѣ большинства иные присяжные могутъ быть увлечены дать согласіе съ большинствомъ, вопреки собственному мнѣнію. Общее мнѣніе въ Англіи рѣшительно въ пользу единогласія. Нѣкоторые

правовѣды предлагали не требовать единогласія для оправданія.

Для тѣхъ, кои предполагаютъ, что необходимость единогласія влечетъ за собою болѣе оправданій, нежели метода большинства, мы замѣтимъ, что по статистическимъ извѣстіямъ открывается, что въ Англіи и въ Америкѣ, гдѣ законъ требуетъ единогласія присяжныхъ, бываетъ болѣе приговоровъ обвинительныхъ, въ сравненіи съ числомъ предаваемыхъ суду, нежели во Франціи, гдѣ присяжные рѣшатъ по большинству голосовъ. Конечно различіе въ числѣ обвинительныхъ приговоровъ имѣетъ основаніемъ, въ семъ случаѣ, и другія причины, кромѣ системы единогласія и большинства. Все что мы здѣсь желаемъ пояснить это то, что система единогласія не ведетъ къ безнаказанности, какъ думаютъ люди мало знакомые съ дѣломъ.

§ VIII.

Примѣчаніе къ § VIII. стран. 72.

Въ Англіи аппелляціи, въ настоящемъ смыслѣ, никогда не существовало и даже нынѣ, не смотря на перемѣну въ 1848 году предпринятую, не существуетъ. Англійскіе законы и судебные обычаи конечно представляютъ нѣкоторыя средства къ уничтоженію приговора, особенно по дѣламъ гражданскимъ, въ каковомъ случаѣ дѣло разсматривается другими присяжными; но всѣ сіи средства сопряжены съ большими затрудненіями и неудобствами. Въ дѣлахъ уголовныхъ самое обыкновенное средство для исправленія или перемѣны приговора состоитъ

въ томъ, что судья, если онъ находитъ приговоръ не совсѣмъ справедливымъ, останавливаетъ исполненіе и представляетъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, и тогда обыкновенно наказаніе смягчается или вовсе отстраняется.

Но въ семъ случаѣ, такъ какъ и во всѣхъ другихъ гдѣ правительство дѣйствуетъ по усвоенному ему праву умѣрять наказанія или даровать полное помилованіе, подсудимый милуется или прощается, но ни мало не оправдывается. Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаютъ многіе англійскіе правовѣды, можетъ быть прощенъ или помилованъ такой человѣкъ, который, въ аппелляціонномъ судѣ, могъ бы быть оправданъ.

Въ дѣлахъ гражданскихъ есть болѣе средствъ уничтожить приговоръ нежели въ уголовныхъ. Нѣкоторые правовѣды требовали, чтобы, по крайней мѣрѣ, подобныя средства были предоставлены осужденнымъ въ дѣлахъ уголовныхъ. Но и въ семъ они не имѣли успѣха. Въ изслѣдованіи по сему вопросу почти всѣ судьи, представившие свое мнѣніе, изъявили оное противъ права аппелляціи, утверждая, между прочимъ, что чрезъ то дѣлопроизводство замедлилось бы чрезмѣрно, и что присяжные, зная, что послѣ ихъ приговора возможна аппелляція, будутъ разсматривать дѣла съ меньшимъ вниманіемъ.

Въ 1848 году былъ учрежденъ особый верховный судъ, изъ пяти судей состоящій, который рѣшитъ всѣ сомнѣнія или несогласія относительно истолкованія закона. Но дѣла, поступающія на разрѣшеніе сего суда, вносятся въ оный токмо судьею того суда, въ коемъ дѣло было рѣшено и по его благоусмотрѣнію. Въ семъ случаѣ судья

отлагать исполненіе приговора присяжными даннаго. Тогда дѣло обсуждается гласно въ семъ верховномъ судѣ. Адвокаты для обвиненія и оправданія представляютъ свои объясненія. Судьи рѣшаютъ возникшій вопросъ по большинству голосовъ: они могутъ или утвердить приговоръ или уничтожить, или измѣнить, или наконецъ предоставить рѣшеніе дѣла новому суду присяжныхъ.

Мы должны замѣтить, что многіе свѣдущіе правовѣды въ Англіи продолжаютъ желать, чтобы право предоставленное судьѣ, переносить дѣло въ верховный судъ, было равномѣрно предоставлено и осужденному.

Въ Шотландіи не существуетъ даже и сего средства достигнуть до пересмотра дѣла. Тамъ судья, если онъ находитъ приговоръ присяжныхъ несправедливымъ, можетъ только, остановивъ исполненіе, дать возможность обратиться къ милосердію державной власти. Единственнымъ средствомъ къ уничтоженію приговора остается право обратиться къ Палатѣ Лордовъ.

Въ Сѣверной Америкѣ (Ню Іоркъ), когда состоялся приговоръ оправдательный, обвиняющій прокуроръ можетъ требовать, въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, новаго суда, въ продолженіе 3хъ дней. Если приговоръ былъ обвинительный, то подсудимый можетъ также требовать новаго суда, равномѣрно только въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ. Аппелляція противъ признанія и опредѣленія вины, когда никакой законъ не былъ нарушенъ, никогда не допускается. Это недавнее узаконеніе встрѣтило много противорѣчія въ Америкѣ: многіе отвергали право аппелляціи, основываясь на томъ,

что чрезъ то уменшается уваженіе къ приговорамъ присяжныхъ.

§ XI.

Примѣчаніе къ § XI. стран 85

Главнѣйшая обязанность прокуроровъ въ другихъ земляхъ, какъ напр. во Франціи, состоитъ въ преслѣдованіи предъ судомъ лицъ, преступившихъ законъ. Вмѣстѣ съ симъ они являются вообще въ видѣ блюстителей закона, назначаемыхъ отъ правительства; они наблюдаютъ за должнымъ исполненіемъ закона и за правильнымъ теченіемъ дѣлъ.

Всѣ сіи принадлежности должны быть предоставлены прокурорамъ и по нашему предположенію.

Но существенное свойство обязанностей прокурора состоитъ особенно въ надзорѣ, въ контролѣ. Этотъ характеръ должности прокурорской, какъ намъ кажется, особенно усвоен симъ лицамъ нашимъ русскимъ законодательствомъ. Польза сего учрежденія очевидна и неоспорима.

Конечно, въ дѣлахъ судебныхъ, надзоръ и контроль прокурора является самымъ необходимымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго судопроизводства, хотя впрочемъ въ нѣкоторыхъ земляхъ, какъ напримѣръ въ Англіи, такихъ прокуроровъ вовсе не существуетъ. Но признавая пользу сего учрежденія по дѣламъ судебнымъ, мы спрашиваемъ: по чему русское правительство не признало за благо распространить приложенія сего правила надзора и контроли на всѣ отрасли государственнаго управленія, и

именно на ходъ дѣлъ исполнительной части? Надзоръ и контроль вездѣ полезны, хотя и не въ равной степени. То что̀ дѣлаютъ прокуроры по судебной части, инспекторы могутъ, до нѣкоторой степени, дѣлать по части правительственной.

Дѣла правительственныя сосредоточиваются въ одномъ центрѣ: въ кабинетѣ министра. При теперешнемъ порядкѣ вещей министръ узнаетъ о теченіи дѣлъ въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ единственно по донесеніямъ подчиненныхъ ему лицъ. Но что̀ удостовѣряетъ его, что сіи донесенія совершенно соотвѣтствуютъ истинѣ? Къ тому же одно изъ подчиненныхъ ему лицъ или мѣстъ можетъ дѣйствовать, исполняя впрочемъ законъ добросовѣстно, но по собственному своему усмотрѣнію, однимъ образомъ, между тѣмъ какъ другое, столь же добросовѣстно, но также по своему усмотрѣнію, дѣйствуетъ иначе. Какимъ образомъ министръ можетъ основать единство въ дѣйствіи? Предписанія его, послѣдующіе циркуляры, не могутъ всего изъяснить такъ, чтобы всѣ поняли ихъ одинаковымъ образомъ и дѣйствовали въ сообразности. Къ тому же министръ долженъ имѣть достовѣрность, что и сіи циркуляры должны быть поняты и приведены въ исполненіе согласно съ его предположеніями. Однимъ словомъ для главнаго начальства не достаточно предписывать и получать донесенія отъ исполнителей его предписаній. Оно должно знать какъ дѣла на самомъ опытѣ производятся, и сіе не только въ такомъ или въ такомъ мѣстѣ, но во всей имперіи.

Конечно и теперь существуютъ въ Россіи нѣкоторыя

учрежденія инспекторскія. Почтовое вѣдомство имѣетъ объѣздныхъ офицеровъ; университеты посылаютъ профессоровъ осматривать училища. Военное министерство имѣетъ корпусныхъ и другихъ инспекторовъ. Иногда сенаторы и другіе чиновники назначаются для осмотра, ревизіи или губерній вообще или нѣкоторыхъ мѣстъ въ особенности. Но все это весьма недостаточно и только что указываетъ на необходимость дальнѣйшаго развитія сей отрасли государственнаго управленія. Цѣль, къ достиженію которой надлежитъ стремиться, состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить въ министерствахъ всѣ возможныя свѣденія о ходѣ и производствѣ дѣлъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, о точномъ или плохомъ исполненіи законовъ и постановленій, объ усердіи или нерадѣніи чиновниковъ, о ихъ способностяхъ и т. д.

Цѣль сія не иначе можетъ быть достигнута, какъ посредствомъ особенныхъ инспекторовъ посылаемыхъ отъ министровъ ежегодно во всѣ концы имперіи, каждый по своей части, и каждый въ особенно назначенный для него округъ. Исполнивъ инспекцію, инспекторы соединяются въ министерствѣ. Каждый представляетъ собранныя имъ свѣденія и замѣчанія. Изъ сихъ свѣденій и замѣчаній составляется, подъ надзоромъ министра, общее обозрѣніе или отчетъ, по коему и правительство и общее мнѣніе могутъ, по возможности, здраво и безошибочно судить о положеніи дѣлъ вообще. Обыкновенныя представленія къ наградамъ всего приличнѣе могутъ быть предоставлены сему собранію инспекторовъ. Въ званіе инспекторовъ надлежитъ опредѣлять опытнѣйшихъ чиновниковъ по каждой части.

Во Франціи, гдѣ вообще такъ называемая администрація устроена примѣрнымъ образомъ, каждое министерство имѣетъ своихъ постоянныхъ инспекторовъ. Министерство военное назначаетъ ежегодно нѣсколько инспекторовъ, для различныхъ округовъ, гдѣ расположены войска, изъ тѣхъ генераловъ, кои, по своимъ лѣтамъ, не могутъ продолжать дѣйствительной службы. Въ извѣстное время они отправляются, каждый въ свой округъ, на инспекцію. Возвращаясь они сообщаютъ, въ общемъ присутствіи, свои замѣчанія и дѣлаютъ представленія къ наградамъ.

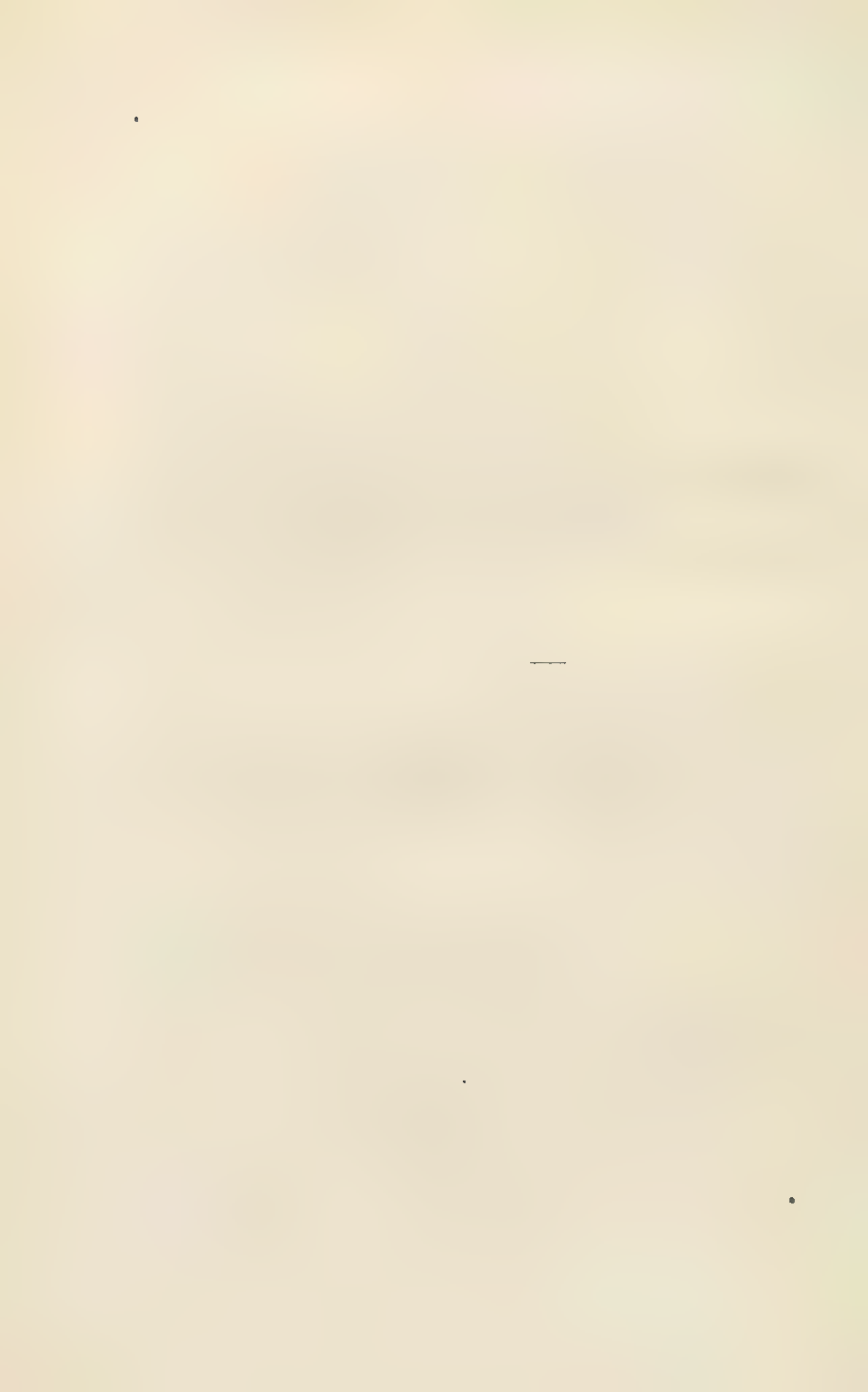
Въ другихъ министерствахъ, инспекторы назначаются для постояннаго исполненія своей должности. Министерство финансовъ, министерство народнаго просвѣщенія и пр. имѣютъ своихъ постоянныхъ инспекторовъ. Они избираются изъ почетнѣйшихъ чиновниковъ по каждой части.

Однимъ словомъ: управленіе безъ постоянныхъ инспекторовъ никогда не можетъ быть удовлетворительно.

Мы не знаемъ: существуютъ ли въ Россіи постоянные инспекторы по сей столь важной отрасли управленія, по управленію государственныхъ имуществъ и по удѣламъ. Вѣроятно, что министерство государственныхъ имуществъ имѣетъ что нибудь подобное на инспекторство. Въ противномъ случаѣ нельзя постигнуть какимъ образомъ сіе управленіе можетъ совершаться.

Vert-Bois. 10 Октября. 1857.

О СУДАХЪ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ.

О судахъ полицейскихъ.

Недавно мнѣ случилось читать, въ одномъ французскомъ журналѣ, описаніе полицейскихъ судовъ въ Англіи, и именно въ Лондонѣ. Авторъ не ограничивается описаніемъ, но совѣтуетъ учрежденіе подобныхъ судовъ во Франціи, особенно въ Парижѣ.

Имѣя нѣкоторое понятіе объ устройствѣ судебной власти въ Англіи и во Франціи; зная несходство и даже нѣкоторую противуположность между образованіемъ судовъ и судопроизводства въ сихъ двухъ земляхъ; соглашаясь, что Французы не безъ причины гордятся систематическимъ учрежденіемъ своихъ судебныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ Англичане, съ своей стороны, справедливо предпочитаютъ простоту своего судопроизводства, столь несообразную съ методизмомъ французскаго кодекса, но столь вѣрную и столь благодѣтельную на самомъ опытѣ; находя, что въ семъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, характеръ народный отражается болѣе или менѣе въ характерѣ законодательства и наконецъ заключая, по новѣйшимъ реформамъ предпринятымъ въ Англіи, что если одно государство должно подражать другому, то конечно

скорѣе Англія будетъ искать, въ семъ отношеніи, примѣровъ во Франціи, нежели Франція въ Англіи, — я удивился этому предложенію Француза занять что либо, относительно не только судопроизводства, но и самого устройства судовъ, у Англіи. Но вникнувъ поглубже въ разсмотрѣніе вопроса, я убѣдился, что предложеніе французскаго правовѣда основательно и что устройство, особенно въ Парижѣ, полицейскихъ судовъ подобныхъ лондонскимъ, было бы конечно полезно.

Въ большомъ, многолюдномъ городѣ ежедневно случается множество происшествій нарушающихъ общественный порядокъ и законы. Отъ ничтожной ссоры до самаго смертоубійства, всѣ эти проступки и преступленія должны быть прекращаемы и преслѣдуемы установленными властями. Какъ происходитъ это прекращеніе и преслѣдованіе въ самомъ началѣ, т. е. немедленно послѣ происшествія?

Во Франціи нѣкоторые противузаконные поступки, въ сущности своей маловажные (contraventions), рѣшаются судьею мира (tribunal de simple police). *) Но настоящіе

*) Вѣдѣніе судьи мира (Juge de paix) распространяется на весьма многіе и разнородные предметы. Главнѣйшіе изъ сихъ послѣднихъ суть: 1) Предупрежденіе тяжбъ посредствомъ примиренія несогласій между спорящими и готовящимися начать процессъ. 2) Рѣшеніе споровъ по различнымъ требованіямъ, коихъ денежная стоимость не простирается далѣе опредѣленной суммы. По суммамъ маловажнымъ онъ рѣшитъ окончательно. По другимъ спорящіе могутъ аппелировать. 3) Штрафованіе отъ 1 до 15 франковъ, по разнымъ полицейскимъ упущеніямъ. Сверхъ сего судья мира исполняетъ различныя предписанія прокурора, предсѣдаетъ въ семейныхъ совѣтахъ (conseil de famille) и пр. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ (chef lieu de canton) есть судья мира.

проступки и преступленія, общественный порядокъ нарушающіе, подлежатъ особенно вѣдѣнію слѣдственнаго судьи (juge d'instruction). Преслѣдованіе, въ сихъ случаяхъ, начинается обыкновенно протоколомъ (procès verbal), составленнымъ жандармомъ или городовымъ сержантомъ, и обвиняемый препровождается къ коммисару полицейскому и по томъ къ прокурору. Сей послѣдній не входитъ въ сущность дѣла, а смотритъ только правильно ли было сдѣлано задержаніе обвиняемаго. Въ семъ случаѣ онъ отсылаетъ его къ слѣдственному судьѣ. Въ противномъ случаѣ прокуроръ можетъ его освободить. Слѣдственный судья или освобождаетъ или даетъ приказъ задержанія (mandat de dépot). Тогда начинается настоящее слѣдствіе (instruction). Если дѣло составляетъ проступокъ (délit), то слѣдственный судья можетъ прямо предать обвиняемаго *исправительному суду* (police correctionnelle). Если дѣло состоитъ въ преступленіи (crime), тогда судья вмѣстѣ съ прокуроромъ, даютъ *приказъ арестаціи* (mandat d'arrêt) и обвиняемый отсылается въ *камеру обвинительную* (chambre des mises en accusation), которая или освобождаетъ или предаетъ обвиняемаго суду присяжныхъ.

Производство во всѣхъ сихъ случаяхъ не гласное, и обвиняемые или допрашиваемые не могутъ быть сопровождаемы и вспомоществуемы защитникомъ или адвокатомъ. Вопросы судьи и отвѣты обвиняемаго излагаются письменно и прилагаются къ дѣлу.

Въ Англіи арестуемые полицейскими констаблями, равно какъ и тѣ, на коихъ приносятся жалобы отъ частныхъ лицъ, предстаютъ предъ судъ полицейскаго судьи.

Въ каждомъ съѣзжемъ дворѣ (station house) присутствуетъ полицейскій инспекторъ. Арестуемыя лица констаблями (полицейскими агентами) представляются ему. Онъ имѣетъ право задержать ихъ подъ стражею. На съѣзжемъ дворѣ есть книга, въ которую записывается имя каждаго арестованнаго, имя приносящаго жалобу или арестовавшаго полицейскаго агента, проступокъ или преступленіе, по коему послѣдовало задержаніе. Если арестованный былъ немедленно освобожденъ, то сіе также записывается въ книгу. Инспекторъ, препровождая арестованнаго въ судъ полицейскій, представляетъ вмѣстѣ копію со всего записаннаго. Протоколистъ суда вноситъ въ свою книгу замѣчательнѣйшія обстоятельства дѣла. Предъ судомъ спрашиваютъ у обвиняемаго его имя. Потомъ предстаетъ обвинитель или полицейскій агентъ арестовавшій обвиняемаго, и, въ качествѣ свидѣтелей, давъ присягу, изъясняютъ дѣло. Такъ какъ англійскій законъ не допускаетъ свидѣтельства по слухамъ, т. е. свидѣтельства о томъ о чемъ свидѣтель слышалъ, а чего онъ самъ не видѣлъ; то судья легко полагаетъ конецъ безполезной болтовнѣ свидѣтелей. По выслушаніи каждаго изъ нихъ, судья спрашиваетъ у обвиняемаго: что̀ имѣетъ онъ сказать о показаніи свидѣтеля. Часто обвиняемый или молчитъ или отвѣчаетъ отрицательно. Иногда обвиняемый или его адвокатъ начинаетъ самъ передопрашивать (cross-examine) свидѣтеля, въ слѣдствіе чего обвиненіе иногда весьма ослабляется. Обыкновенно судья самъ не допрашиваетъ свидѣтелей, кромѣ случаевъ когда обвиняемый самъ не спрашиваетъ, или когда показанія были

неясны, неопредѣлительны. Вообще судья требуетъ поясненій въ выгодахъ какъ обвинителя такъ и обвиняемаго, безъ различія. Большинство обвиненій предъ полицейскими судами состоитъ въ пьянствѣ.

Полицейскіе суды разсматриваютъ также различные споры, напримѣръ между хозяевами домовъ и ихъ жильцами, между мастерами и ихъ учениками. Задерживаемые за прошеніе милостыни также приводятся въ полицейскіе суды. Часто бѣдные умирающіе съ голода, обращаются къ полицейскимъ судьямъ, кои имъ и сами помогаютъ и рекомендуютъ ихъ различнымъ благотворительнымъ заведеніямъ. Иногда нѣкоторыя лица обращаются къ судьѣ прося совѣта по какому нибудь обстоятельству и судья всегда ихъ выслушиваетъ и по возможности удовлетворяетъ ихъ желанію.

Дѣла по обвиненіямъ превышающимъ, касательно окончательнаго рѣшенія, власть полицейскихъ судовъ, производятся тѣмъ же порядкомъ. Въ началѣ дѣлаются показанія свидѣтелей. Обвиняемый можетъ ихъ переспрашивать, представлять своихъ свидѣтелей, имѣть адвоката, что̀ однакоже рѣдко бываетъ. Если судья находитъ обвиненіе основательнымъ, то онъ посылаетъ обвиняемаго предъ судъ большихъ присяжныхъ. Въ такомъ случаѣ судья составляетъ особенный приказъ для преданія суду (a warrant of commitment). Производство всегда гласное и словесное. Обыкновенно дѣла рѣшатся довольно скоро, гораздо скорѣе въ сравненіи съ другими землями.

Судьи полицейскіе въ Лондонѣ, не стоя на той высокой степени іерархіи, на которой находятся 15

судей Англіи, пользуются не менѣе того общимъ уваженіемъ и довѣріемъ.

Въ 1839 году полицейскіе суды въ Англіи были вновь преобразованы. Они существуютъ теперь въ различныхъ городахъ. Въ Лондонѣ 11 судовъ; судьи получаютъ жалованья отъ 1000 до 1200 ф. стер. Въ должность судьи назначаются обыкновенно почтенные адвокаты. При каждомъ судѣ 2 судьи. Судъ присутствуетъ ежедневно отъ 10 до 4хъ часовъ.

Изъ сего краткаго изложенія порядка вещей въ двухъ государствахъ легко можно видѣть, что производство англійское гораздо проще французскаго, что оно идетъ скорѣе, не говоря уже о томъ, что условіе гласности несравненно болѣе обезпечиваетъ личность обвиняемаго.

Въ Россіи, французскіе слѣдственные и англійскіе полицейскіе судьи, не замѣняются теперь, какъ это бывало прежде, однимъ полицейскимъ произволомъ. Нынѣ существуютъ въ столицахъ, по городскимъ частямъ, *слѣдственные пристава*, кои дѣйствуютъ съ частными приставами и руководствуются, какъ мнѣ сказалъ одинъ изъ сихъ чиновниковъ, XVмъ томомъ свода законовъ.

Можетъ быть сего устройства достаточно для сохраненія, какъ бы то ни было, наружнаго порядка въ городѣ. Но достаточно ли такого результата для правительства народолюбиваго?

Все русское судопроизводство требуетъ перемѣнъ и лучшаго устройства. Судопроизводство полицейское не дѣлаетъ въ семъ отношеніи изключенія изъ общаго пра-

вида. Но если мы пристальнѣе всмотримся въ характеръ полицейскаго судопроизводства, то найдемъ, что кромѣ общихъ требованій правосудія, коимъ оно долженствуетъ соотвѣтствовать, оно должно, или по крайней мѣрѣ можетъ, въ особенности способствовать успѣхамъ нравственности народной, способствовать морализаціи массъ, и сіе если не болѣе, то конечно легче, удобнѣе нежели судопроизводство инаго рода.

И подлинно! Тысячи людей, въ теченіе года, проходятъ чрезъ слѣдствія полицейскія. Не всѣ, подвергаемые слѣдствію, бываютъ виновны; многіе, виновные только въ малой степени, заслуживаютъ снисхожденія и должны быть охранены въ соразмѣрности. Видя себя предъ судомъ, они могутъ страшиться, робѣть, *бояться*, по русской пословицѣ, *судьи* еще *болѣе нежели суда*; но спрашивается: могутъ ли они имѣть довѣріе къ судьѣ, какъ обвиняемые во Франціи и особенно въ Англіи? Откуда это довѣріе можетъ возникнуть?

Вообразите, напротивъ того, что обвиняемый, представляясь суду, находитъ судью настоящаго, правовѣда, который допрашиваетъ его тихо, терпѣливо, честно, зная, что обвиняемый не есть уже осужденный; и что этотъ судья, въ его присутствіи, такимъ же законнымъ образомъ, допрашиваетъ свидѣтелей какъ въ пользу такъ и противъ него; что кромѣ сего, онъ, обвиняемый, можетъ пользоваться совѣтомъ избраннаго имъ самимъ адвоката, и наконецъ, — это всего важнѣе, — что все слѣдствіе происходитъ гласно . . . вообразите себѣ такое судопроизводство, и скажите: останется ли оно безъ всякаго благо-

творнаго вліянія на умъ и сердце не только подсудимыхъ, но и цѣлыхъ массъ народныхъ?

Изложить предварительно во всѣхъ подробностяхъ устройство полицейскихъ судовъ и судопроизводство въ оныхъ было бы трудно, даже невозможно; для сего надлежитъ быть на мѣстѣ, удостовѣриться не только въ томъ, на какихъ основаніяхъ должны по нынѣ существующимъ законамъ производиться теперь дѣла, предназначаемыя для сихъ судовъ, но и какимъ образомъ производство совершается дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ. Слѣдствія уголовныя, коими занимаются теперь слѣдственные пристава, должны обратить на себя особенное вниманіе. Можетъ быть, въ началѣ новаго порядка, признано будетъ удобнѣе отдѣлить эти слѣдствія отъ вѣденія полицейскихъ судовъ, хотя впрочемъ мы не видимъ къ сему повода, если вѣдомство полицейскихъ судовъ будетъ ограничиваться однимъ городомъ. Какъ бы то ни было, не входя въ подробности образованія полицейскихъ судовъ, мы удовольствуемся здѣсь означеніемъ главныхъ началъ, на коихъ они могутъ быть устроены.

Прежде всего мы замѣтимъ, что здѣсь дѣло идетъ исключительно о судопроизводствѣ, а не о законодательствѣ полицейскомъ. Существующіе законы будутъ оставаться въ своей силѣ, но приложеніе сихъ законовъ будетъ ввѣрено инымъ лицамъ и будетъ подвергнуто инымъ правиламъ. Только одной, конечно важной перемѣны мы будемъ твердо и неукоснительно требовать въ теперешнихъ законахъ, и именно безусловнаго уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. Всѣ возможныя реформы въ

Россіи, до чего бы онѣ ни касались, никогда не будутъ имѣть желаемаго успѣха пока обыкновеніе, привычка, будетъ позволять одному человѣку бить другаго по тому единственно, что одинъ одѣтъ по европейски, а другой по русски. Такая уродливая безсмыслица не можетъ быть истреблена иначе, какъ если само законодательство войдетъ въ предѣлы пристойности и человѣколюбія и возвратитъ ея достоинство личности каждаго подданнаго и уважитъ даже и въ преступникѣ святость безсмертной души человѣка. И такъ тѣлесныя наказанія, по нашему непреодолимому убѣжденію, должны быть замѣнены денежною пенею, простымъ заключеніемъ въ тюрьму и заключеніемъ съ работою. Въ сей только мѣрѣ новое устройство коснется до законодательства.

Приступая къ устройству полицейскихъ судовъ надлежитъ опредѣлить такъ называемое *вѣдомство*, или, точнѣе сказать, вѣденіе (compétence) сихъ судовъ, т. е. предѣлы, до коихъ власть ихъ должна распространяться, или иными словами: изчислить всѣ дѣла, кои должны подлежать сему вѣдомству. То что̀ теперь существуетъ въ семъ отношеніи укажетъ на то что̀ должно быть вновь опредѣлено. Дѣла, кои подлежатъ теперь вѣденію слѣдственныхъ приставовъ, впредь будутъ подлежать вѣденію полицейскихъ судовъ. Для производства слѣдствій уголовныхъ, можетъ быть, нужно будетъ, оставить слѣдственныхъ приставовъ, на первое время, въ исключительномъ распоряженіи полицейскаго судьи.

Обращаясь теперь къ изложенію существенныхъ началъ устройства полицейскихъ судовъ, мы скажемъ, что

предложенія наши мы изложимъ кратко, не входя въ доводы и доказательства истины и пользы сихъ предложеній. Мнѣнія наши о сихъ предметахъ суть результатъ многолѣтняго изученія и долгаго размышленія. Мы имѣли случай, въ теченіе нашей жизни, неоднократно изъявлять наши убѣжденія и словесно, и письменно, и въ печати. Впрочемъ все что̀ мы предлагаемъ давно уже перешло въ убѣжденіе свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ людей во всемъ свѣтѣ.

Вотъ предлагаемыя правила устройства полицейскихъ судовъ:

1) Судъ долженъ состоять изъ одного судьи.

Это правило, распространенное на всѣ суды вообще, составляетъ вопросъ еще не рѣшенный. Что касается до насъ, то я въ полной мѣрѣ раздѣляю мнѣніе, что лучше имѣть во всякомъ судѣ одного судью нежели трехъ или пятерыхъ, потому наиболѣе, что сосредоточивая отвѣтственность на одномъ лицѣ, законодатель имѣетъ болѣе причинъ ожидать серіознаго и добросовѣстнаго рѣшенія. Когда отвѣтственность раздѣляется между многими, то она естественно становится легче для каждаго.

Выборъ правительствомъ судей долженъ быть строгій и разборчивый. Теперь есть въ Россіи правовѣды, изъ коихъ не трудно будетъ избрать человѣкъ десять для исполненія новоучрежденной судейской должности.

Покуда существуютъ въ Россіи чины, надлежитъ постановить, что назначаемый въ судейскую должность, будетъ пользоваться преимуществами VIго класса, какъ сіе бываетъ по выборамъ дворянства. Жалованье судей должно быть достаточное.

Вмѣстѣ съ симъ слѣдуетъ узаконить, что судья не можетъ быть отставленъ противъ своей воли иначе, какъ по изъявленіи публично причинъ его отставки.

2) Производство должно быть словесное, а не письменное. Если встрѣчаются еще люди, кои предпочитаютъ письменное производство словесному, то это особенно въ тяжбахъ гражданскихъ. Въ дѣлахъ полицейскихъ едва ли кто либо будетъ защищать письменное производство. „Учрежденіе о Губерніяхъ" Екатерины ІІой, которое, вмѣстѣ съ инструкціею для составленія законовъ, не довольно, кажется, обращаетъ на себя вниманіе мыслящихъ людей въ Россіи, это, „Учрежденіе," основаніемъ „словесныхъ судовъ," отвѣтствовало истинному требованію суднаго порядка.

Письменное, въ полицейскомъ судопроизводствѣ, должно ограничиваться изложеніемъ на бумагѣ приказанія о взятіи подъ стражу, о явкѣ свидѣтелей. Конечно секретарь суда долженъ вести протоколъ о ходѣ дѣла и записывать рѣшеніе суда, которое бывъ подписанно судьею, будетъ служить законнымъ документомъ.

Въ чемъ бы ни состояло подлежащее рѣшенію суда дѣло, кто бы ни былъ истцемъ: полиція ли, обвиняющая отвѣтчиковъ въ нарушеніи порядка, частное ли лице ищущее удовлетворенія, во всѣхъ случаяхъ вообще, разсмотрѣніе дѣла должно происходить посредствомъ допроса свидѣтелей. Какъ предстоящія суду лица, такъ и судья, могутъ призывать свидѣтелей и никто не долженъ уклоняться отъ свидѣтельства по вызову суда.

Такъ какъ мы излагаемъ здѣсь только главныя осно-

ванія образованія полицейскихъ судовъ и производства дѣлъ въ оныхъ; то мы не входимъ въ подробности сего предмета, кои могутъ быть изложены и опредѣлены безъ большаго затрудненія тогда когда главныя начала новаго порядка будутъ приняты. Мы почитаемъ нужнымъ, однакоже, указать на одно обстоятельство, заслуживающее вниманія по особенной прикосновенности своей къ симъ началамъ. Это обстоятельство состоитъ въ вопросѣ: слѣдуетъ ли позволить обвиняемому предъ полицейскимъ судомъ имѣть защитника?

Самое существо большей части дѣлъ, кои будутъ въ вѣденіи сихъ судовъ, необходимость краткости и скорости въ дѣлопроизводствѣ, позволяютъ думать, что можно, безъ большихъ неудобствъ, обойтись безъ адвокатовъ. Съ другой стороны встрѣчаются такіе случаи, въ коихъ обвиненіе можетъ быть и важно и вмѣстѣ весьма неопредѣленно, запутанно, и когда первые допросы и первые отвѣты обвиняемаго могутъ имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу его. Въ такихъ случаяхъ, въ смущенномъ расположеніи духа обвиняемаго, совѣтъ хладнокровнаго и опытнаго защитника можетъ быть въ выгодахъ не только обвиняемаго, но и самаго правосудія.

Мы видѣли выше, что во Франціи адвокаты не допускаются къ слѣдствію.

Въ Англіи обвиняемый можетъ имѣть адвоката предъ полицейскимъ судомъ, также какъ и предъ судомъ присяжныхъ, хотя рѣшенія большихъ присяжныхъ (grand jury, jury d'accusation) происходитъ безъ адвокатовъ.

Обращаясь къ нашему вопросу, мы замѣтимъ, что

существованіе судебныхъ защитниковъ, адвокатовъ, не извѣстно въ Россіи, не потому только, что у насъ все производство письменное, но и по другимъ причинамъ, не требующимъ изъясненія. Конечно, когда вздумаютъ приступить къ лучшему устройству судебной части въ Россіи, то необходимо будетъ образовать классъ или званіе судебныхъ защитниковъ, адвокатовъ; но начать это образованіе съ новымъ устройствомъ однихъ полицейскихъ судовъ было бы затруднительно, не ловко. И такъ, хотя съ сожалѣніемъ, мы должны отказаться отъ мысли дать нѣкоторую постороннюю помощь обвиняемымъ въ полицейскихъ судахъ. Ограничимся настоятельнымъ требованіемъ, чтобы допросы въ сихъ судахъ были предпочтительно обращаемы къ свидѣтелямъ, а не къ обвиняемому, который не долженъ быть принуждаемъ отвѣчать, когда онъ предпочитаетъ молчать. Все дѣло должно быть обнаружено показаніями свидѣтелей.

И здѣсь мы невольно коснулись до производства слѣдствія вообще, предметъ принадлежащій къ общему устройству судебнаго порядка, который остается внѣ теперешнихъ нашихъ предложеній. Укажемъ только при семъ случаѣ на существенную важность, которая присвоивается, въ нашей мысли, лицу судьи. Успѣхъ новаго учрежденія будетъ особенно зависѣть отъ выбора судей. Правительство должно будетъ составить для сихъ судей подробную инструкцію, въ которой изъяснится сущность и характеръ полицейскаго суда, цѣль его учрежденія, цѣль, не только въ одномъ правосудіи, но и въ морализаціи массъ народныхъ состоящая. Въ правилахъ для руководства

судьи будетъ изъяснено какъ онъ долженъ стараться избѣгать этой пошлой методы допроса, по коей ищутъ всѣми средствами добиться до признанія; какъ, напротивъ того, онъ обязанъ, оставляя въ покоѣ обвиняемаго, если сей послѣдній не хочетъ отвѣчать, обращаться къ свидѣтелямъ и притти къ заключенію основываясь единственно на показаніяхъ сихъ свидѣтелей. Благонамѣренный и хотя нѣсколько образованный судья пойметъ мысль правительства, пойметъ важность своего призванія и не пощадитъ усилій достичь истины средствами кроткими, здравыми, не *пристрастными*.*) Повторяемъ: отъ выбора судей, отъ инструкціи, которая имъ будетъ дана, и отъ наблюденія за точнымъ ея исполненіемъ, зависитъ успѣхъ всей реформы, которая, начиная преобразованіе русскаго судопроизводства, должна положить рѣшительный конецъ пыткѣ, имя даже которой Императоръ Александръ I. желалъ видѣть истребленнымъ изъ русскаго языка!

Наконецъ 3) Судопроизводство въ полицейскихъ судахъ должно быть гласное, т. е. съ открытыми для всѣхъ дверями и съ возможностію печатать все происходящее въ судахъ.

Мы только лишь произнесли слово: пытка. Повторимъ здѣсь мнѣніе всѣхъ свѣдущихъ людей, всего образованнаго свѣта, мнѣніе противъ коего давно уже замолкли голоса всѣхъ слѣпыхъ и зрячихъ, умныхъ и бестолковыхъ любителей старины: оно состоитъ въ томъ, что

*) Въ смыслѣ теперешняго судебнаго языка допросъ *пристрастный* значитъ допросъ со страстію, т. е. со страхомъ, или, сказать просто, съ побоями! Слово обыкновенно соотвѣтствуетъ дѣлу.

гласность, одна только гласность, и ни что иное, можетъ вполнѣ отвѣтствовать справедливымъ требованіямъ правосудія, обеспечить личность обвиняемаго и утвердить чувство и сознаніе безопасности въ людяхъ вообще, и что по сему одна только гласность можетъ истребить пытку и увѣрить людей, что пытка истреблена.

Правосудіе и тайна — суть два слова прямо противурѣчащія одно другому. Правое, какъ и все благое, не боится свѣта.

Казнь бываетъ публичная, *торговая*, какъ говорится по русски; а дорога, которая привела несчастнаго къ этой казни, эта дорога закрыта для глазъ смотрящихъ на казнь; — въ Россіи часто и для глазъ самого страдальца! Какая жестокая несообразность!

---

1. *Примѣчаніе.* Предполагаемая реформа, состоящая въ учрежденіи полицейскихъ судовъ, имѣетъ ту выгоду, что она можетъ быть введена въ дѣйство въ маломъ размѣрѣ, въ видѣ опыта. Полицейскіе суды могутъ быть устроены съ начала только въ одной изъ столицъ, въ С. Петербургѣ, подъ глазами правительства. Обвиняемымъ въ тѣхъ проступкахъ и преступленіяхъ, кои будутъ подлежать вѣденію новыхъ судовъ, можно предоставить на волю избрать или существующій нынѣ порядокъ судопроизводства, или предстать предъ новый судъ полицейскій, съ тѣмъ только, чтобъ сей выборъ былъ окончательный и рѣшительный.

2. *Примѣчаніе.* Предполагая и надѣясь, что скоро крѣпостному состоянію будетъ положенъ конецъ, мы напомнимъ, что огромное число людей, получивъ гражданскія права, будетъ совершать между собою всякаго рода, сдѣлки, продавать, покупать, дарить, дѣлать духовныя завѣщанія. Всѣ споры между крѣпостными людьми рѣшаемые теперь владѣльцемъ, всѣ проступки преслѣдуемые и наказываемые нынѣ безотвѣтною властію помѣщика, будутъ подлежать рѣшенію судовъ. Очевидно, что теперь существующихъ присутственныхъ мѣстъ для совершенія или свидѣтельствованія различныхъ сдѣлокъ, купчихъ, завѣщаній; судовъ для рѣшенія дѣлъ полицейскихъ, будетъ недостаточно. Надобно будетъ приступить къ учрежденію новыхъ судовъ. Не полезно ли будетъ заранѣе учредить предлагаемые нами суды полицейскіе, кои, во всякомъ случаѣ, могли бы служить образцемъ для дальнѣйшаго устройства мѣстъ судебныхъ?

Vert-Bois, 20 Августа 1857.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

2. АДВОКАТЫ И ПОВѢРЕННЫЕ, или ходатаи по дѣламъ. Физiологическiй Этюдъ. (Les avocats et les hommes d'affaires etc. Etude physiologique). 2. —
3. ПЕТРЪ I. Членъ парижской академiи наукъ. (Pierre I. membre de l'Academie des sciences de Paris). 1. 50
4. МОСКОВСКАЯ РѢЗНЯ 1606 года. (Massacre de Moscou.) 3. —
5. КЪ РУССКИМЪ. (Aux Russes). 3. —

Томъ IV.

1. О судѣ присяжныхъ и судахъ полицейскихъ въ россiи. (Du jury et de la police en Russie.)
О возможномъ соединенiи россiйской церкви съ западною безъ измѣненiя обрядовъ православнаго богослуженiя. (Sur la possibilité de réunir les églises russe et romaine sans changer la liturgie). 6. —
СОКРОВИЩЕ ХРИСТIАНИНА и проч. (Le trésor du chrétien). 2. 50
КАТИХИЗИСЪ РУССКАГО НАРОДА. (Catéchisme du peuple russe). 1. —
ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАРИЖСКИЙ МѢСЯЦОСЛОВЪ на 1860й годъ. (Calendrier orthodoxe de Paris pour 1860). 2. 50
ГАГАРИНА, О примиренiи русской церкви съ римскою. Сочиненiе И. Гагарина, переводъ И. Мартынова, священниковъ братства iисусова. — (Gagarin, P., De la réunion de l'Eglise russe et romaine). 3. —
ГАГАРИНА, Любопытныя свидѣтельства о непорочномъ зачатiи Богородицы. Издалъ И. Гагаринъ, священникъ общества Iисусова. (Gagarin, P., témoinages curieux sur l'immaculée conception de la Vierge). 2. 50
ДЕ ГАЛЕТЪ. Мiръ. Космогонiя взаимное отношенiе наукъ и настоящее положенiе человѣка. De Gallet, le monde. Cosmogonie etc. 6. —
ДЕ ГАЛЕТЪ. Умъ съ Горя. (De Gallett, l'esprit du malheur; comédie). 3. —
ИСКАНДЕРЪ ГЕРЦЕНЪ. [Iskander (Herzen)]. 6. —
РУССКОЕ ДУХОВЕНСТВО. (Le clergé russe). 8. —

Ouvrages français traitant de la Russie.

Bibliothèque russe et polonaise.

Vol. 1. et 2. Mayerberg voyage en Moscovie, 2 vols. 6. —
Vol. 3. Voyage en Pologne fait dans les années 1688 et 1689. 3. —

Vol. 4. Journal du voyage du Boyare Chérémétef à Crac
Venise, Rome et Malte. 3

Vol. 5. Le Théâtre de la Moscovie par le R. P. Boussingaul
Discours sommaire par P. de la Ville. 2

Vol. 6. Histoire de la vie, du règne et du détrône
d'Iwan III, empereur de Russie. 2

Vol. 7. Chevalier, la guerre des cosaques contre la Pologne.

Vol. 8. Korb, Récit de la sanglante révolte des Strélit
Moscovie. 2. —

Vol. 9—12. Mémoires de la Comtesse Daschkoff. 4 vols. 12. —

Bibliothèque russe. Nouvelle Série.

Vol. 1. 2. Mémoires du Comte Manstein. 2 vols. 7. 50

Vol. 3. La réligion des Moscovites en 1525 par Jean Faber. Une ambassade russe à la cour de Louis XIV.

Fleischmann, Ch. L., Les Etats-Unis et la Russie, considérés au point de vue de la grande culture et du travail libre. 1858. 2. —

Haxthausen, A. de, de l'Abolition par voie législative du partage égal et temporaire des terres dans les communes russes. 1858. — 75

Législation russe, (De la), au point de vue de la liberté de conscience. 1858. — 50

Les slaves occidentaux. 1858. 3. —

La Russe est-elle schismatique? Aux hommes de bonne foi par un Russe orthodoxe. 1859. 1. —

Le Raskol. Essai historique et critique sur les sectes religieuses en Russie. 1859. 6. —

Essai sur la philosophie slave et sur l'influence politique et religieuse qui l'a dirigée par M. D. S . . . . k. Avec un avant-propos par M. Landrin, fils. 1846. 2. —

De Sergy, J Quelques mots sur le schisme oriental. 2. —

Orthodoxie et Papisme, examen de l'ouvrage du Père Gagarin sur la réunion des Eglises catholique grecque et catholique romaine par un Grec, membre de l'eglise d'Orient. 2. —

Projet d'une Charte constitutionelle d'Alexandre I. Empereur de Russie. Derniers jours de la vie de l'Empereur Alexandre. 1859. 8. 2. —

Dolgoroukow, Prince P., la verité sur la Russie. 8. —

Socialisme, le, en Russie. Etude contemporaire.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

2007058104